
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

193

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 193

I – 2008

К 90-летию Февраля и Октября

Что поразит будущего историка, это полное несоответствие исторического содержания происшедшего с его внешней формой.

Б. Ельшиевич

Ответственный редактор

НИКИТА СТРУВЕ

Секретарь редакции

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Редакционная коллегия:

прот. Николай Озолин, Н. Струве,

Т. Викторова, Д. Струве (Париж),

О. Раевская-Хьюз (США), Д. Поспеловский (Канада),

еп. Иларион (Алфеев), Е. Барабанов, Ю. Кублановский,

Б. Любимов, В. Никитин, О. Седакова (Москва),

К. Сигов (Киев)

Девятое десятилетие русской революции дает повод снова задать вопрос: что же в Феврале случилось в России и что же после Октября случилось с Россией? На первый вопрос ответить не слишком трудно. Ниже читатель найдет ранее не печатавшееся исследование начала 20-х годов социолога и мыслителя Григория Ландау, в котором он обстоятельно показывает, что в 1917 году, собственно, никакой революции не было. В этом, на расстоянии 60 лет, с ним сходятся А.И. Солженицын в своих кратких, но необычайно ярких «Размышлениях о Февральской революции». Первоначально они были задуманы как заключительные главы к каждому тому «Марта 17-го», но в издании эпопеи автор решил их не включать, вероятно, предоставляя читателю самому сделать выводы из художественного исследования февральских-мартовских дней. Только теперь, в преддверье второго траурного юбилея, эти четыре главки были изданы в виде самостоятельной книжки. Как и Ландау, Солженицын решительно считает, что в феврале, да и в октябре, никакого общенародного, стихийного движения к изменению политического строя и уклада жизни в России не было, что первые проявления недовольства легко было остановить применением минимальных властных мер. В феврале, по целому ряду внешних и внутренних, казалось бы случайных, причин, при малейшем напоре слева, трехвековая монархическая династия покончила с собой и тем самым образовала в стране зияющую пустоту, которую заполнили злые силы (бездна бездну призывает). Тут мы соприкасаемся с неписанными законами общественной жизни: три века

не предельный ли срок для любой династии (во Франции династия Бурбонов продержалась немногим дольше). В падении русской монархии роковую роль сыграли два обстоятельства: присутствие у трона лжепророка Распутина, лишившее монархию ее религиозного обоснования (о чем красноречиво пишет Н. Бердяев в печатаемой ниже статье) и затянувшаяся несправедливая война (т. е. ненужная и даже порочная, поскольку не была ответом на нападение). В русской истории заметен один постоянный закон: при любом режиме Россия проигрывает наступательные, периферийные войны и выигрывает оборонительные — те, что затрагивают само сердце страны. Так, крепостная Русь отбила великую непобедимую армию Наполеона, а мощная Россия проиграла войну с Японией и безуспешно вела Первую мировую войну, длившуюся четыре года на ее периферии. Военизированный и террористический Советский Союз не одолел в сороковом году маленькую Финляндию, а отбил, как некогда наполеоновские, несметные немецкие полчища. В Феврале монархия передала без всякой нужды власть леволиберальной общественности, которая немедленно выпустила ее из рук просто «на улицу», как замечательно показал в своих размышлениях Солженицын. Совдепу осталось ее только подобрать и разнуздать революционную стихию, которая, как предсказал Достоевский и как на опыте ощутил в 1918 году Н. Бердяев, «есть беснование, одержимость». Французская революция совершилась под знаком деизма и закончилась через пять лет, когда бесы только начали разыгрываться. Советская революция началась там, где кончилась французская: с безумной попытки богоубийства, повлекшей за собой невиданное еще в истории человекоубийство (как тел, так и душ, ибо десятки миллионов жертв требовали десятков тысяч доносчиков и палачей). Она длилась 70 лет и целое полстолетие, от Ленина до Хрущева, ее главным нервом было богоречество

Но тут перед нами встает вопрос, на которой, увы, нет рационального, да и метафизического ответа: почему именно России, бывшей некогда или притязавшей быть Святой Русью, выпала на долю кровавая, бесовская судь-

ба — чей единственный положительный результат был в том, чтобы показать всему миру не только перверзность и обреченность социализма, но, глубже и шире, всякой попытки построить жизни вне Бога и против Бога.

НИКИТА СТРУВЕ

БОГОСЛОВИЕ

О. АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

Плюрализм и Православие

Для православного человека, особенно если он живет на Западе, проблема плюрализма представляет немало трудностей. Главная, хотя и не единственная, причина этого в том, что Православная Церковь никогда не жила в плюралистическом обществе и сейчас встретила с ним в первый раз за всю свою историю. Теперь нам приходится с трудом и болью приспособляться и учиться вести себя в ситуации, чуждой нашему историческому, духовному, психологическому и культурному опыту.

Я не претендую на то, что смог решить эту проблему. Мы только начинаем осмыслять ее, как каждый по отдельности, так и все мы вместе. Я не хочу также и сказать, что наш случай уникален. Но на Западе такое осмысление плюрализма началось раньше и стало частью самой западной культуры.

Православие развивалось в «органическом» мире, и весь его опыт ограничивался органическим сочетанием религии, культуры и государства. Здесь невозможно раскрыть все стороны и смыслы этого «организма». Его положительные и отрицательные аспекты уже не раз подвергались анализу, и называть его «православным мировоззрением» не значит отрицать его многие трагические неудачи и грехи. Здесь важно отметить то, что Православие никогда не рассматривало религию лишь как часть жизни человека, нечто, пред-

назначенное для личного употребления; религия, наоборот, охватывала всю жизнь и человека, и общества. Истоки такого понимания религии лежат в самой сущности православной веры. Так, например, в литургическом опыте, наиболее адекватно выражающем православное мировоззрение, храм символизирует и представляет собой весь космос, весь мир в его отношении к Богу. Космос, грехопадение, искупление, эсхатология, конечное исполнение всего в Царствии Божием — таковы измерения православного богослужения, его внутреннее вдохновение. И как раз этот основной опыт всеобъемлющего простора веры исключает плюрализм как что-то нормативное, что-то хорошее, в чем следует видеть положительную часть человеческой жизни. Исходная предпосылка здесь такова, что истина о мире, о человеке и о природе — это та истина, которая в конечном итоге объединяет людей, дает им цельную философию жизни, из которой вытекает универсальный и всеобъемлющий по самой своей природе способ существования. Таким образом, во всей вероучительной, литургической и духовной традиции Православия ничто не указывает на плюрализм как на положительное явление.

Этот максимализм Православия объясняет первую реакцию православных на плюрализм — абсолютно негативную. При каждом крахе православного мира — византийского, русского — первой и почти естественной реакцией переживавших этот крах православных было апокалипсическое отрицание возможности любого иного существования. Плюрализм, сосуществование, приспособление считались трагедией и грехом. Это — грех и трагедия, о которых говорит Евангелие. Разве не сказано, что только горсточка людей останутся верными до конца? Современный мир, с его призывами и стремлением к «сосуществованию», его культурным релятивизмом, переживается как кошмар и богохульство, и истинно православные могут в нем жить только не имея с ним истинной связи.

Мне кажется, что здесь следует отметить это радикальное отрицание плюрализма, потому что оно присуще довольно значительному числу православных. Эти люди просто решили жить так, как если бы их «органический» мир — единственный известный им в прошлом — продолжал суще-

ствовать. Они не могут, конечно, обойтись без современных технологий, но они не принимают никакого участия в культурной, интеллектуальной и духовной жизни современного мира. В этом контексте все экуменические усилия, то, что называют сегодня «диалогом», «встречей», «конвергенцией», рассматриваются как простая капитуляция перед псевдоблаготворительностью, релятивизмом и т. д., как знак того, что время антихриста приблизилось.

Знаменитый русский мыслитель Владимир Соловьев († 1900) в своей известной «Краткой повести об антихристе» описывает антихриста как великого экумениста, филантропа и миротворца. Он, антихрист, объединяет людей в мирном и счастливом плюрализме, и мир под его властью весь превращается в диалог, встречу и совместное пользование всеми благами. Такой взгляд, я повторю, существует на всех уровнях. Его легко критиковать, но гораздо труднее принять его всерьез как выражение, пусть и преувеличенное, чего-то очень глубокого и реального в реакции православных на плюрализм. Однако без серьезного рассмотрения этой точки зрения мы мало чего достигнем.

Несколько лет назад я попытался объяснить, почему, например, участие Православной Церкви даже в христианском экуменическом движении некоторые могут называть *агонией*; почему, невзирая на все внешние обязательства и членство Православных Церквей в различных экуменических обществах и организациях, для православного это участие всегда остается сомнительным; почему исторически православные всегда были своего рода «нарушителями порядка» в экуменическом движении.

При попытках ответить на эти вопросы мы неизбежно сталкиваемся с тем, что можно назвать основным православным «сомнением». Имея за спиной свой религиозный опыт, православные христиане не могут поверить в то, что мирное сосуществование разных религий, сосуществование, при котором они остаются самими собой и при этом живут в мире с другими, можно считать положительной ценностью. Другими словами, православные христиане сомневаются в том, что Запад, прошедший долгий путь плюрализма, действительно выработал философию плюрализма, оправ-

дывающую плюрализм не только в прагматическом смысле, но и по отношению к истине и духовным ценностям.

С прагматической точки зрения очевидно, что мы не можем жить все вместе в США, да и в любом другом месте, если мы не примем общие принципы плюрализма и не перестанем рвать друг другу глотки, как мы делали это раньше. Плюрализм сегодня — объективная жизненная необходимость, но что за этим стоит? Можно ли считать этот вопрос исчерпанным? Достаточно ли этого прагматического оправдания плюрализма?

Но есть еще другая точка зрения: то видение мира, которое, конечно, никогда не было полностью реализовано в жизни и все же всегда существовало как главное, самое глубокое стремление всех великих религий. Разве не нужно принимать во внимание и эту точку зрения? Есть такая древняя православная икона — «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь», на ней изображена Богородица. Я вспомнил о ней потому, что она выражает видение всего творения — человека и природы, объединенного в Боге, преодолевшего самый главный грех — грех разделения.

Таким образом, даже те православные, которые согласны обсуждать плюрализм и искать его положительный смысл, задаются вопросом: не является ли религиозное углубление всей этой проблемы необходимым условием того, что она не потеряет свою религиозную серьезность? Это означает, что, с православной точки зрения, все мы только открываем для себя истинные измерения проблемы плюрализма. Мы не в конце — мы в самом начале. Мы жили в ситуации, которая могла казаться плюралистической внешне, но не была таковой в действительности, потому что каждый, живя в собственном мире, просто отвергал все иные миры, даже если и был выработан какой-то *modus vivendi*. Сегодня мы знаем, насколько хрупок был этот *modus vivendi*. Сегодня об этой хрупкости нам напоминает слишком большое число трагедий, и притом совсем недавних. В действительности плюрализма не было, кроме как в смысле удобства, которое могло в любой момент рухнуть. Памятуя об этом, можно не сомневаться, что происходящее сегодня — необходимо и ценно. Происходит открытие *другого*, поскольку раньше такого открытия сделано не было. Приведу только один пример.

Попытки достижения «унии» между Православной и Католической Церквами имеют долгую историю. Однако только сегодня мы поняли, что вместо диалога на деле звучали два монолога, не имеющие по большому счету никакого отношения друг к другу. Это привело к трагедии Флорентийского Собора 1439 года и столь многих других «уний». Сегодня же мы открываем для себя других как серьезных партнеров, и ударение ныне ставится на *встрече*, на этом *открытии*. Мы, так сказать, собираем информацию друг о друге, информацию, которую мы не имели раньше, когда довольствовались определенным, но неверным мнением друг о друге.

Но с религиозной точки зрения это лишь предварительная, хотя и необходимая, стадия плюрализма. Это в то же время и «отрицательная» стадия в том смысле, что она просто устраняет насилие, страх, подозрительность и все то, что в течение многих веков отравляло отношения между группами людей, религиями и т. д. И мне думается, в таком понимании плюрализма все люди могут найти общий язык. Даже наиболее негативно настроенные православные христиане согласятся с тем, что знание о другом или признание его как другого не есть еще капитуляция перед релятивизмом или компромиссом.

Однако после решения этой первой проблемы сразу же возникает вторая и основная. От прагматического оправдания плюрализма мы переходим к его религиозному осмыслению, то есть в область религиозных убеждений. И здесь позиция православных христиан схожа, мне кажется, с их позицией в экуменическом движении. Разрешите мне пояснить это на примере. Несколько лет назад на встрече Всемирного Совета Церквей в Торонто много времени было уделено обсуждению вопроса, очень раздражавшего многих протестантов. Как могут отдельные Церкви, оставаясь членами Всемирного Совета Церквей, утверждать, что каждая из них — единственно истинная Церковь? Разве членство в ВСЦ не предполагает, что они должны признавать некоторую долю экклесиологического релятивизма и потому менять свое мнение о себе самих? И тут произошло событие исторической важности для Совета Церквей и, может быть, вообще для плюрализма: на этот вопрос ответ был сформулирован «антиномично», то есть, другими словами, утвер-

ждение собственной истинности, столь существенное для Православия, было признано столь же существенным для всей экуменической ситуации, как напряжение, которое нельзя снять путем сведения к релятивизму.

Это решение, я считаю, относится ко всей проблеме плюрализма. Плюрализм может быть положительным явлением, только если он сохранит в себе трагическое измерение, если он не признает религиозное разделение мира как самоочевидную норму и, наконец, если он не откажется от постоянного «соотнесения» с истиной, а истина в том, что та жажда, то стремление к конечному всеобъемлющему и совершенному единству присуща (или должна быть присущей) самому естеству человека. Отсутствие этого единства делает любой плюрализм печальным явлением и не позволяет свести его к терпимым и вежливым отношениям, в рамках которых мы привычно провозглашаем и в то же время отвергаем наше истинное единство.

Таким образом, нам следует подходить к плюрализму с двух сторон. Прагматически мы должны принять его, поскольку на сегодня это единственная защита от хаоса и фанатизма. В то же время мы должны отвергнуть его как окончательное решение — как единственное решение для создания «взрослого» общества. Ибо если такая «взрослость» означает печальную и циничную капитуляцию перед релятивизмом и поверхностностью, если она искореняет из человеческого сердца мечту о полном единении в Боге, то она не стоит нашего времени и наших усилий. Главный вопрос заключается в том, являются ли плюрализм и релятивизм одним и тем же явлением или нет. Другими словами, означает ли плюрализм взаимное признание на основе безразличия? Возможно ли единство только в рамках минимальной догмы, минимального согласия в мнениях о природе человека, природе жизни, цели человеческого существования и т.д.? Есть ли это тот «общий знаменатель», который позволяет всем и каждому свободно сохранять свою «культурную идентичность»?

Мне кажется, то, что я назвал выше первой стадией плюрализма, «прагматическим» плюрализмом, имеет ценность только в том случае, если может дать нам твердую основу для понимания и серьезного исследования того, что нас разделяет. Именно здесь решающему испытанию подвергнутся

истинная зрелость плюралистического общества и истинная ценность плюрализма. Если в рамках плюрализма мы не можем встретиться друг с другом лицом к лицу, с полной честностью и не скрывая своих убеждений, если, другими словами, в рамках плюрализма мы не можем отнестись друг к другу с полной серьезностью, тогда, мне думается, соловьевская карикатура на плюрализм приобретает убедительность. Я всегда ощущал, что если я кого-то действительно люблю — католика ли, протестанта или иудея, если в своей любви я отношусь к нему с полной серьезностью, — единственно «настоящее», что я могу сделать, это сказать ему: «Послушай, давай запремся в комнате на тысячу лет — ибо столько времени мы были разъединены — и обсудим по-настоящему главную проблему». И что тогда случится? Ничего, если мы сразу ограничим свой разговор взаимными извинениями и выражениями уважения и останемся на уровне экуменических банальностей. Но что-то может произойти — и мы не знаем еще что, если в этот разговор мы вложим все наше существо, всю нашу убежденность и всю нашу любовь. Но я боюсь, что современное понимание плюрализма склоняется к чему-то абсолютно иному: «Давайте не будет говорить об этих вещах, они разделяют. Давайте говорить о том, что нас объединяет. Давайте избегать острых тем».

Таким образом, последний и самый важный вопрос о плюрализме таков: не должны ли мы, религиозные люди, именно потому, что мы являемся частью плюралистического общества, хотим мы того или нет, начать продвигаться от первой стадии плюрализма, которая уже наступила, хотя бы теоретически, ко второй, то есть к более глубокому рассмотрению проблемы, соотнося ее с видением человека и мира, которое мы унаследовали в наших традициях, и к встрече друг с другом на этой глубине?

Быть может, настало уже время внести в обсуждение плюралистического общества настоящий религиозный огонь и убеждение, наполнить то, что сегодня только *форма*, осмысленным *содержанием*.

12 июня 1966 г.

Перевод с английского Елены Дорман

Юлия Николаевна Рейтлингер

Дневник духовный (1928–1935)*

[1932]

Вторник недели перед Пятидесятницей. [14 июня]

Каждый день новые впечатления, новые вдохновения, новые мечты. Хватит ли сил осуществить?

Le Perier¹. 1го Августа

В молитве меня больше всего поражает эта возможность, эта дерзость обращения к Бесконечному.

12го Авг.

Но кроме бесконечного, есть Любовь. Космическое чувство — не есть вера, а знание, то, о котор[ом] сказано — и бесы веруют и трепещут².

Путь, прорезывающий и дающий Жизнь, — Любовь.

Искание Бога. Знать, что Бог Творец всей этой земной природы.

14 Авг.

Очень странно — искание Бога. Очень странно — захотеть разбудить свой дух, вспахать эту почву застывшую. Минута остановки, минута самосознания. Стремление к добру. Хаос беспочвенности — в исканиях центров, и двигателей, и светов. Догмат и природа. Догмат и вера. Ищешь в себе, внутри, в самосознании, в глубине. Ищешь и тонешь в море бесконечности. Потому что не хочешь. Надо захотеть, надо любить. Не сразу Христос. Опасная пустота. Потому что боишься механического. Хочешь жизни, живого. Нет пути и систематического восхождения, а перебои. Искание холодное. С чего начать. «Кто любит жизнь и хочет видеть дни благая»³.

* Публикуется впервые. Окончание. Последние части дневника, охватывающие записи 1935–1938 годов (архив С.Ю. Завадовской), были опубликованы в «Вестнике» в № 186, 188, 192.

Зачем утеряла свою глубину? Проекцию превратила в источник. Проекция — это все мои действия вовне. С чего я начинаю? Я хочу глубины, хочу заглянуть в глубокие озера духа, углубить взор в прозрачность драгоценных камней. Я всегда ищу дать ответ в том, с чего начинаю, потому что всегда ищу, чтоб знать, к[а]к быть тем, кому не хочется, у кого нет, кому не нужно. И к[а]к-то дать ответ «им».

Молитва должна стать мне нужна, я должна ее хотеть, любить. К[а]к жизнь иную, прекрасную, вечную. Жизнь духа. Проходит день, проходит жизнь, идут вещи, и потом — свет от проникновения духа, от распахнувшихся дверей — пусть щелки, от дуновения иного; все иное; и свобода.

Пятидесятница

16 Авг.

Я ищу Его. Ищу Христа.

Если вижу Его вдали — вдали сознания — то уходящего, то отворачивающегося, то неуловимаго, то грустнаго, — то это моя душа Его то удаляет, то отвращает, то не уловляет, то огорчает.

17 Авг.

Большой труд. Надо понять, что это работа, на которую надо встать и делать.

Чтоб найти Его — надо к Нему уйти. Его одного хотеть.

Странно — что-то держит, и что? (Это все внутренние пути — не внешние.) К[а]кая-то боязнь быть отделенной, быть в шорах. Душа ищет жизни, слияния, любви, иногда даже, когда неверно идет. Но надо знать, что лишь в Нем она их найдет. А в обратном — она унижается в ограниченности природы и греха.

19 Авг.

«Ищите и обряцете»⁴. Его.

Иногда смутное, мешающее — если так искать — это не вера. Тогда «они», м. б., будут правы о самовнушении.

Нужно само, просветило, изменило, самоочевидно.

Самоочевидно и так — существование.

То дается раз в жизни — и было. А если сама притупила, удалила, ушла, то надо сделать этот обратный путь к Нему.

Он ждет.

Природа.

4 Сентября

.....
И нахожу (найду?) Его в Его Храме.
Он знает, что так должно было быть.
О многом...

14 Сент.

К[а]к благодарить Бога за Его бесконечные милости, благодеяния, радости?

И неужели все еще коснит душа и ленится отдаться Ему? Но слышит радость, слышит свет — сквозь страх — любовь. Страх отречения, страх подвига, страх человеческий.

К[а]к трудно — «стяжающие, яко не стяжающие»⁵.

Но что-то проясняется в душе, и Господь услышал мольбы и посылает ясность.

И только тогда, когда думаешь об отречении, преодолеваешь страх, — и открывается душе о Боге, и к[а]к все для Него должно быть, и к[а]к Он Любовь. Бог живой. Первый и Последний. К[а]к благодарить за то, что благодарный полет⁶, за то, что рассеиваются тучи и постигается центр.

18 Сентября

Найти Его нельзя, но можно вдруг понять, что малейшее приращение будет непреложным залогом нахождения. Ведь самое ужасное не верить в эту малость, в эту ниточку, за которую держишься, — думать, что слетишь. Так Петр — утопал. И слетишь непременно, и бесконечные эти муки неверия. Но когда знаешь, что так и надо идти, что только ниточка и будет, превратится в крепкий канат, а что канат сразу тебе не подадут — только превратится, тогда радость.

Господи, помоги неверующим.

Волны — вода, волны, вода... и среди них, среди бесконечного количества возможностей, надо искать ниточку своего пути. Звезды и небо. Ночь и буря. Грешить и ошибаться, впопыхах пробираться. Только знать, что каждое слово, каждый шаг к[а]к отпечаток в вечности.

25 Октября

Блюсти иерархию ценностей. За молитвой — за живым общением с Богом — искание и нащупывание своей внутренней правды, своего настоящего голоса.

Замечательная вещь свобода — и очень, и очень страшная превращением в рабство случайностям. Свобода и воля — вот что чувствую сейчас. Свобода — к[а]к простор, воздух, руль по безбрежности — воля. Но и руль может мотаться по течению и по ветру — туда-сюда: еще рука, его направляющая, — вера и любовь к Богу, без оглядки, без рефлексий. Мое дело, мое творчество зависит от этого, живет этим, чего же оглядываться?

26 Октября

Наша совесть обличает, к[а]к часто мы недобросовестны в молитве и часто отходим от молитвы, не помолившись. Если бы жило в душе это чувство Бога, живое чувство Живого Бесконечного, — то не было бы вопроса о принуждении себя к молитве. Это, думаю, дается благодатно. Это есть чувство радости бесконечной безбрежности духа, ценность, которая вытесняет все другие ценности.

«La religion ne lui apparait qu' a la façon de ces oasis dont c'est toujours "la suivante" qui est plus belle» (A. Fournier)⁷ — и верно отчасти, со стороны, должно быть, это так, но это не дурная бесконечность, а свобода духа.

2 Ноября

Все эти дни хочется писать — записать благодать, благодарить за нее непрестанно, за веру, за просвет в душе, за ясность. Хочется сохранить, на этом строить. Все боишься — не отнимется ли.

21 Ноября

Записать, уяснить и закрепить мысли о работе, о пути искусства для меня. Иконы — существенность, онтология, духовная реальность. Рождаются от веры и веру развивают. К[а]к пусто стало на земле, в мире. К[а]к трудно пробраться к реальности, ощутить ее. Художеств[енная] ценность стала такой самодовлеющей. В чем тут дело? К[а]к уяснить себе самой, почему то или иное худож[ественное] произведение нравится или не нравится? Не наклонная ли это плоскость снобизму. Теперь ищу онтологии. Ищу веры.

22 Ноября [н. ст.]

Иногда помогающий толчок работе — но наступит день, и нет у тебя работ — для выставки?⁸ — о, чтоб не было так, а совесть. Это совесть зарытъя таланта, совесть прожитой жизни — бесплодно — и совесть того, что не дала в мир «их», т.е. их изображения. Это к[а]к долг веры. Через твое искусство должна говорить вера. Вот по-новому, по-другому миссионерство живописью, по-другому, чем Desvalières⁹. Потому что он живописью, рассказом, изображением — конечно, есть связь — а иконы — это онтологические изображения, потому к[а]к бы воплощение — и орудием служить должен художник. Отсюда сугубое благочестие, отсюда.

«Так исчезают заблуждения
С измученной души моей
И возникают в ней видения
Первоначальных светлых дней»¹⁰.

Ведь за это, за это было все с Палехом¹¹ — за это и революция, большевистские надругательства безбожия.

Сегодня — да: день Архистратига Михаила¹², дивного воина небесного. Он главное и воюет. Ведь оттуда все пошло, от нашей слабости, от нашей лжи, от нашего собственного неверия и малодушия.

27 Дек. ст. ст.

Господь исполнил мое желание, помог моему намерению — просветиться празднованием события Его Рождества на земле, чтобы ощутить это рождение в своей душе. Живой Бог загремел над облаками; они прорвались, облака сомнений, немощной веры, малодушия.

Разговор с Господом: бессилие воли, нет работы — нежелание, скука, однообразие жизни, взирание на других — вот этот работал — и что же? а этот вот то же — и мне его результаты не нравятся, и все они такие ограниченные и никому ничего не дают. Это основная ошибка. Море и воздух, и путь не показан, путей столько, сколько точек и линий. Надо по совести свои возможности все исполнять. И не здесь только, и не в людях сходятся все концы всего.

А совесть обличает, что мои возможности спят. И душа радуется свободе этих возможн[остей].

[1933]

Понед[ельник] 3^{ья} с[е]дм[ица] Вел[икого] поста
[13 марта н. ст.]¹³

Одиночество дает место и воздух в душе для искания Бога и для разговора с Ним. К[а]к вода взбаламученная, осаждается душа.

Икона Вседержителя — это икона Бога. Христос — Бог, Авраам Исаков и Иаковлев; Грозный судия, и в то же время страждущий Христос, изуродованный нашими прегрешениями — «кайся о злобах человеческих»¹⁴.

«И раскаяся Господь, что создал человека»¹⁵. И в то же время Он в своем страдании жалеет человека, к[а]кая жалость в этом страдании.

Так я вижу Его лик. Другого ник[а]к не могу ни найти, ни сделать. Кроме Того еще — грядущаго на вольную страсть. Впрочем, бывают времена — и другой «свете тихий святых славы»¹⁶.

Четверг [16 марта]

К[а]кого счастья себя лишает душа, отдаляясь (не зная) Бога.

Не значит, что обретаешь Его в этих мучительных поисках, — но к[а]кая-то радость спускается в душу, такая неуловимая, такая бесформенная.

К[а]к бесформенно и спутано все в моей душе, в этих мучительных поисках Бога. Вот — внутри искание Его, а снаружи молитва, даже стояние в церкви — да, это и есть вера, потому что «Господи, дай, Господи, дай» — закрытыми — завязанными глазами — ищу, но молюсь — это путь веры — потому что люблю — любовь Его хочет, вера ведет, надежда поддерживает веру. Это очень таинственно.

Я говорю с собой — о жизни, о иконописи, об искусстве.

Главное — приучить свою душу к мучению, к маленькому страданию во всем — и только тогда будет радость и свобода Духа.

О! это трудно! вечно карабкаться, вечно изнемогать. Эти маленькие утешения исполнен[ных] долгов, — это уплотняет, вдохновение не здесь, и любовь к вещи, любовь к сути — это лишь «ликвидация». И должно проходить, к[а]к само собой разумеющееся.

Четверг крестопоклонной [23 марта]

Вот середина поста — хочется напрячься, еще встряхнуться, снова, для внутренней работы, для переделки себя.

Вот — это так просто, совсем просто — научиться молиться, заглядывать внутрь, развивать, расширять этот внутренний дом. Знаю только одно — что иду путем. Потому что поместилась в жизни моей молитва, открылась эта внутренняя дверка.

Вот к[а]кое дерзновение мне задано. Не только верить — в душе, находить Его мистически, духовно, но и исповедать эту веру, воплотить икону. Это дерзновение превышает мои силы, мою слабую веру, и оно идет само, ее не дожидаясь, навстречу или параллельно — так вера догоняет веру. Конечно, она и только она дает толчок, но она не может выдержать, поддержать это дерзновение, — а оно уже где-то от этого толчка начинается, к[а]к эхо в далеком лесу, и снова с ней встречается в поддержке — и снова уходит — волевое и благодатное, — но ведь такова и сама природа веры. Так все в вере...

Ужасно то, что православным даже не нужны иконы. В сущности, внимательное отношение к иконе и нужность ее (хотя и извращенная ересью) осталось только у старообрядцев, но у них нет искания живого Бога. Когда же икона станет нужна?

Когда будут видеть, относиться внимательно? Тогда и иконный живописец (не хочу сказать иконописец — слишком затаскали это слово и это понятие) не будет одинок так, к[а]к он одинок сейчас, и тогда и к мнению он будет больше прислушиваться и более соборным будет его творчество.

Понед[ельник] 5ой седмицы [27 марта]

Теперь ищу Христа милующаго, приемлющаго, кроткаго («кроток есмь и смирен сердцем»¹⁷). «Свете тихий святых славы»... любимого, т.е. Того, которого мы любим, носим в сердце образ Его. Святого.

От святости Его к святости святых.

Святость — глубокая, непостижимая, уходящая в бесконечность неуловимая жизнь Царствия Небеснаго.

Христос. Христос — Богочеловек, творяй чудеса.

Интересно было бы изучить Икону Спасителя на протяжении веков в связи с историческими событиями и, следов[ательно], с психологией человечества в данную эпоху — к[а]к они чувствовали и представляли себе Христа, к[а]к Он мистически ими переживался в данную эпоху.

И хочется вызывающе обратиться к соврем[енным] людям религиозным и жаловаться им, что я не могу им дать икону их Христа, не только потому, что у меня не хватает таланта, но что недостаточно ярко и сильно их мистическое чувство. Скажите — достаточно или недостаточно? Скажите — к[а]к чувствуете Вы Христа? Убедите меня в вашем чувстве — если оно убедительно!

Вторник [28 марта]

Иногда и уныние может оказаться благотворным — потому что горяча молитва и действенна, из него выводящая; конкретно чувство духовных сущностей веры.

Они говорят, что не решились бы писать иконы. Они говорят, что надо большую веру. Но, если я хочу писать иконы, то я и ищу большой веры. И от этого уходить нельзя. Это мо[й] дом. Ведь и без того надо ее искать. А для икон — не только видение, а внутренняя вера, та, которая нужна вообще. Только тогда и можно с нею писать иконы; а утилитарная вера (чтоб писать иконы) не вера. Надо чтобы было так, чтоб мог и от писания отказаться — и чтоб все искание осталось.

Это дает духовную свободу и радость!

Сегодня проснулась с к[а]ким-то радостным чувством, что могу молиться, что есть Бог, что я живу, что хочу и могу «мыслить и страдать»¹⁸. Вчерашняя критика моих работ (франц[узской] меценатки (еврейки??)) вдруг представилась мне в новом свете. Вдруг увиделся во всем голос Божий и Бог, направляющий меня еще на большую работу, на большее углубление. К[а]кая ответственная работа — иконы. Да, надо дать образ Бога — надо для этого чувствовать и понимать, «к[а]ков» Бог? Потому что на него смотрят и скажут — и Вы верите в «такого» Бога? А ведь не думалось об этом, что может быть таков и к[а]ков...

Почему больше задевает мою религиозную совесть и чувство покаяния общение с маловерующими, чем... канон Андрея Критского¹⁹.

Я хочу под впечатлением слов их молиться живой молитвой, я хочу живого Бога, я хочу найти, исповедовать Его, знать, к[а]кой Он. Да.

Я благодарю Бога за посылаемые испытания. Я вижу цель — Его.

«Тор image»²⁰... это звучит.

Теперь я поняла. Она возвела меня, в сущности, на следующую ступень своей критикой, она поставила мне еще новья, ответственные большия требования.

Буду еще думать.

Пятница 6ой седм[ицы]²¹

Нет, я различаю старообрядческую и русскую икону. Русская икона для меня, апофеоз ея — это 14–15 в. В ней вера — да.

А в старообрядческой есть ли вера та? Нельзя ли иначе посмотреть на нее и увидеть в ней другое, своеобразную эстетику, убившую веру, к[а]к обряд, убивший веру. Я различаю. Вот главное, что я хочу делать, — различать, и никому это не будет внятно и понятно, потому что никто не видел, их нет.

Мир душевный не должен оставлять меня. Я ишу икону, это работа моей жизни и не должна зависеть ни от к[а]ких обстоятельств. Свобода духа должна быть выше всех оков жизни.

Они хотят превратить иконы в картины, в к[а]кие-то художественные композиции (бесформенные массы декоративных украшений) — «нет ли композиций, это меньше похоже на икону, чем головы» ([в] прошл[ом] году на выставке) русск[ого] иск[усств]а). Нет, я хочу, чтоб это была икона, и удивляюсь, к[а]к Вы не понимаете, что есть в этом именно ценность, что я не делаю «композиций в иконном стиле», а сами иконы.

Потому что интересно ли смотреть кривлянья к[а]кого-нибудь Цадкина²² под негров, под негритянских «богов» — есть ли в этом онтология, к[а]кое-нибудь внутреннее чувство? — но интересно смотреть самих «фетишей», в ко-

тор[ые] вложена их вера, их мировоззрение, и есть в этом онтология.

Понедельник 6ой седм[ицы] [3 апреля]

Нет (все отвечаю ей) именно мы верим в «Бога в нас» — этот Вседержитель — да, это «là haut»²³ — но есть другой — Христос, которого причащаемся, Христос, который воплотился, был человеком, жил на земле. Он в нас.

Среда Страсти[ой] седм[ицы] [12 апреля]

Таинство соборования — таинство Св. Духа. Чудесно, таинственно.

Мысли о смерти — потому что такие необозримы просторы Духа открываются. И душа к[а]к бы упражняется в других измерениях.

Господь ведет меня так, что уводит от призрачных ценностей к ценностям реальности. И конечно, это — будущая жизнь, жизнь будущего века, жизнь духа.

И надо (обрыв текста. — Н.Б.).

Среда Фоминой [26 апреля]

Об иконе роится в голове много мыслей (мук?). Непрестанная полумысли, почувства.

К[а]к раз но подходят и видят икону! Мне хочется держать в руках весь пучок этих разных подходов. И не только подходы и взгляды, но самые иконы — к[а]кие разные в разные эпохи! К[а]кая разница между тщательно выписанными иконами даже иногда 15 в. и грубоватыми примитивами ранними (уже не говоря о Св. Василии Вел. с Власием и Св. Георгием)²⁴, а также такая, к[а]к Св. Георгий из собр[ания] Золотницкаго²⁵.

Почти каждый день новья впечатления, новья мысли и разговоры о дорогом и любимом предмете. По поводу разговора о западн[ом] и восточн[ом] типе Христа. Здесь дело не только в том, что западный тип более человеческий — в их представлении, — но и в том, что западный тип нам является в виде картины (= иллюстрации?), наш же тип — в иконе, и самое задание это содержит в себе его большую мистичность и духовность.

Суровость? Не связана ли она с этим? Человеч[еская] мягкость может ли выразить божественную Любовь? Божественное — не есть ли и в суровости — огромность, бесконечность, непостижимость этой божественной любви.

Но есть и умиление, и сладость — выраженные у нас — тоже синтетично, мистично: в Иисусе Сладчайшем. И Ему аналогичны есть иконы — сладчайшаго. Но может ли это быть икона нашей эпохи, нашего времени?

Вчера — новая икона Покрова (XV в.) у Гринбера²⁶ навела на новые размышления и толчок к углублению и собранности.

Пятница [28 апреля]

Могу ли я делать те иконы умиротворяющая, котор[ые] делали они несколько веков тому назад? Для меня главная сила Духа — это жизнь, пробуждение. Вот это вызывает мой восторг в мумиях, во всем египетском искусстве — это пробуждение, это реальное чувство жизни вечной; это жизнь вечная, глядящая на вас с этой доски, из этих глаз. Поэтому, м.б., и иконы мои будут больше тревожные, чем успокаивающие, — не хватит таланта на то, силу выраженную, будет хотя бы тревога, — но могу ли я желать другого, убаюкивания, успокоения и вечного покоя, замененного сном? Вечная жизнь и вечный покой — вот что соединенное и должно звучать в иконе. Вечная радость и статика вечности.

К[а]к нам и неприятен Васнецов²⁷, но надо согласиться с тем, что все же он хотел дать то, что он воспринимал к[а]к содержание в иконах — правда, негодными средствами, потому что его глаза XIX века были закрыты на форму и на многое другое. Стелецк[ий]²⁸ же и Гончарова²⁹ (неправильно, что Грищ[енко]³⁰ их всех свалив[ает] в одну кучу) — воспроизводили — худо ли, хорошо ли — форму (содержание их мало интересовало), поскольку можно, конечно, провести

такую резкую границу между содержанием и формой. Наше же время должно найти синтез.

Пятница [12 мая]
Неделя о расслаб[енном]

Об иконе Христа.

И это не только не лицо, но и не лик (т.е. и лик), но к[а]кая-то глыба плоскости и объем линии, в котором Оно — т.е. Лик, т.е. Сущность лика. Смотрит из нее Он. «И яко агнец прямо стригущаго его безгласен», «яко овча веден бысть на заклание»³¹, и почему в слове не боятся этого сравнения — овча, агнец, а в линии боятся? Да, пусть в линии будет это «веден» и пусть, если хотите, шея вам напоминает шею «овча» — пусть — эта тайна неуловимая творчества, творчества, живущаго ассоциациями и колечками бессознательности.

Боятся этого, т.е. агнца, овча? А «Песнь Песней»? Вот где сливается природа и лик.

У меня нет, Господи, сил и ума додумывать эти просторные, волнующие и вдохновенные мысли.

Дочка Эрна³² 10[-ти] лет, рисуя к[а]кая-то фантастическая [нрзб.] и природные пейзажи, говорила, что она хочет изобразить не так, к[а]к мы видим, к[а]к нам кажется, а так, к[а]к есть.

Вот онтология красок в иконах. Основные тона не по варварству, а по отсутствию психологизма, миражущаго серым цветом. Совершенно далек от этой истины вещей Грищенко, вообще не интересующийся внутренней стороной иконы (он сравнивает это накладывание основных тонов с импрессионизмом, разлагающим тона на основные, плодя их рядом, получает впечат[ление] общего тона). Прав только в том смысле, что искусство живописи само по себе, конечно, приближается к тайнам онтологии творения. Но еще (обрыв текста. — *Н.Б.*).

К[а]кая вот разница — радуга солнечн[ого] луча, к[а]к она есть, и ту* же радуга, преломленная в красоте ветра,

* Так у Ю.Н.

облеченном ею и ея облакающем. Онтология вещей в любви, в красоте — мы любим, видим. Физическая радуга — материализм, механизация. Тут две онтологии.

Meudon

24 Июня н. ст.

Ведь я опять иду по воде — все последнее время, после благодатной Троицы³³, Духова дня. Опять понимаю, что значит молиться, — понимаю, что это всегда так несовершенно и в то же время так совершенно, что малейшая направленность здесь, кот[орую] даже не считаешь направленностью (а по лени готова была бы сказать: «это не то», — а того я не могу, значит, совсем опустить), — есть уже «дух, глаголющий в вас»³⁴, есть уже срастание души с бесконечностью духа. Конечно, это дается благодатно — и откуда приходит и куда уходит, не знаешь. Но надо пить от источника, когда мы у него.

Монашество есть постоянная молодость, ея сохранение. Люди ходят неверно. Ищут — не там. Основы желания — правильны, но исковерканы грехом. Молодость, счастье — это и есть, но иное. В иночестве.

Часто такое чувство вечности, что все человеческое, слишком человеческое, кажется бесконечно относительным и почти можешь признать противоположные точки зрения и не иметь тогда своего мнения и *stredo*. Тут тайна белого и черного цвета. Белый луч — есть соединение всех лучей, черный — поглощение.

Знаешь, что для Бога все многое для нас, разное — соединяется — в белом. Черное поглощение — есть опасность безразличия, нигилизма, уничтожения.

Montigny³⁵ 21го сентябр[я] н. ст.

День Рож[дства]ва Пресв[ятой] Богор[одицы]

Господь дает нам право на праздник, но здесь наша обязанность напитаться, наполниться, вдохновиться. Так и «праздность» *retrait'a*³⁶.

К[а]к я бываю тупа, пошла, ища мелких развлечений. Часто под видом интереса к жизни и к душе.

Откуда-то все же приходит, и к[а]к ребенок, неизвестно к[а]к таинственно наученный, начинает ходить, так и душа начинает уметь молиться; благодатная помощь, усилие хотения.

Хоть и мучается в вопрошаниях и антиномиях.

Но я знаю ценность единственно ценную, — но часто забываю, сбываюсь.

И еще — с людьми. К[а]к думать о них, любить, но не терять равновесие, не искать своего вместо любви к ним?

Одно знаю — все, что делаю, — это перед Богом и для Бога — это старая истина, но ее важно конкретно пережить снова в том смысле, что тогда стирается граница сделанного в тиши и на людях и нет места человекоугодию. Но — вопрос об отношениях с людьми.

Трудно отказаться от к[а]ких-то призрачных (?) ценностей, и боишься к[а]кой-то скуки добродетельности.

Но все же ясно, что от чего-то надо отречься, если жить для Бога. Только тогда может быть правда конкретности духовного.

Особенно когда пишешь иконе, — это не только «молитвенно» делается, но надо иметь дерзновенную веру, что это будет Его образ, по Его воле.

Понед[ельник]. Ноябрь

Опять праздник осени — бесконечный праздник, лучи сквозь туманы — т.е. чувство солнца, даже когда за спиной дождь, чувство солнца вот здесь, под глазами моей опущенной головы, это золото по земле — оно горит и тогда, когда небо серое — и я не помню — дождь сегодня или солнце, потому что это солнце в глазах души! Так отражается душа в мире, а мир в душе. Так светит Вечное солнце — в мире и в душе, так искрится дух над плотью, над миром, вне мира и в мире.

Видение или въдение? Думаю, что первого сейчас нет, но второе восходит к первому, София тварная слилась с Софией Божественной, коснулась предела, открыла просторы.

Почему такой праздник — осень? Почему люди совсем принимают к[а]к должное эту нескончаемую красоту природы?

Вижу ли я ее сейчас перед глазами? Нет, но эти астры, эти бурые, желтые и разные листья — они живут в моей душе и тогда, когда я их не вижу, я не вспоминаю их, а просто они в мире и есть и во мне есть — и немного их надо, чтоб знать, что праздник.

Что-то еще хочется увидеть, кроме отдельных тонов и сочетаний, кот[орые] переносишь в икону. Но это очень трудно формулировать и трудно схватить и заключить в икону.

Это то же таинство, и я чувствую, что так написана Троица Рублева.

У Грабаря³⁷ было где-то сказано: «через голову реализма» — это и есть, очень метко.

Это то, что иконописец берет из природы и претворяет в икону. Он видит видение природы, образ красоты; и может быть воздух и свет в иконе без того, чтоб было изображено освещение или воздушная перспектива (когда мне что-нибудь[удь] так онтологически ясно — к[а]к трудно это выразить словами). Еще (стрелка через абзац. — *Н.Б.*).

Вот в Лувре глаза были открыты на таинство искусства. Новые, не замеченные раньше вещи смотрели на меня пронзительно, ловили меня, и я пила жадно из их источника.

О том же. К[а]кая может быть глубина в плоскости, к[а]к веточки деревьев сродни линиям складок — и вовсе не должны быть непременно веточки изображены. К[а]кие могут быть просторы в пятне, к[а]к в капле воды может отражаться небо. Здесь символизм и его истинность, и сила [нрзб.] — несущая в себе — эта плоскость доски такая откровенная, нарочитая плоскость, к[а]к бы руку подставляет тому, что она «в себе несет» — вот так — и в нее погружается, игра-

ет, отражается бесконечное. Нет ничего тупого и глухого, все свет, а все подбито вечностью.

О символизме цветов (зачеркнуто последнее слово. — *Н.Б.*) красок.

Я думаю, неверно возражение [нрзб.] на вопрос о существовании онтологии символ[изма]³⁸ красок — что ведь краски существ[уют] в отношении друг к другу. Думаю, что надо различить тона и краски; краски — это в онтологии и в луче солнца (радуге). Тона — в эмпирии, и тона соотносятся, краски существ[уют]. Подлинник указывает краску, художник[ик] — ищет тон.

Искание вдохновения. Пятница [Ноябрь]

Больше всего хочется молиться Св. Духу — и в к[а]ком-то свете Его черпать вдохновение. Погружаясь в хаос, восставать и образовываться через него.

Вокруг меня все плоско, пустота, и душа не чувствует глубины и бесконечности. В мысли о Боге, в молитвенном предстоянии, в погружении — хоть самом малом — она опять нащупывает Тайну, она дышит — в плоскости ведь задыхается — глубиной.

И верит, надеется — что найдет глубину и радость и что там есть все краски и образы для худож[ественного] воплощения.

День Рождества Христова... [25 дек. (ст. ст.)]

Я так богата, так счастлива. Господь напоил меня чашей Своей, Господь напитал меня созерцанием неизреченного события снисхождения Своего, воплощения Бога-Слова. Господь показал мне снова путь, затуманенный, утерянный в искушениях. Господь призвал.

Господь сказал. Господь указал.

К[а]к же могу я теперь жить иначе...

Господь облагодатствовал меня — праздником Своим. Снова открылась мне бездна Света, для которого призвана служить душа.

Это Благодать.

Все переменялось. Все во мне, вокруг стало иное. Все новое, обновленное.

Человек живет иногда в тупости и теряет чувство Бога, теряет вкус добра и зла (о ужасные сумерки души!) и грешит, и ошибается, спотыкается, потому что отрывается от центра, и ищет мудрости в дурной бесконечности, — а мудрость целости — это мудрость не прорванная, мудрость не от знания добра и зла, а мудрость от Любви и Благодати.

[1934]

31го Января

...Сегодня мне было опять (давно не было!..) так конкретно ощутимы — «рука Божия», «миг Божий» — к[а]к Он гневен и любящ, к[а]к Он смотрит на душу, жизнь и грехи. И думается, из этой конкретности рождается икона, эта конкретность и духовная реальность этих понятий и есть внутреннее основание иконы, — а не лишь воплощение Бога-Слова, на что обычно ссылаются защитники икон. Мистический лик... Лик Христа любящего и... прощающего душу любящую... В этом Лике она находит выход своей любви, и в молитве за любимых она обретает этот Лик. И видит Его любящим, смотрящим на свою душу и на душу любимых... Христос не оставит ту душу, о которой она молит Его, и она обретает ту душу подлинно во Христе.

Понедельник 1ой седм[ицы] Вел[икога] поста

[23 февраля (н. ст.)]³⁹

Сегодня схватилась за голову — что я прямо забыла о том, что людей надо любить. Да, это смешно звучит, но это так — подходишь, не думая о них, а о себе. Не думая о том, что им надо, а что надо тебе.

Думаю о том, к[а]к пост провести и на Пасху не утратить. Одно хочу запомнить: максимальная пассивность в точках страстности и ник[а]ких правил и постановлений, а полная простота — ждать, чтоб само все сложилось, и самой перв[ой] не устраив[ать] ни свид[аний], ни урок[ов]⁴⁰. Эта пассивность для меня невероятно трудна.

Среда [25 февраля]

Так же, к[а]к трудно удержаться в искушении (раздражения ли, гнева ли и чего-либо иного), так же трудно преодолеть инерцию и сделать усилие в чем-либо не очень приятно

ном — напр[имер], в работе, когда надо кончить, и иногда от этого усилия зависит последнее рождение вещи, или к[а]к рождение поступка. К[а]к огрубела совесть и к[а]к не тонко относится она к тому, что делает, к каждому шагу жизни, к[а]к леностно творит жизнь, оставляя за собой путаницу дел и слов. Которые ведь разовьются на Страшном Суде перед душой.

Вчера имела замечательный разговор с о. С[ергием] о любви.

К каждому человеку у нас должна быть любовь своей особой краски. Это многообразие любви — богатство души, увеличение ее ёмкости. Узкая и себялюбивая любовь и душа склонна к повторению рода любви, к перенесению одной любви на другого — тогда она совершает измену по отношению к тому человеку, к которому одному была направлена эта ее любовь, любовь этой краски.

В то же время в любви мы должны быть жертвенны, не искать своего, а отдавать друг друга. Любовь не есть подушка, а непрестанный труд.

Надо относиться бережно к любви и не давать ей умирать — если только это действительно любовь, а не половое увлечение. Если и бывает приращение последнего, — то надо очищать от него любовь. Добротолюбие не знает любви в нашем этом смысле, а видит во всем лишь пол[овое] увл[ечение]. Добротол[юбие] говорит, что монах один и никого не любит (органически).

У Иоанна Кронштад[тского] были органические отношения с людьми.

Вторник 2ой седмицы ВП. [3 марта]

Ты бесконечно близок и бесконечно далек. Ты неуловим, о Христе мой. И раз Ты так неуловим, к[а]к могу я опереться на Тебя в море жизни, когда обступают меня все ее сложности? Но жизнь такая тонкая, т.е. эта жизнь Царствия, жизнь души, мы только сами ее огрубляем, а она к[а]к тонкое плетение, тонкое кружево. И в этом тонком плетении, в этом тончайшем изделии, в этой тончайшей музыке, где — надо прислушиваться — так фальшивит каждая неверная нота, — звучит вера. Она приводит меня в одиночество, она приводит меня к молитве, — где я ищу Тебя, ищу Тебя любить.

Я не дерзаю сказать, что люблю Тебя... Или я не хочу Тебя любить, Господи? Я мучаюсь днем и ночью — к[а]к Тебя любить, что значит Тебя любить.

И вот это так идет. Я не отрезаю то, что я люблю здесь, — но, ища Тебя, вот я ухожу в эту муку поисков. И я уже чувствую, что я не люблю то так, к[а]к любила. Сейчас, в данный момент.

Это несказуемо, но я попытаюсь объяснить самой себе.

Свобода заключается в том, чтоб хоть на время, хоть на момент почувствовать свою полную независимость от мирских уз, ото всей этой цепи необходимостей.

Я не могу больше говорить об этих поисках любви к Тебе, я устала... Но мне так хочется о них сказать.

Я знаю, что Ты слышишь все наши молитвенные воздыхания и неуловимо помогаешь. И вот Ты ведешь. Не ведешь за руку, так что душа нехотя тащится, — а открываешь звезду, которая ведет — к[а]к магнит — нет, магнит насильствует, а просто видя звезду и ея путь, душа идет за ней.

Среда 2ой седм. [4 марта]

Очень мучила меня эта неотступность мысли о друг[ом] чело[век]е⁴¹, к[а]к будто даже не можешь остаться одна, до такой степени это присутствие его в мысли неотвязно. Сегодня на молитве поняла, что ответственность за помыслы не только перед своей душой, но и перед человеком. Что общение происходит не только когда люди видят друг друга, но и когда не видят, и в этом общении надо быть так же ответственной, к[а]к в том, и только если в этом не допускать ничего неправильного, то удастся поставить все правильно в том. Господь, помоги мне бороться с помыслами! Это даже не только помыслы, к[а]к грубо понимают их в Добротол[юбии], это тонкая установка души, неверная и ненужная близость, допущение к[а]кой-то внутренней нежности. К[а]к ответственные мы перед людьми за все внутренние движения души[!]

Утром просыпаешься с смутн[ым] чувством — имела Христа, чувствовала свет и близость — и все это так легко смывается, вот опять надо встать, помолиться — и найдешь

ли, неизвестно. Это малодушное неверие. Это сомнение в силе Его. Потому что вспоминаешь свою ленивую молитву — и думаешь, что будет опять она, и все то не придет, и снова потемки души. Слава Богу, что видишь — и тогда надо сделать, чтоб не были «слова» ленивее молитвы, — надо побольше, побольше, разогреть — и Он придет неожиданно. Только от усилия, от желания, от муки, а не от услаждения найденным, вот тут всегда неверность; непрестанная, непрестан[ная] работа.

Понед[ельник]. Крестопокл[онная] [16 марта]

В сердце ударило что-то несказанное, но что-то, ради чего стоит жить, самый Дух Жизни... Это ударило в быстрый поток мыслей и чувств о жизни и работе. Тот поток, та нить, которая соткана из сознания своей немощи, бесталанности, мучений, вопросов о конечных началах и о путях жизни.

Взглянув на свою работу — ведь эти мучения и искания и сомнения хотят чего — чтоб в руки было вложено и сказано: вот прекрасное, вот плод, вот произведение, или — вот черное, вот белое, вот дважды два. Но ведь не в этом утешение духа, пусть бесталанна моя продукция, но за ней стоит то, что мы в нее вложили, и это то, что стоит за всей жизнью, — это то неуловимое несказанное, ради чего стоит жить и во что я верю, — и это Св. Дух. Это та самая тонкая, самая неуловимая, самая прекрасная ткань жизни, в которой весь ея смысл.

Montigny... 4го Мая

Навык молитвы дается не даром и легко теряется. Есть же все же в голосе духа неотмирность, которую ничто не может заменить. Хочется, чтоб развивался этот дух в свободе — чтоб в к[а]кой-то свободе и самопроизвольности он тянулся к Богу, а не по понуждению — и в то же время «нудится» Царствие Божие. Но только в свободе любовь.

Хочется видеть и увидеть пути и нити.

5^е

Надо ли всегда искать Бога? Не есть ли это маловерие? Но вера ведь не есть знание. Но любовь ведает, и вера должна обращаться сразу, находить Любимаго, Котораго ищет.

Хочется расшевелить душу, раскопать все неясное и сонное.

Тайна духа.

Хочется просто правды о душе. Хочется обнажения совести. Помни Бога.

20ое Июля н. с.

К[а]к идти к Богу из равнодушия? из холодности?

К[а]к легко заглушить в себе чувство, что Он ждет. Там вдали, в глубине душа это видит. А сама мечется в искании сущности, в искании того, что само заговорит в ней, — она хочет все обнажить, все... разложить, чтоб собрать, чтоб в этих обломках услышать голос, котор[ый] прозвучит сам, увидеть цветы, котор[ыми] сам зацветет.

(Изменился почерк. — Н.Б.)

[1935]

Воскресенье

Вчера было вдохновение красок во время всенощной. Невозможно было молиться — вся душа уходила в краски. И еще это трудноодолимое желание увидеть человека... Но сегодня я осталась одна, после причастия, осталась с Богом, с Христом, осталась, чтоб найти свою «клеть», потому что Он сказал, что надо «возненавидеть»⁴²...

Суббота, канун Недели
о блудном сыне [23 февраля]

Господи! Приготовь меня к поворотам жизни — так страшны и больны в жизни повороты. Они к[а]к бы образ последнего поворота — смерти, перехода из одного состояния в другое. К[а]к перемена температуры, переход из теплого помещения в холодное. Душа привыкает к той температуре, в котор[ой] находится, к ней приспособляется и начинается «инерция» — и вдруг поворот рельс, перемена температур[ур]. Мне это в жизни всего трудней, потому что на поворотах душа больше всего чувствует свое одинокое предстояние перед Богом, опоры только в Нем, так к[а]к не может опереться ни в те обстоятельства, котор[ые] к[а]к бы ушли, видоизменились, ни в будущие, которых еще нет. Час-

то эта перемена обстоятельств зависит от переезда из одного места в другое, а иногда и без этого — передвигается жизнь души, в душах близких людей что-то передвигает. В момент этих поворотов больше всего чувствую наше монашество (с Асей⁴³, помню, об этом говорила, о перемене места и чувстве своей бездомности).

Движение в душах — помню, еще в детстве или ранней юности я однажды почувствовала это в маме — к[а]к будто что-то изменилось, кусочек мамы ушел куда-то в вечность.

Наверное, так и было, было у мамы в это время к[а]кое-нибудь переживание, силой которого часть ее души ушла в вечность. Помню тогда боль от этого и в то же время сознание, что это начало смерти уже, т.е. смерти к[а]к ухода из этого мира.

[25 апреля]

В четверг Господь омыл мои грехи Своей кровью. Я молю об одном — чтоб Он не отошел от меня, чтоб мне опять не уйти от Него. Потому что вижу, к[а]к мало земли на камне моей души, куда упало семя. К[а]к неглубоко оно уходит, к[а]к птицы легко его расхищают и к[а]к я опять останусь легко без опоры, без сил, в пустоте.

Вот самое страшное именно — это пустота. Потому что я забыла, что все от Бога, что вся помощь от Него, и только верой — нитью, закинутой в небо, без уверенности в ее прикреплении, — хождением по воде — обращенность к Нему получает эту жизнь и уходит от пустоты.

.....
.....

Четверг [Лето]
Busserolles⁴⁴

Начинаю с покаяния. Потому что не удержала я радости молитвой... и вот в душе пусто, безводно — ничто не радует — а вокруг зелень, Божий мир. Но я знаю, что есть другое состояние души, есть другой мир, в котор[ом] она живет, когда все освещено Его благодатью, — и я пойду напролом сквозь свою невероятную леность, дебелость, сонливость. Не воля ли тут нужна? К[а]к же не воля (Г.И.⁴⁵) — волей ведь

и приклоняешь себя небесам. Чувствуешь свою черноту, свою пустоту — и волей двигаешь себя на молитву, на обращение, чтоб Господь «пришел и вселился в ны»⁴⁶.

Пятница [Лето]

Почему я всегда Его ищю и так легко теряю? И так капризна, т[а]к требовательна к жизни, ко всему, что мешает мне Его искать и находить. Я хочу понять, что именно для меня самое главное, чтоб Его не терять и принимать все условия жизни, соблюдая лишь это основное для меня самое скромное условие.

Воскресение

Узкий путь — этот узкий коридор от видимого к невидимому, который есть вера, молитва, молитва, молитва — главное молитва, потому что она обращение туда, она ведет туда, и потом снова видимый мир, но уже в другом свете, не плоское тоскливое, а полное, уходящее в бесконечность.

Вторник

Ищите и обрящете⁴⁷. Я обернулась к Нему и хочу идти и верю, что найду снова — Он пошлет — любовь к Нему, которую выше всего земного буду предпочитать, которую не променяю.

Среда

«Ищите и обрящете» — и в самом поиске, который кажется таким бесплодным, бессильным, — получаешь. Хочется сказать много правды о вещах.

Конечно, нужна воля, чтоб к Нему обращаться. В самой отдаче — т.е. чтоб отдаться благодати, — нужна воля. К[а]кую правду скажу я о себе? Я мучительно не могу Его найти.

Еще о воле — возражение Г.И.: сказано: Царство Небесное нудится и нужницы восхищают е⁴⁸.

Самое созерцание — разве не воля? Разве не волей целовек «богомыслит»?

Пятница 9го Августа

Я молюсь о других, чтоб Бог послал им мир в душу, чтоб осветил их Своей благодатью. М.б., и они помолятся обо мне.

О себе ведь молюсь об одном — одного жажду и прошу — благодати.

Суббота

Вера есть вера и ник[а]ким другим понятием и словом ее не объяснишь. Умножь во мне веру, Господи! Вера несет в себе уже содержание веры. Вера есть уже и любовь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Городок в районе Rhône-Alpes, департамент Isère — в том же департаменте, что Allemont, где отдыхал И.С. Шмелев в 1934 г. В письме к С.М. Серову от 15.07.1934 он пишет: «Здесь б[ыл] уже прот. С. Булгаков (оснует скит, д[олжно] б[ыть]»)» (Архив БФРЗ. Ф. 41. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1 об.).

² Иак. 2:19.

³ 1 Пет. 3:10: «Ибо кто любит жизнь и хочет видеть добрые дни, тот удерживай язык свой от зла и уста свои от лукавых речей».

⁴ Лк. 11:9.

⁵ 1 Кор. 7:30.

⁶ Чтение слова предположительное.

⁷ «Религия представляется ему в виде некоего оазиса и кажется, что “следующий” — прекраснее предыдущего» (*фр.*; А. Фурнье). Ален-Фурнье (Alain-Fournier), настоящее имя — Анри Альбан Фурнье (1886–1914), французский писатель. Известен своим единственным законченным романом «Большой Мольн» (1913). Закончив это произведение, Ален-Фурнье стал секретарем богатого бизнесмена Клода Казимир-Перье и его соавтором в работе над книгой «Брест, трансатлантический порт» (1914). Ален-Фурнье был убит из засады 22 сентября 1914 г. в лесу Сен-Реми под Верденом во время первой битвы на Марне. Посмертно были изданы его ранние стихи и прозаические миниатюры, составившие книгу «Чудеса» (1924), а также несколько томов писем. Фрагменты его незаконченного романа «Коломб Бланше» были опубликованы в декабре 1922 г.

⁸ Имеются в виду ежегодные выставки общества «Икона».

⁹ Desvallières Georges (Десвальер, 1861–1950), французский художник-экспрессионист. Потерял в Первую мировую войну одного из сыновей, с той поры посвятил себя религиозной картине. Тема войны в религиозном осмыслении проходит через все его творчество (полотна «Восхождение фронтовика» и «Флаг Сакре Кёр», роспись церкви в Sien-Port в память о сыне, картина «Похороны молодого солдата» для церкви Св. Фаржо). В своем письме о. Александру Мению Ю.Н. вспоминает: «Maurice Denis, к[а]к многие из французской

интеллигенции, пришедший к вере после Первой мировой войны, вместе со своим другом Georges Desvalières, основали ateliers d'art sacré (в 1919 г. — Н.Б.) — попытка в современных условиях и современных данными искусства возродить лучшие традиции религиозного искусства Средневековья» (см.: *Сестра Иоанна (Рейтлингер). Автобиография // Умное небо: Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю.Н. Рейтлингер). М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. С. 474 (примеч. № 25). Мастерскую Мориса Дени (1870–1943) Ю.Н. посещала в 1925–1928 гг. и, к[а]к писала в Автобиографии, «общего художественного развития я получила от них очень много» (Вестник РХД. 1990. № 159. С. 95)).*

¹⁰ Из стихотворения А.С. Пушкина «Возрождение». Правильно: «Так исчезают заблуждения / С измученной души моей / И возникают в ней видения / Первоначальных, чистых дней».

¹¹ Село Палех в центре России — с XVII в. славилось своим иконописным промыслом. Палешане были и мастерами монументальных фресковых росписей (возобновление древних фресок во Владимирских соборах: Успенском и Дмитровском, в Софии Новгородской, в соборах Московского Кремля и Троице-Сергиевой лавры), фрески в провинциальных храмах соседних городов: Кинешме, Вичуге и др. После революции 1917 г. иконописный промысел в Палехе прекратил свое существование. В 1924 г. группа бывших иконописцев образовала «Артель древней живописи» по росписи изделий из папье-маше (лаковая миниатюра).

¹² Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных — 21 ноября.

¹³ Расчет производился от Пасхи, которая в 1933 г. приходилась на 16 апреля (н. ст.).

¹⁴ Ин. 4:2; использовано в молитве патриарха Тихона о спасении державы Российской и утолении в ней раздоров и нестроений: «Боже великий и дивный, каяйся о злобах человеческих, возводяй низверженные и утверждая низпадающия!»

¹⁵ Быт. 6:6.

¹⁶ Из песнопений вечерни всенощного бдения: «Свете Тихий святая славы Безсмертного Отца Небесного, Святого, Блаженного, Иисусе Христе!»

¹⁷ Мф. 11:29.

¹⁸ Из стихотворения А.С. Пушкина «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»).

¹⁹ Андрей Критский (Иерусалимский) (ок. 660–740) — христианский проповедник, архиепископ о. Крит. Автор многочисленных церковных гимнов-песнопений и покаянного «Великого канона» (ок. 250 тропарей), ежегодно читаемого в Православной Церкви во время Великого поста.

²⁰ Слишком образно (*фр.*).

²¹ По-видимому, 5-й седмицы, потому что далее следует запись понедельника 6-й седмицы. Тогда эта запись датируется 31 марта 1933 г.

²² Цадкин Осип Алексеевич (наст. имя и отчество Иосель Аронович) (1890–1967) — художник и скульптор, соединивший традиции модерна и авангарда. Родился в России. Учился в Лондоне, Париже, в котором обосновался в 1909 г. Участвовал в Первой мировой войне в качестве добровольца французской армии. В 1941 г. переехал из оккупированной Франции в Нью-Йорк, в 1945 г. вернулся в Париж.

²³ Там, наверху (*фр.*).

²⁴ Возможно, Ю.Н. ошибается: известна новгородская икона XIII в. (ГРМ) святые Иоанн Лествичник, Георгий и Власий (Иоанн крупно по центру, Георгий и Власий мелко по сторонам). Вероятно, Ю.Н. видела ее еще в Праге, в репродукции, во время занятий у проф. Н.П. Кондакова, который вел в Карловом университете курс «Истории средневекового искусства».

²⁵ Это может быть Я. Золотницкий, антиквар и меценат, который много жертвовал на благотворительных лотереях (см.: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975. Франция / Под общей ред. Л.А. Мнухина: В 8 т. М.; Paris: ЭКСМО; Русский путь; УМСА-Press, 1995–2002); а может быть, А. Золотницкий, потомственный (еще с 1851 г. в Киеве) антиквар, собиратель русского искусства, у которого в Париже был магазин-салон (Русский альманах: Справочник. Paris, 1930. С. 279).

²⁶ Вероятно, Л.А. Гринберг, коллекционер-букинист и общественный деятель русского зарубежья.

²⁷ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), художник, автор росписей Владимирского собора в Киеве (1885–1896). Его религиозная живопись была неприемлема для Ю.Н.

²⁸ Стелецкий (Стеллецкий) Дмитрий Семенович (1875–1947), художник. До эмиграции писал маслом и темперой картины, стилизованные в духе иконописи и древнерусской миниатюры. В начале Первой мировой войны оказался в Париже, где изучал романское искусство. В Россию не вернулся. В 1925 г. стал одним из учредителей общества «Икона». В ноябре 1925 — декабре 1927 г. возглавлял работы по росписи храма на Сергиевском подворье в Париже, стилизованно выполнил роспись стен и создал трехъярусный иконостас. В 1930-х гг. расписал походный храм для организации эмигрантской молодежи «Витязи». Ю.Н. была чужда стилизация Стеллецкого в иконописи.

²⁹ Гончарова Наталия Сергеевна (1881–1962) — живописец, график и театральный художник. Училась в Московском училище живописи,

ваяния и зодчества (с 1898). Участвовала в выставках 1910-х гг. Испытала влияние кубизма и футуризма. Художница была одним из создателей русского примитивизма.

С 1915 г. жила в Париже. Оформляла спектакли в антрепризе С.П. Дягилева (1914–1929). Театральным декорациям Гончаровой свойственны лубочная экспрессия и повышенная декоративная красочность. Ю.Н. еще в Петербурге на выставках 1910-х гг. могла видеть картины Гончаровой на библейские сюжеты. В медонских росписях Ю.Н. можно отметить влияние и Гончаровой.

³⁰ Грищенко Алексей Васильевич (1883–1977) — художник и художественный критик. Родом из Украины. Занимался в мастерской С.И. Светославского в Киеве (1905), в студиях К.Ф. Юона (1910) и И.И. Машкова в Москве. Писал импрессионистические пейзажи, использовал приемы и образы русской иконы, украинского лубка, итальянской фрески. Участвовал в выставках русских живописцев в 1910-х гг. В 1918 г. вошел во Всероссийскую коллегию по делам музеев и охраны памятников старины. Преподавал в Государственных свободных художественных мастерских в Москве (1919). Осенью 1919 г. эмигрировал: Константинополь, Греция. В 1922 г. уехал в Париж. Участвовал в салонах и групповых выставках, в том числе в Берлине (1922), Брюсселе (1928) и Париже (1932).

³¹ Деян. 8:32, Ис. 53:7: «...яко овца на заклание ведеса, и яко агнец прямо стригущему его безгласен...»

³² Эрн Владимир Францевич (1882–1917) — русский философ, православный мыслитель, публицист, друг и единомышленник П.А. Флоренского. Дочь В.Ф. Эрн звали Ириной.

³³ Троица в 1933 г. приходилась на 4 июня.

³⁴ Мф. 10:20: «Не вы будете глаголющий, но Дух Отца вашего, глаголяй в вас».

³⁵ Монтини — мест с таким названием во Франции много: есть в предместье Парижа, недалеко от Версаля маленький красивый городок — Монтини-ле-Бретонно; недалеко от Орлеана — Монтини-ле-Ганнелон (со средневековой крепостью и замком XV в.).

³⁶ Затвора (*фр.*).

³⁷ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — художник и искусствовед. Один из основоположников музееведения, реставрационного дела и охраны памятников искусства и старины в СССР. Его именем назван Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр.

³⁸ Слово прочитано предположительно.

³⁹ Расчет производился от Пасхи, которая в 1934 г. приходилась на 12 апреля (н. ст.).

⁴⁰ Имеется в виду Григорий Иванович Круг. В письме к Элле Семенцовой-Лаевской от 2.02.1975 Ю.Н. признается о коллизии перед

принятием монашества: «Да, надо еще сказать, что перед этим, когда я начала к[а]к-то шататься, начинался у меня роман, и это особенно меня еще больше убедило, что нужно оформление» (см.: Альманах ХРИСТИАНОС. 2006. № 15. С. 245). В письме к Элле Семенцовой-Лаевской от 4.08.1976 читаем: «Что касается Круга, — я не видела его оригиналов, а по репрод[укциям] судить нельзя. Но 1) он начинал (у меня) *иначе*, и то мне было ближе, а потом Успенский (Л.А. Успенский (1902–1987) — художник, иконописец Русского зарубежья. Работал в традиционной манере. Ю.Н. с ним творчески полемизировала. — Н.Б.) его увел в другую сторону. Но кроме того, 2) он-то сам не видел оригиналов, а работал только при помощи репродукций, это — сказывается, по-моему, насколько я могу судить!» (см.: Альманах ХРИСТИАНОС. 2006. № 15. С. 225–226).

⁴¹ Имеется в виду Г.И. Круг.

⁴² Лк. 14:26: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

⁴³ Ася (Александра Владимировна) Оболенская (30.03.1897–21.12.1974) — подруга Ю.Н. с детских лет, одна из ее духовных сестер (см. примеч. № 58). Дочь известного общественного деятеля князя Владимира Андреевича Оболенского. В эмиграции активная участница Русского студенческого христианского движения (РСХД) с момента его возникновения. Приняла постриг в 1937 г. Одна из основательниц в 1938 г. женской монашеской общины в Муазене в 50 км. от Парижа (совместно с игуменией Евдокией (Мещеряковой) и монахиней Феодосией (Соломянской)). Участвовала в постройке храма Св. Троицы по плану духовника монастыря о. Евфимия (Вендта), который расписал о. Григорий Круг. В 1946 г. обосновалась в Бюси-ан-От (Бургундия), где был основан Покровский женский монастырь. Заведовала в монастыре работой в огороде и на полях. Последние годы проживала в г. Муазене, где ухаживала за умирающим архимандритом Евфимием. Умерла от рака спинного хребта.

⁴⁴ Место в районе Aquitaine (на северо-западе Франции), в департаменте Dordogne.

⁴⁵ Г.И. Круг.

⁴⁶ Из молитвы Св. Духу («Царю Небесный, Утешителю...»).

⁴⁷ Мф. 7:7.

⁴⁸ Старославянский, по-русски это: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12).

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ

Перевод Псалтири
(Псалмы 118–127)*

Псалом 118

1. Блаженны непорочные в путях,
ходящие в законе Господнем.
2. Блаженны хранящие откровения Его,
всем сердцем ищущие Его.
3. Они не творят беззаконий,
ходят путями Его.
4. Ты заповедал
хранить заповеди Твои нерушимо.
5. О, если бы прямы были пути мои
к соблюдению уставов Твоих.
6. Не постыдился бы я тогда,
взирая на все заповеди Твои.
7. В правоте сердца славил бы Тебя, Господи,
поучаясь судам правды Твоей.
8. Уставы Твои сохранию;
не оставь меня до конца.
9. Как юноше найти путь свой?
Соблюдая слово Твое.
10. Всем сердцем ищу Тебя.
Не уклони меня от заповедей Твоих.
11. В сердце сокрыл я слово Твое,
чтобы не согрешить пред Тобою.
12. Благословен Господь!
Научи меня уставам Твоим.
13. Устами моими возвещал я
все суды уст Твоих.
14. На пути откровений Твоих наслаждался я,
как вкусивший богатства.

15. Заповедями Твоими утешаюсь,
разумею пути Твои.
16. Об уставах Твоих размышляю,
не забуду Слова Твоего.
17. Воздай рабу Твоему;
буду жив, и соблюду слово Твое.
18. Открой очи мои,
и узрю чудеса закона Твоего.
19. Странник я на земле;
не сокрой от меня заповедей Твоих.
20. Томится душа моя
жаждой судов Твоих всякий день.
21. Ты укротил горделивых;
прокляты уклоняющиеся от заповедей Твоих.
22. Сняли с меня унижение и позор,
ибо взыскую откровений Твоих.
23. Сели князья и клеветуют на меня;
раб же Твой утешается уставами Твоими.
24. Откровения Твои — поучение мое,
и советники мне — уставы Твои.
25. Повержена в прах душа моя;
оживи меня словом Твоим.
26. Возвестил я пути Твои, и Ты услышал меня;
научи меня уставам Твоим.
27. Путь уставов Твоих изъясни мне,
и утешусь в чудесах Твоих.
28. Задремала душа моя в унынии;
укрепи меня словом Твоим.
29. Путь неправды удали от меня
и законом Твоим помилуй.
30. Путь истины я избрал,
и судов Твоих не забыл.
31. Возлюбил я откровения Твои,
не посрами меня, Господи.
32. Путем заповедей Твоих пойду,
когда Ты расширишь сердце мое.
33. Укажи мне, Господи, путь уставов Твоих,
и взыщу его до конца.
34. Вразуми меня, и взыщу закон Твой,
сохраню его всем сердцем моим.

* Продолжение. См. «Вестник РХД» № 183–186, 188–192.

35. Направь меня на стезю заповедей Твоих,
ибо я возжелал ее.
36. Склони сердце мое к откровениям Твоим,
от любостяжания отврати его.
37. Отврати очи мои, да не вижу суеты;
на пути Твоём животвори меня.
38. Утверди рабу Твоему
слово Твое в страхе Твоём.
39. Сними поношение мое, которого страшусь,
ибо благи суды Твои.
40. Вот возлюбил я заповеди Твои;
правдою Твоею животвори меня.
41. Да сойдет на меня милость Твоя,
спасение Твое по слову Твоему.
42. Дам ответ поносящим меня,
ибо уповаю на слово Твое.
43. Не отыми от уст моих слова истины до конца,
ибо уповаю на суды Твои.
44. Буду закон Твой хранить
всегда и во веки веков.
45. Буду ходить на свободе,
ибо заповедей Твоих взыскал.
46. Возвещаю откровения Твои пред царями
и не смущаюсь.
47. Размышляю о заповедях Твоих,
в них любовь моя.
48. Простираю руки мои к заповедям Твоим
возлюбленным,
утешаюсь в уставах Твоих.
49. Вспомни слово к рабу Твоему,
что дал Ты мне в упование.
50. Утешаюсь я в унижении моем,
ибо слово Твое животворит меня.
51. Гордецы преступили закон Твой;
я же не уклонился от него.
52. Вспомнил я от века суды Твои, Господи,
и утешился.
53. Страх объемлет меня,
видя грешников, оставляющих закон Твой.

54. Уставы Твои были песнями мне
в месте странствия моего.
55. Поминал я имя Твое в ночи, Господи,
соблюдал закон Твой.
56. Он стал частью моей,
ибо уставов Твоих я взыскал.
57. Вот удел мой, Господи:
соблюдать закон Твой.
58. Всем сердцем взмолился я пред лицом Твоим:
помилуй меня по слову Твоему.
59. Размышлял я о путях Твоих,
обращал стопы мои к откровениям Твоим.
60. Был готов и не медлил
соблюдать заповеди Твои.
61. Сети грешных опутали меня,
но закона Твоего не забыл.
62. В полночь вставал славить Тебя
за суды правды Твоей.
63. Друг я всем боящимся Тебя,
соблюдающим заповеди Твои.
64. Милостью Твоей, Господи, полна вся земля;
научи меня уставам Твоим.
65. Добро сотворил Ты рабу Твоему,
по слову, Господи, Твоему.
66. Добру, благонравию и разуму научи меня,
ибо верую заповедям Твоим.
67. Прежде унижения моего я грешил,
ныне слово Твое храню.
68. Благ Ты, Господи, благостью Твоей;
научи меня уставам Твоим.
69. Множится неправда гордых на меня;
но всем сердцем исследую я заповеди Твои.
70. Как молоко свернулось сердце их;
я же размышляю о законе Твоём.
71. Благо мне, что смирил Ты меня,
чтобы научиться мне уставам Твоим.
72. Дорог мне закон уст Твоих,
лучше тысяч злата и серебра.
73. Руки Твои сотворили и создали меня,
вразуми меня, и научусь заповедям Твоим.

74. Боящиеся Тебя увидят меня и возрадуются,
ибо уповаю на слово Твое.
75. Знаю, Господи, правду судов Твоих,
праведно смирил Ты меня.
76. Да будет же милость Твоя утешением моим,
как обещался Ты рабу Твоему.
77. Да сойдет на меня милость Твоя и да живу,
ибо закон Твой утешение мое.
78. Да постыдятся гордые, ибо безвинно угнетают меня;
я же размышляю о заповедях Твоих.
79. Да обратятся ко мне боящиеся Тебя,
ведающие откровения Твои.
80. Будет сердце мое непорочно в уставах Твоих,
да не постыдиться мне.
81. Томится о спасении Твоем душа моя;
на слово Твое уповаю.
82. Томятся очи мои о слове Твоем;
взываю: когда утетишь меня?
83. Я стал, словно мех в дыму,
но уставов Твоих не забыл.
84. Сколько дней ждать рабу Твоему?
Когда дашь мне суд над гонителями?
85. Яму вырыли мне гордые,
вопреки закону Твоему.
86. Все заповеди Твои истина;
неправедно гонят меня, помоги мне.
87. Едва не погубили меня на земле;
я же не оставил заповедей Твоих.
88. Милостью Твоею животвори меня,
и соблюду откровения уст Твоих.
89. Господи, слово Твое
на небесах пребывает вовеки.
90. В род и род истина Твоя;
Ты утвердил землю, и стоит.
91. Повеленьем Твоим стоит доднесь,
ибо все подвластно Тебе.
92. Если б не закон Твой утешал меня,
погиб бы я в бедствиях моих.
93. Вовек не забуду уставов Твоих,
ибо ими животворишь меня.

94. Твой я, спаси меня;
ибо взыскую уставов Твоих.
95. Ждут грешники погубить меня;
постигаю откровения Твои.
96. Вижу всякому совершенству предел;
но безмерна заповедь Твоя.
97. Как люблю я закон Твой, Господи;
размышляю о нем весь день.
98. Ты умудрил меня паче врагов моих заповедью Твоею;
она моя вовек.
99. Стал я мудрее всех учителей моих,
размышляя об откровениях Твоих.
100. Стал я мудрее старцев,
взыскаю заповедей Твоих.
101. От всякого злого пути удержал я ноги мои,
да соблюду слово Твое.
102. От судов Твоих не уклоняюсь,
ибо Ты назидает меня.
103. Сколь сладостно гортани моей слово Твое:
слаще меда устам моим.
104. Заповедями Твоими вразумлен,
ненавижу все пути лжи.
105. Светильник ногам моим закон Твой
и свет стезям моим.
106. Я клялся хранить суды правды Твоей,
и исполню.
107. Унижен я до конца; Господи,
животвори меня по слову Твоему.
108. Вольную жертву уст моих прими
и судам Твоим, Господи, научи меня.
109. Душа моя в руке Твоей всегда,
я закона Твоего не забыл.
110. Расставили грешники сети мне;
но не отошел я от заповедей Твоих.
111. Откровения Твои наследие мое навек,
ибо в них радость сердца моего.
112. Склонил я сердце мое
соблюдать уставы Твои навек, до конца.
113. Законопреступных возненавидел я,
закон же Твой возлюбил.

114. Ты помощник мой и заступник мой;
на слово Твое уповаю.
115. Удалитесь от меня, незаконные;
буду хранить заповедь Бога моего.
116. Защити меня по слову Твоему, и буду жив;
не посрами меня в надежде моей.
117. Помоги мне, и спасусь;
буду вечно созерцать уставы Твои.
118. Ты низлагаешь всех, отступавших от уставов Твоих,
ибо ложно помышление их.
119. Ты отмечаешь, как сор, всех грешных земли;
посему возлюбил я откровения Твои.
120. Пригвозди страхом Твоим плоть мою,
ибо судов Твоих трепещу.
121. Я творил суд и правду;
не предай меня гонителям моим.
122. Прими раба Твоего во спасение,
гордые да не клеветают на меня.
123. Очи мои томятся о спасении Твоем,
о слове правды Твоей.
124. Окажи милость рабу Твоему,
уставам Твоим научи меня.
125. Раб Твой я; вразуми меня,
и познаю откровения Твои.
126. Настало время Господне:
разорили закон Твой.
127. Я же заповеди Твои возлюбил
паче злата, чистого золота.
128. По всем заповедям Твоим хожу,
всякий путь неправедный ненавижу.
129. Дивны откровения Твои;
хранит их душа моя.
130. Откровение слов Твоих просвещает,
вразумляет младенцев.
131. Отверзу уста мои и вздохну,
ибо томлюсь по заповедям Твоим.
132. Призри на меня и помилуй меня,
как милуешь любящих имя Твое.
133. Стопы мои утверди в слове Твоем,
да не владеет мною беззаконие.

134. Избавь меня от гнета человеческого,
и соблюду заповеди Твои.
135. Просий свет лица Твоего на раба Твоего,
научи меня уставам Твоим.
136. Потоки вод текут из глаз моих,
ибо не хранят закона Твоего.
137. Праведен Ты, Господь,
и правы суды Твои.
138. Ты заповедал нам откровения Твои,
в них вся правда и истина.
139. Ревность Твоя снедает меня,
забыли заповеди Твои враги мои.
140. Очищено в огне слово Твое,
и раб Твой возлюбил его.
141. Мал и унижен я,
но уставов Твоих не забыл.
142. Правда Твоя правда вовек
и закон Твой истина.
143. Скорби и беды постигли меня;
заповеди Твои утешение мое.
144. Откровения Твои — правда вовек;
вразуми меня, и буду жив.
145. Всем сердцем воззвал; услышь меня, Господи;
взыскую уставов Твоих.
146. Взываю к Тебе: спаси меня,
и сохраню откровения Твои.
147. До рассвета встаю и взываю;
уповаю на слово Твое.
148. Не дождутся утра очи мои
размышлять о слове Твоем.
149. Господи, голос мой услышь по милости Твоей,
по суду Твоему, животвори меня.
150. Приблизились неправедно гонящие меня;
далеки они от закона Твоего.
151. Но Ты, Господи, близь меня,
и все пути Твои истинны.
152. Искони знаю я из откровений Твоих,
что Ты утвердил их навеки.
153. Воззри на беду мою и избавь меня;
я закона Твоего не забыл.

154. Дай мне суд и избавь меня,
по слову Твоему животвори меня.
155. Далеко спасение от грешников,
не ищут уставов Твоих.
156. Велико милосердие Твое, Господи,
по суду Твоему животвори меня.
157. Много гонителей и врагов у меня;
от откровений Твоих не отпал.
158. Вижу отступников и томлюсь;
не соблюдают слова Твоего.
159. Видишь, Господи, как люблю заповеди Твои;
милостью Твоею животвори меня.
160. Начало слов Твоих — истина,
вечны все суды правды Твоей.
161. Князья гонят меня безвинно;
слова Твоего боится сердце мое.
162. Радуюсь я о слове Твоем,
как обретший великую прибыль.
163. Ненавижу неправду и гнушаюсь;
возлюбил я закон Твой.
164. Седмижды в день славлю Тебя
за суды правды Твоей.
165. Мир велик любящим Твой закон,
и нет им соблазна.
166. Чаю спасения Твоего, Господи,
заповеди Твои возлюбил.
167. Хранит душа моя откровения Твои,
крепко возлюбил их.
168. Храню заповеди Твои и откровения Твои,
все пути мои пред Тобою.
169. Да взойдет молитва моя пред лицо Твое,
по слову Твоему вразуми меня.
170. Да достигнет вопль мой Тебя, Господи,
по слову Твоему избавь меня.
171. Изольется песня из уст моих,
когда научишь меня уставам Твоим.
172. Провещает язык мой слово Твое,
ибо праведны все заповеди Твои.
173. Да будет рука Твоя на спасение мне,
ибо избрал я заповеди Твои.

174. Возжаждал спасения Твоего, Господи,
закон Твой утешение мое.
175. Да живет душа моя и восхвалит Тебя;
и суды Твои да помогут мне.
176. Как погибшая овца, заблудился я;
обрети раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл.

Псалом 119

Песнь восхождения.

1. Воззвал я к Господу в скорби моей,
и Он услышал меня.
2. Господи, избавь душу мою от уст неправедных
и от языка лукавого.
3. Что за польза Тебе,
что за прибыль от языка лукавого?
4. Заостренные стрелы врага
с горящими угольями.
5. Горе мне, я живу у Мосоха,
поселился в шатрах Кидарских.
6. Долго скиталась душа моя
с ненавидящими мир.
7. Мир я хранил,
но едва начинал говорить им, они шли войной.

Псалом 120

Песнь восхождения.

1. Возвел я очи мои к горам,
откуда придет помощь моя.
2. Помощь моя от Господа,
сотворившего небо и землю.
3. Не даст поскользнуться ноге твоей,
не задремлет Хранящий тебя.
4. Нет, не дремлет,
не спит Хранящий Израиля.
5. Господь хранитель твой,
Господь твой покров по правую руку твою.

6. Солнце днем не опалит тебя,
ни ночью луна.
7. Господь охранит тебя от всякого зла,
охранит душу твою Господь.
8. Господь охранит входы твои
и выходы отныне и вовеки.

Псалом 121

Песнь восхождения. Давида.

1. Возвеселился я, как сказали мне:
пойдем в дом Господень.
2. Вот и ноги наши, Иерусалим,
во вратах твоих.
3. Иерусалим построен, как град,
собранный во единство.
4. Сюда восходят колена, колена Господни,
по закону Израиля, славить имя Господне.
5. Здесь поставлены престолы суда,
престолы дома Давидова.
6. Просите же о мире Иерусалиму;
благоденствие любящим тебя!
7. Да будет мир в ограде твоей,
благоденствие в стенах и башнях твоих.
8. Ради братьев и ближних моих
говорю: мир тебе!
9. Ради дома Господня, Господа Бога нашего,
прошу благоденствия тебе.

Псалом 122

Песнь восхождения.

1. К Тебе возвел я очи мои,
Живущий на небесах.
2. Как очи рабов в руке господ их,
как очи рабыни в руке госпожи ее,
так очи наши — к Господу Богу нашему,
доколе не сжалится над нами.

3. Помилуй нас, Господи, помилуй нас,
довольно питались мы унижением.
4. Душа наша пресытилась поношением богатых
и презрением гордых.

Псалом 123

Песнь восхождения. Давида.

1. Если бы не Господь был с нами,
так скажет Израиль:
2. Если бы не Господь был с нами,
когда восстали люди на нас,
3. Живыми пожрал бы и нас,
когда возгорелась на нас ярость их.
4. Воды поглотили бы нас,
потоп затопил бы души наши.
5. Затопили бы душу нашу
воды бурные.
6. Благословен Господь,
не давший нас в добычу зубам их.
7. Душа наша избавилась, как птица,
от сети охотников;
сети порвались, и мы на свободе.
8. Помощь наша во имени Господа,
сотворившего небо и землю.

Псалом 124

Песнь восхождения.

1. Надеющийся на Господа — как гора Сион;
не дрогнет вовек живущий в Иерусалиме.
2. Горы вокруг него, Господь окрест народа Своего,
отныне и до века.
3. Не оставит Господь жезла грешников над жребием
праведных,
да не прострут праведные рук своих к беззаконию.
4. Сотвори, Господи,
добро добрым и правым сердцем.

5. А совратившихся с пути да оставит Господь
с творящими беззаконие.
Мир Израилю!

Псалом 125

Песнь восхождения.

1. Когда возвратил Господь плен Сиона,
были мы как во сне.
2. Тогда исполнились радости уста наши, а язык наш
веселья.
Тогда говорили язычники: великое сотворил им
Господь.
3. Великое сотворил нам Господь;
и веселились мы.
4. Возврати, Господи, пленников наших,
как потоки на полдень.
5. Сеющие слезами
пожнут радостью.
6. Было время, ходили и плакали, бросая семена свои;
будет время, вернутся с радостью, неся снопы свои.

Псалом 126

Песнь восхождения. Соломона.

1. Если не Господь созиждет дом, тщетно трудились
строители;
если не Господь охранит град, тщетно бодрствуют
стражи.
2. Напрасно встаете вы спозаранку, поздно
просиживаете, едите хлеб печали;
возлюбленным Своим Он дает во сне.
3. Вот достояние от Господа —
сыновья, плод утробы.
4. Что стрелы в руках сильного,
то сыны молодые.
5. Блажен, кто наполнит ими колчан свой;
не покроют себя позором, когда будут говорить
с врагом своим в воротах.

Псалом 127

Песнь восхождения.

1. Блажен человек, боящийся Господа,
ходящий по путям Его.
2. Ты вкусишь от трудов рук своих:
блажен ты и благо тебе!
3. Жена твоя как лоза плодовая
в дому твоём,
сыновья твои как масличные насаждения
вокруг трапезы твоей.
4. Так благословится человек,
боящийся Господа.
5. Благословит тебя Господь с Сиона,
и увидишь благоденствие Иерусалима во все дни
жизни твоей.
6. Увидишь сынов сынов твоих.
Мир Израилю!

Памяти митрополита Антония (Сурожского)

28–30 сентября 2007 года Фондом «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» и Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» была организована Первая международная конференция, посвященная духовному осмыслению наследия митрополита Антония Сурожского.

Ниже мы печатаем доклады игумена Петра Мещеринова и А.И. Шмаиной, прозвучавшие на этой конференции.

Игумен ПЕТР МЕЩЕРИНОВ

Жизнь православного христианина в современном мире (На примере митр. Антония)

Митрополит Сурожский Антоний — великий пастырь Православной Церкви XX века. Значение его для современного христианства невозможно переоценить. Немногие имели счастье общаться с ним «лицом к лицу»; в основном люди читали его, слушали радиопередачи и аудиозаписи; в последние два десятилетия стали доступны и видеозаписи бесед владыки. Отсутствие личного контакта нисколько не являлось помехой к тому, чтобы образ митрополита Антония привлекал к себе сердца; жизнь его становилась образцом для подражания, а слово — руководством к действию. Я хотел бы сегодня порассуждать о том, какие именно характе-

ристические признаки духовного делания митр. Антония позволяют его пастырству продолжаться в полную силу и после переселения владыки в небесные обители. Я выделю пять таких признаков.

I

Первое — это то, что пастырский опыт митрополита Антония очень отличался от той системы духовничества, которая сложилась в нашей сегодняшней церковной жизни. Владыка был подлинным делателем жатвы Христовой, но отнюдь не духовником в нашем традиционном понимании. Кто такой делатель жатвы Христовой? Тот, кто своей жизнью, своими делами, своей молитвой, любовью, болью за людей, сопереживанием им, своим словом (словом — в последнюю очередь, как выражением жизни) свидетельствует о Христе, о том, что Он — важнее, лучше, прекраснее всего на свете, о том, что Он реально входит в нашу жизнь и преобразует ее. Делатель всегда — друг *Жениха* (Ин. 3:29); здесь мало общего с духовничеством в его идеологическом понимании. Теоретически духовничество — это такой принцип, когда духовник (а лучше, конечно, «старец») «берет человека за руку и ведет ко Христу». В своей чистоте духовничество проявляется чрезвычайно редко. Как правило, мы видим, что духовник в той или иной мере *подменяет* собою Христа, вследствие чего духовничество превращается в недостойную игру, ничего общего не имеющую с подлинной духовной жизнью, которая предполагает прежде всего личную ответственность, а не снятие ее с себя и вручение ее своему духовнику.

Совсем недавно я читал об обстоятельствах того, как в 20-х годах прошлого века один из замечательных писателей русского Серебряного века, Сергей Николаевич Дурылин, принял священство. Через несколько лет он, под влиянием чрезвычайно тяжелых для него обстоятельств, вынужден был от своего священства отойти. Его тонкая и нежная душа не понесла многое из того, чем было обставлено в те времена священническое служение. Но ведь стал он пастырем отнюдь не по своей воле, а по благословению двух ныне причисленных к лику святых старцев — прп. Анатолия

Оптинского и прав. Алексия Мечева. Станным образом они не разглядели в Сергее Николаевиче, что священство — это «не его», что оно как минимум превышает душевные и физические силы этого хрупкого и сложного человека. Вот яркий пример того, как духовничество, пусть даже совершающееся с наилучшими намерениями и осуществляемое действительными церковными авторитетами, на деле оборачивается псевдомистическим манипулированием людьми; причем то, что это именно манипулирование, никем даже и не осознается.

Делатель же жатвы Христовой, каким был митр. Антоний, совершенно не занимается прямым устройством чьих бы то ни было судеб. Он не берет никого за руку и не тащит туда, куда он считает нужным. Он, как я уже сказал, именно свидетельствует, показывает, обнаруживает пред всеми: вот — Христос, вот что Он значит в моей жизни; если хотите — идите к Нему, только *сами*. Вот в этом «сами» и коренится пастырский метод владыки, который базируется на глубоком, подлинно евангельском уважении к личности человека, к свободе его нравственного выбора.

К большому сожалению, именно эта чрезвычайно важная сторона христианства остается плохо понимаемой и реализуемой в нашей современной православной действительности. Традиционно в России личность категорически не уважают. Это общее, фундаментальное и, боюсь, неискоренимое до конца времен основание всей нашей жизни проникает и в Церковь и, увы, составляет одну из основ нынешней духовнической идеологии и практики. Между тем совершенно очевидно, что никакое христианство невозможно без понимания того, что Бог не только *любит* нас (любовь в российском понимании — штука своеобразная; мне приходят на память размышления Пятачка по поводу Слонопотама: любит ли тот поросят, и главное — *как* он их любит...), но и безмерно *уважает* всякого человека. Осознание этого естественно порождает и ответственность за свою жизнь пред самим собою, Богом и людьми. Только личная, свободная и уважительная к себе ответственность может по-настоящему реализоваться в любовь к Богу и ближнему. Именно это и находят люди у владыки; пастырство, основанное не на авторитарном духовничестве, но на уважении к человеку, дает

великий творческий импульс, который реально приносит и всегда будет приносить добрые плоды.

II

Второй краеугольный камень жизни и проповеди митрополита Антония — это Евангелие. В нашей православной действительности Евангелие не популярно. Не оно определяет наше существование. В свое время святитель Филарет, митрополит Московский, писал: *«Прежде утверждались на Священном Писании и мало внимания обращали на Предание. Потом с силою заметили сей недостаток: слова “Православие” и “Предание” стали звучать чаще и сливаться в один звук, и начали богословствовать по Преданию, оставляя иногда позади Священное Писание, а некоторые и уничижали Писание... Церковь... учит признавать Предания, с откровением Божиим согласные. И потому не правильнее ли основывать учение главным образом на Священном Писании, а Преданием дополнять, объяснять, защищать от неправомыслящих»* (святитель Филарет Московский. Призовите Бога в помощь. М.: Сретенский монастырь, 2006. С. 482–483).

Нынешняя церковная идеология предлагает православным христианам иной принцип, четче всего сформулированный святителем Игнатием (Брянчаниновым): «Евангелие — через отцов». Действительно, догматический, вероучительный смысл Священного Писания не может быть понят вне Церкви, вне святых отцов. Но этот принцип нельзя распространять на весь объем христианской жизни. Повседневное нравственное руководство непременно должно быть основано на Писании; в этом смысле оно самодостаточно. Как показывает опыт, на практике, в личной духовно-нравственной сфере, тезис «Евангелие через отцов» не реализуется, ибо коль скоро нет фундамента Писания, этот принцип «повисает в воздухе», нарушает строгую иерархию христианских ценностей и нередко даже становится прикрытием страстей, глупостей и стихий мира сего. Митрополит Антоний положил в основу своей жизни именно Евангелие. Всю жизнь вспоминал он, как через Евангелие в ранней молодости был открыт ему опыт богообщения. Свое богословствование и пастырство владыка строил на Священном

Писании. Мне нет нужды приводить примеры: любой текст, любое рассуждение митрополита Антония есть приложение Евангелия ко всем проявлениям внутренней и внешней жизни человека. Этот чистый и подлинно церковный «евангелизм» — то, что и заставляет искренних христиан обращаться к опыту владыки и руководствоваться им.

III

Следствием умаления значения Евангелия в повседневной жизни православных является очень заметная сегодня аберрация нравственности, как личной, так и церковно-общественной. Вот типичный пример: был добрый, хороший человек, сострадательный и делавший много доброго людям; обратился к Богу, курить бросил, не ест ничего, молится сутками, — но стал совершенно непереносим для ближних: злым, нетерпимым, безапелляционным, затворил свое сердце от людей, никому не помогает: де, «добро падшего естества»... Увещевать такого — бесполезно: в ответ слышишь, что главное — «спасаться», то есть вести аскетическую жизнь; а все, что этому мешает, нужно отсечь, ибо так-де пишут святые отцы... Я думаю, многим знакомы такие ситуации.

Если мы обратимся к анализу собирательной реакции церковных людей на те или иные значимые события, то увидим, что события эти оцениваются отнюдь не с позиции евангельской правды. Церковь усиленно декларирует сегодня, что она призвана оказывать на общество нравственное влияние. При этом под таким влиянием многими церковными деятелями понимается неистовая и крайне некорректная критика «западных ценностей», «либерализма», демократии и тому подобных вещей; о действительных же вопиющих проблемах, как церковных, так и общественных — скажем, о засилии коммерции в Церкви или о том, что правоохранительные органы в нашем государстве не только не охраняют, но, наоборот, грубо попирают право, — мы не услышим ни слова. Пророк Исаия говорит по этому поводу: *горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом, тьму почитают светом, и свет — тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое — горьким!* (Ис. 5:20). Наша церковная проповедь как будто не видит этого. С амвонов мы слышим

всё что угодно, но только не нравственную евангельскую оценку жизни. Но слово митрополита Антония — и это третья важная вещь, составляющая актуальность пастырства владыки, — все именно об этом: о том, что человек не просто лично ответственен, но именно *нравственно* ответственен за себя и за Церковь, за свои отношения с Богом и ближними. Основа таких отношений — человечность, порядочность, честность, незашоренность какой бы то ни было идеологией, христианское дерзновение — все это и есть евангельская нравственная жизнь. Несомненно, что она чрезвычайно востребована сегодня; и это то, что располагает к образу и учению владыки не только христиан, но и всех нормальных порядочных людей.

IV

Четвертое, на что необходимо нам обратить внимание, — это экклезиология владыки Антония. Я имею в виду, конечно, не отвлеченное богословствование — оно всегда было чуждо владыке, но именно духовную жизнь, которая опиралась на восприятие Церкви. Сегодня можно выявить две «практические» экклезиологии. Первая выражается словами столь любимого владыкой святителя Феофана Затворника: «Божественные стихии, Церковь Божию питающие, суть Слово Божие и святые Таинства» (Собрание писем. Т. дополнительный. М., 2001. С. 241). Все остальное в церковной жизни — это *суббота для человека* (Мк. 2:27). Такая экклезиология дает христианину жизнь, хотя и многотрудную, но легкую и глубокую (*бремя Мое легко...* — Мф. 11:30), *чувства его навьком приучаются к различению добра и зла* (ср. Евр. 5:14), ибо *он имеет помазание от Святаго и знает все* (ср. 1 Ин. 2:20). Церковность выявляется в этой системе координат в Евхаристии, в молитве, личной и общинной, объединяющей небесную и земную Церковь, и в вере, действующей любовью, которая распространяется на всех людей. Суть этой экклезиологии — что Христос, Который *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13:8), непосредственно приобщает Себе, дает Себя каждому человеку в Своем Телe, которое и есть Церковь.

Суть второй экклезиологии — что вот этого *непосредственного* «давания» Христа каждому христианину быть не может.

Церковь — это *не* непосредственное богообщение, *не* Тело Христово, но именно «*посредство*»: только через «что-то» — через традицию, дисциплину, аскетику, святых отцов, определенные исторические культурно-эстетические формы, державничество, имперскость, национализм и т. п. — человек может войти в общение с Богом (и само это богообщение понимается здесь неверно, не по-христиански, очень «внешне», ветхозаветно). Признаки этой экклезиологии: Священное Писание не занимает основополагающего места, оно объявляется всего лишь частью Предания (то, о чем писал свт. Филарет), и уже даже не только святые отцы, но и всякая околоцерковная идеология (типа Третьего Рима) оказывается гораздо более авторитетна, чем Писание. Таинства становятся в ряд с аскетико-дисциплинарной практикой и подавляются ею. Для этой церковности характерно выпячивание традиции и обряда как самоценности. Плоды такой экклезиологии — подмена трезвенной евангельской реальности неким виртуальным, неадекватным миром. Человек оказывается в сказочном «параллельном» пространстве: он погружается в лубочность, играет в детский сад со старцами и духовниками, ищет врагов, с религиозным рвением, достойным иного применения, ждет царя-батюшку, борется с глобализацией, масонством, модернизмом, экуменизмом и еще тысячей вещей, мечтает вернуться в прошлое и т.д., и т.д. — и все это под вывеской «Церковь». Такая церковная жизнь становится очень тяжелой и плоской для искренних сердец; подогревается это еще и наличием псевдосвятоотеческой идеологии, согласно которой человек не должен жить в ладу с самим собою. Я не скажу ничего нового, констатируя, что «торжествует» сегодня вот это второе «Православие»... Владыка же Антоний — несомненно, образец и проповедник первого, настоящего, подлинного церковного мировосприятия.

Тут еще важно вот что. Христианство — вещь практическая; оно должно, говоря современным языком, «работать». По большей части же оно сегодня в мире (и Россия, кстати, отнюдь не исключение) как раз «не работает»; по меткому и образному замечанию Сергея Дурьлина, уже упоминаемого сегодня, христианство в мире «тает», как весенний снег. Почему так? Господь говорит, что в Царство Его ведет узкий

путь: *подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие ищут войти, и не возмогут* (Лк. 13:24). Вот и сбывается это слово; действительно, многие ищут войти, но не возмогают. Для христианской жизни недостаточно человеческих усилий, оно есть синергия — сотворчество Бога и человека. Пространство этого сотворчества — Церковь; Господь определил некоторые условия, которые и делают Церковь Церковью. Признак этого — то, что она, в ответ на слабые человеческие усилия, приносит плод — одному в тридцать, другому в шестьдесят, а третьему — в сто крат (ср. Мф. 13:8). Эти самые условия и есть наша «первая экклезиология». Если она нарушается, то люди не получают от Церкви плода, получают же подмену и имитацию Церкви. Но если воспринять истинную евангельскую экклезиологию, то человек на деле видит исполнение слов апостола Иоанна Богослова: *помазание, которое вы получили от Него, в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и надежно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте* (1 Ин. 2:27). Именно такой экклезиологией жил и, от полноты своего жизненного опыта, учил ей владыка Антоний. Это и привлекает к нему: не просто хорошие проповеди, которых миллион в христианском мире, но именно тот плод, который всякий человек может ощутить сам в себе, если он постарается жить так, как жил митрополит Антоний. Вот что особенно ценно в наши дни, когда Церковь превращается в безжизненную библиотеку и этнографический музей.

V

Наконец, последнее. Каково сегодня положение воцерковленного человека, честного перед самим собою и желающего от всей души жить во Христе? Вот он уже десять лет в Церкви, пережил период неопитства; он трезво видит, что, как совершенно правильно говорит наше священноначалие, «Церковь нельзя отделить от общества». Общество ныне сильнее Церкви, и не Церковь обществу, но общество, которое, на мой взгляд, уже перешло «точку невозврата» в нравственном разложении, диктует Церкви свой, так сказать, стиль жизни; это стиль стадности, примитивности,

«гламура», агрессии, грубых страстей, безответственности и безбожия, ибо на деле наше общество исповедует религию Денег, а вовсе никакое не Православие. Еще святитель Игнатий в XIX веке писал: какое общество — такая и Церковь. Подтверждение его слов мы и наблюдаем: и традиционное неуважение к личности, и стадность, и отсутствие честного нравственного осмысления жизни, и проникновение коммерции, и многое другое — это общественные проблемы, пересаженные на церковную почву. Именно по этой общественной, не церковной причине нет у нас сегодня общин: они просто никому не нужны, ибо стадность парадоксальным образом атомизирует человека, и он не в состоянии нравственно обращать свое сердце на ближних.

Итак, христианин видит очевидный разрыв между учением Евангелия и повседневным существованием большинства клира и мирян; почти нет примеров подлинной христианской жизни — по причине того, что наш церковный организм состоит сегодня преимущественно из людей, живущих по «второй экклезиологии». В этих условиях некоторые люди разочаровываются и уходят из Церкви. Но, к счастью, многих воодушевляет на переосмысление неофитских и идеологических взглядов, которые они ассоциировали с Церковью, но которые ею совершенно не являются, образ владыки Антония. В чем «соль» этого воодушевления?

Дело в том, что митрополит Антоний, со своим уважением к частной личности, предпочтением ее каким бы то ни было правильным «схемам», с точным и ясным чувством, что есть Церковь Христова, с главенством евангельской нравственности, очевидно противоречил «генеральной линии» сегодняшней жизни; вследствие этого он (как и любой человек, который не хочет жить в «казарме») был тем, что я, вслед за Иосифом Бродским, называю «частным лицом». Это совершенно не противоречило тому, что он занимал высокие и ответственные церковные должности; это внутреннее состояние свободы и богообщения.

Я считаю важным с некоторою подробностью пояснить, что именно это за «позиция частного лица», потому что в современной церковной и общественной ситуации я не вижу возможности вне ее сохраниться просто как порядочному человеку, так что она становится едва ли не непременным

и обязательным аспектом христианской жизни. Очевидно, что прежде чем погружаться в высокие церковные традиции аскетизма, исихазма и проч., необходимо состояться как личность. Собственно, позиция «частного лица» и есть необходимое условие для созревания христианской личности.

Позиция эта характеризуется следующим: во главу угла мы ставим наше личное богообщение и им определяем нашу церковную жизнь. В зависимости от внешней и внутренней ситуации каждого человека мера этой жизни, например принятия тех или иных сторон церковной идеологии, согласия с теми или иными отцами, может быть, разной. Главным остается четыре вещи: 1) Священное Писание — сверять свою жизнь по нему, а не по отцам или батюшкам, вещающим все, что им придет в голову; наоборот, отцов и батюшек сверять со Священным Писанием; 2) участие в Таинствах; 3) молитва; 4) понуждение себя на исполнение евангельских заповедей. Все это потребует от нас свободы, ответственности, привыкания к тому, чтобы думать своей головой. Плюс — образованность: необходимо по силам изучать догматику, церковную историю, литургику, чтобы точно знать, что к чему и откуда и почему в Православной Церкви. При этом мы неизбежно пойдем *против течения*, против той псевдоаскетической и идеологической стадности (лжесоборности) и примитивизма, которые наличествуют сегодня в нашей церковной жизни и заслоняют от нас Христа и Его подлинную Церковь. Позволю себе еще раз подчеркнуть, что в Церкви всё существует исключительно для того, чтобы человек обрел Христа и жил Им и с Ним, а через Него — и в единстве любви с другими людьми. Все: каноны, дисциплина, правила, богослужения — должны служить этому, поддерживать и укреплять жизнь во Христе. Если они этого не делают — грош им цена, они превращаются в никому не нужную шелуху. Принцип существования «частного лица» — искать в Церкви исключительно жизни во Христе; как прекрасно сказал мне когда-то Ф.Е. Василюк, — *выводить свою жизнь с Богом из-под всякой рутинь*.

Это вовсе не требует, так сказать, выхождения за церковные рамки, а значит то, что мы пользуемся всем, что предлагает нам Церковь, *индивидуально*, сообразно с нашей только что определенной целью и нашим устроением, обстоятель-

ствами и проч. На практике это значит ровно то, о чем говорил прп. Серафим Саровский. Способствует, например, нашему богообщению пост – постимся. Не помогает – определяем такую его *свою* меру, чтобы наше христианство не превращалось в религию Еды. Нас раздражает соприкосновение с церковной средой – сводим его к минимуму. Наводит тоску понуждение себя к учащению посещения храма – определим себе такую, опять же, свою меру, чтобы тоски не было, а была радость. И так далее. Возразят: но так человек совсем распустится. Отвечаю: если он ищет Христа, то не распустится, а именно *найдет свою меру*.

Очень важно и то, что если такие церковные «частные лица» будут общаться друг с другом, дружить, поддерживать, помогать друг другу, тогда возникнет *настоящая община*. Ценность ее будет в том, что она, во-первых, будет зиждиться на прочном основании – Живом Христе, а во-вторых, никак не будет противопоставлять себя церковному организму, какой он есть сейчас. Она просто *будет*, не обязательно территориально локализованным образом; и самим фактом своего существования поможет решать те церковно-общественные проблемы, о которых я упоминал выше.

Позиция «частного лица» совершенно исключает какое бы то ни было непослушание священноначалию, непочтительное отношение к пастырям, презорливое отношение к церковным чинам и тому подобное. Тем более она не нуждается ни в каких реформациях и революциях. Смысл ее – сугубо личное евангельское осмысление своей жизни с Богом и своего положения в Церкви в свете современного положения вещей, а не заявление своего превосходства, или общественного протеста, или что-нибудь в этом роде.

Правильность или неправильность этой позиции проверяется по наличию или отсутствию неосуждения. Позиция «частного лица» отличается именно тем, что осмысление жизни прилагается лично и исключительно к нашему лицу, но вовсе не к другому человеку. Если, приходя к тем или иным выводам для себя, мы думаем: «все остальные – обрядоверы, фарисеи и проч.», то мы – не на правильном пути. Осуждая кого бы то ни было, мы не можем пребывать в общении со Христом, Который Сам не осуждает никого в этой жизни и нам велит ни в коем случае не делать этого. Лишь

любя других людей, невзирая ни на что, мы уподобляемся Богу и соединяемся с Ним. А богообщение и есть критерий всего, без него не может быть церковной жизни в подлинном смысле этого слова.

* * *

Итак, в заключение – что главное видится мне в образе и наследии митрополита Суражского Антония? Именно то, что (особенно в наших условиях тотальной «невзрелости», когда человеку и социумом, и наличной церковностью внушается страх быть самим собою) от него можно научиться благородной христианской «частности», и еще то, как эта «частность» плодоносит и оборачивается подлинной церковностью, то есть зрелостью и самооценностью личности, с одной стороны, и открытостью к общинности – с другой. Сегодня очевидно, что христианство (и подлинная христианская культура) никогда больше не будет иметь того общественного влияния, которое оно имело в истории; оно уже стало достоянием исключительно частных лиц. В дальнейшем эта «частность» будет все больше увеличиваться, а общественная среда становится по отношению к ней все более и более чуждой. Поэтому я уверен, что будущее – именно за той церковностью, образец которой являл владыка Антоний.

Благодарю за внимание.

А.И. ШМАИНА-ВЕЛИКАНОВА

Хесед: о повседневной святости в учении митрополита Антония

На протяжении долгой проповеди Евангелия жизнью, словом, мыслью владыка постоянно обращался к теме святости. В своих проповедях он делал попытки по-разному определить святость, описывая ее отличительные признаки в узком понимании слова: не святости Бога, не Евангелия, а более широко — святости святых. Я позволю себе напомнить эти определения.

Так в проповеди, посвященной всем святым, в земле Российской просиявшим, в 1967 году в Лондонском приходе владыка назвал три характерные черты русской святости:

- первое — бесконечное терпение;
- второе — максимальная приближенность ко Христу в Его униженности, любовь именно к поруганному образу Христа;
- третье — предельная самоотдача в любви, способность никого не отвергать.

Спустя ровно двадцать лет владыка снова произнес в Лондонском приходе проповедь в день Всех святых, в земле Российской просиявших, и снова говорил о характерных особенностях русской святости, о том, что *именно русские* святые могут внести в симфонию мира, которую в конечном итоге будут петь все перед лицом Божиим:

- первое — это захваченность красотой;
- второе — максимализм, сознание, что все должно быть абсолютно, и, как следствие этого, беспощадность аскетического подвига, решимость до конца бороться за то, чтобы быть достойным себя самого;
- третье — бесконечное сострадание ко всякому человеку: «ведь преступников у нас в России называли *несчастными* не потому, что они наказаны, а потому, что они себя изуродовали».

Легко заметить, что из этих шести признаков повторяется только один, и можно сделать радостный для наших

сердец, но, может быть, и поспешный вывод о том, что, по мнению владыки, безмерное сострадание, безумная, то есть необоснованная, сострадательная любовь ко всякому человеку — это наиболее характерная черта именно русской святости. Однако владыка очень много говорил о святости именно в России, в чем убеждаешься, читая сборник проповедей, произнесенных в России. За пять лет до той проповеди, которую я только что процитировала, он произнес в Москве, в храме Петра и Павла, что в Лефортове, в день памяти Трех святителей проповедь, в которой не только назвал три наиболее характерные черты святости великих каппадокийцев, но и предложил нам следовать им в трех направлениях:

- первое — в верности Церкви;
- второе — в исповедании Евангелия в его полноте и чистоте;
- третье — исповедание это воплотить во всю нашу жизнь жертвенной любовью, «тем, что мы себя можем забыть до конца ради блага, спасения, ради утешения нашего ближнего, кто бы он ни был, свой или чужой, друг или враг».

Итак, выясняется, что, по мнению владыки, безмерная жертвенная любовь — единственная постоянная всякой святости, а отнюдь не только русской. Все остальное важно, но может меняться и в зависимости от культур, народов, стран, эпох, и в зависимости от того, о чем в данный момент владыке кажется наиболее необходимым сказать. Один раз он подчеркивает хорошо нам всем известную черту русской святости, русской жизни, воспетую Некрасовым:

Что же ты стала над ним в отупении,
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать.

В другой раз считает нужным сказать о том, что отмечалось в применении к русской святости многократно (Флоренским, Достоевским, символистами): об особой сосредоточенности на красоте духовной жизни. В третьем случае владыка напоминает о том, что христианин не бывает святым в одиночку, что верность Православной Церкви — не формальный признак святого, это его жизнь, он живет в общении святых. Но и в этих трех случаях, и во множестве дру-

гих, когда владыка пользуется этим словом, он говорит о безмерной сострадательной любви как о главном, необходимом, безусловном признаке святости.

Владыка здесь оригинален только в настойчивости. Разумеется, не найдешь в святцах, в Патерике или в Четьих-Минях Дмитрия Ростовского святого, которого отличало бы равнодушие к людям. У этой значительной настойчивости есть корни. Может быть, ее нельзя назвать традиционной для монашества, но она, бесспорно, укоренена в Священном Писании. Говоря о средоточии святости, владыка добавляет к слову *любовь* иногда даже не один, а вереницу эпитетов. Она у него *сострадательная, милующая, жертвенная, ко всякому человеку, ко всякой твари, забывающая себя до конца, безумная, просторная, неколеблущаяся, безответная, крестная* и, разумеется, *Христовая*. Это естественно, потому что, как об этом часто напоминал владыка, любовь — понятие слишком широкое. Любить можно Бога, настоять на своем, ближнего, клубнику со сливками, Родину, самого себя и так далее. Однако в Ветхом Завете есть слово даже не однокоренное со словом *любовь*, описывающее специально, исключительно только такую любовь, поэтому там даже не нужно эпитетов. Это слово — *хесед*, производное от него — *хасид*; в Септуагинте *хасид* передается как *осиос* — *святой*, по-славянски как *преподобный, идущий следом*.

Понятие *хесед* появляется в Ветхом Завете в нескольких контекстах. Во-первых, как отношение Бога к человеку. Иногда это переводится как «верен Бог», иногда как «Бог милостив». Эти различия появляются только в переводах. На языке оригинала существует единое отношение Бога к человеку, подразумевающее и верность, не зависящую от неверности человека, и милость, не связанную с неблагодарностью человека, и то непостижимое для человеческого сознания обстоятельство, что Бог изливает дождь одинаково на добрых и на злых. Во-вторых, это отношение человека к Богу. *Хасид* Бога в Ветхом Завете — это тот, кто остается Ему верен наперекор всем обстоятельствам, склоняющим его к измене Богу. Таков Иосиф в Египте, Давид в бездне своего отчаяния, три отрока в печи и, разумеется, все пророки в окружении родных властей и общества.

И наконец, таково отношение человека к человеку. В этом контексте слово *хесед* встречается редко и обозначает

исключительное отношение человека к человеку. *Хесед* проявляет Ионафан по отношению к Давиду. Еврейские мудрецы первых веков христианства назвали отношение Ионафана к Давиду любовью, не зависящей от обстоятельств. «Почему у одних людей любовь проходит, а у других нет? Причина не в нраве человека, а в том, что бывает два вида любви — одна зависящая от обстоятельств, а другая не зависящая. Зависящая от чего-либо — это, например, страсть Амнона к Фамари: страсть была утолена и прошла. А не зависящая ни от чего — это любовь Ионафана к Давиду. Такая любовь никогда не проходит» (Перке Авот, 5:2). Однако дело не только в верности, не только в том, что отношение Ионафана к Давиду не меняется. Для понимания мысли владыки важнее, может быть, другое: что Давид Ионафану вреден, опасен, он приходит, чтобы отнять законное наследство у него и его потомков, и вопреки всему он любит его, как свою душу. Именно эту странность Библия называет *хеседом*, а владыка — сердцевинной святости. Таково отношение самого Давида к Саулу. Мы все помним, что Давид прячется с несколькими верными ему людьми от Саула, преследующего его во главе отборного войска. Давиду представляется уникальная возможность убить Саула и занять его место. Вместо этого он обращается к нему со словами любви и просьбой о примирении. И как раз Саулу принадлежит в Ветхом Завете честь сформулировать особое свойство *хесед*. Осознав, что сделал для него Давид, он говорит: я воздавал тебе злом, а ты воздал мне добром, в оригинале: *хеседом*. И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство будет твердо в руке твоей, и я прошу тебя о том, чтобы твои потомки не истребили моих.

Что здесь происходит? Саул констатирует, что Давид поступил так, как человек не может. Кто бы, найдя своего врага безоружным, говорит он, отпустил его в добрый путь? Этого Бог не требует от человека, но Он так поступает Сам. Именно поняв это качество — божественность поступков Давида — Саул пророчесствует о том, что царство его будет прочно, что династия Давида не прервется. Это открытие, но, кажется, для него не требуется особых усилий. О том, что Святой Дух почиет на Давиде, мы знаем и так. Он псаломщик, арфа Святого Духа. Однако Ветхий Завет показы-

вает нам пример человека, который не говорит почти ничего и не облечен никакой властью над себе подобными и тем не менее проявляет *хесед* в максимальной степени: это Руфь. Ее поведение характеризует как *хесед* дважды Вооз и в заключительной главе хор всего народа. Руфь, которая принесла в жертву любви к бывшей свекрови свою страну, религию, родной дом, доброе имя и, наконец, единственного сына (Ноемиль усыновляет Овида), представляет собой идеальный пример *хесед*а, образец для подражания и родоначальницу династии Давида. А когда об этом вспоминает владыка, он подчеркивает важность присутствия Руфи, носительницы этого особого свойства — Божественной любви в генеалогии Христа.

Однако здесь возникает противоречие. И приведенные примеры из Ветхого Завета, и история святости, и личный опыт, боюсь, свидетельствуют о том, что *хесед*, до конца самоотверженная любовь, встречается крайне редко. В полной мере она была осуществлена один раз: *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного*. Между тем владыка, в чем легко убедиться хотя бы только из чтения проповедей, сказанных в России, настойчиво, говорит ли он о Стефане Сурожском, Петре Московском или о нас с вами, призывает следовать этому невозможному примеру. Дело святых, говорит он, не сделано, если мы с ними не сотрудничаем. А сотрудничать с ними мы должны вот в этом: в той любви, которая в наличной природе человека не содержится. Ее присутствие в человеке доказывает, что он стал общником Божественной природы. Это противоречие, как мне кажется, не создано владыкой искусственно, оно заложено в самом понятии и в реальном явлении *святого человека*.

В Ветхом Завете, как о том говорили уже древние комментаторы, святость означает отделенность, абсолютную инаковость по отношению к миру. Святость — не внешняя характеристика Бога, а Его суть; единственное, что человек о Нем может сказать с уверенностью: Свят, то есть совершенно иной, непостижимый. Как говорит блаженный Августин, если Ты постижим, Ты не Он. Это общеизвестно. Не менее известно и то, что на языке Нового Завета и апостольского века *святые* — это христиане. Святые, нищие, ученики — это просто свои, мы: те, кто действует в Новом

Завете, те, кому адресованы Послания, а не только те, кто их пишет. Именно здесь и возникает противоречие. В Ветхом Завете его не было, потому что Божественная святость осеяла человека с наглядной неотмирностью в акте помазания Святым Духом на пророчество, священство или царство или качественная в нем как исключительное проявление исключительной личности, *хесед*. В Новом Завете, не теряя своей Божественности, инобытийности, она становится непременной характеристикой христианина. Выражение «святые Милита» звучит как «ученики 5 А класса», то есть это не отличительное, а родовое обозначение.

В течение долгого периода в истории Церкви острота этого противоречия не ощущалась. Разумеется, в Церкви всегда есть святые. Однако самим церковным народом они ощущаются как редкость, как драгоценные камни посреди нашей мостовой, как ярко горящие, отовсюду видные светильники в темноте нашей жизни. А владыка подхватывает нить, тянущуюся из Евангелия, и с апостольской непринужденностью обращает к нам требование не подвига благочестия, не каритативной деятельности, а собственно Божественной святости — крестной любви и только это и считает нормой — нормой Царства. Послушаем: «Царство Божие — это Царство такой любви, что можно забыть и о своем клочке земли, и о своем труде, и о своем творчестве, и о своем значении, — все можно забыть, потому что кому-то нужна любовь и кому-то понадобился я».

Я не уверена, что могу разрешить это уничтожающее противоречие, но мне хотелось бы, чтобы мы все вместе о нем подумали и попытались понять, как его разрешает сам владыка. На одной из бесед, происходившей в семидесятые годы в московской квартире, ему был поставлен вопрос (теперь я могу сказать, что этот вопрос задал мой отец, отец Илья Шмаин): исполнимы ли, и если да, то каким образом, в нашей повседневной жизни в Москве 70-х годов требования к человеку, сформулированные в святоотеческом, прежде всего аскетическом, наследии: в «Лестнице», «Добротолубии», в «Древнем патерике»? Владыка начал отвечать тихо, задумчиво, даже, пожалуй, неуверенно: «Не знаю... Мне трудно об этом судить... Я живу в других условиях... Не знаю, исполнимы ли...» — и вдруг подался вперед и закончил так,

что, думаю, никого не осталось в той комнате, кто не поверил бы ему в тот миг безусловно: «Но ВСЕ Евангелие РАДИКАЛЬНО исполнимо в нашей жизни». Это означает, в частности, что если мы условимся — а это, я думаю, самое простое определение святости: что святость есть максимальное исполнение Евангелия в рамках собственной жизни, — что формы святости могут быть бесконечно разнообразны и зачастую не опознаваемы привычным способом. Аскет не может быть многочаден, а святая жена не может практиковать половое воздержание. Однако и тот, и другая могут воплотить в своей жизни все Евангелие. Владыка напоминает нам о том, что мы склонны смешивать культурные привычки с критериями святости. Мне неоднократно приходилось встречать людей, которые лично знали преподобномученицу Марию (Скобцову), но им удалось не заметить ее святости не только при жизни (при жизни святой часто незаметен), но и тридцать лет спустя стяжания ею мученического венца, потому что она курила. Нам с вами, я думаю, показалось бы не менее странным, что у патриарха Иакова было четыре жены. Мы не ставим под вопрос его святость только потому, что это было очень давно. Итак, первое, что, на мой взгляд, вытекает из этого утверждения владыки, это бесконечное разнообразие форм святости, как бесконечно разнообразно воплощение Евангелия, не обусловленное ничем: ни эпохой, ни культурой, ни языком.

Второе следствие этой мысли — это безусловность святости нашими информационными возможностями. В день новомучеников и исповедников Российских за два года до смерти владыка сказал, вспоминая тысячи и тысячи погибших: «Имена их неизвестны. Мы не знаем даже, были ли они верующими в том героическом смысле, в каком новомученики указывают нам путь. Но мы можем о них думать, что они по любви к Родине, по любви к родным, по любви к правде отдали свою жизнь. И это Господь наш принимает как жертву веры — веры в человека, в которого Он так поверил, что Своего Сына отдал на смерть ради его спасения». Это высказывание мне представляется необычайно глубоким, но самое очевидное, что в нем звучит, — утверждение, что имена множества святых нам неизвестны. Количество уже прославленных новомучеников и исповедников Российских ог-

ромно, оно приблизительно равно числу всех мучеников первых веков христианства. И тем не менее владыка говорит, что их еще гораздо больше, что они просто неисчислимы. Эмпирически это несомненно. Об этом, как самый известный пример, говорят нам Бутовские захоронения, но все мы хорошо знаем, что каждый день при постройке нового газопровода, банка или просто на пустыре находят большие или малые братские могилы безымянных мучеников Российских. Богу не нужны анкетные данные, Он знает избранных Своих.

Однако это высказывание владыки выражает не только его веру в то, что Бог знает Своих безымянных мучеников во всем их числе, но и ту особенность антропологического учения владыки, которая разрешает противоречие между уникальностью Божественной святости и требованием к любому христианину, чтобы он любил каждого человека так, как его любит Бог.

Владыка перечисляет три вида любви, которые Бог принял как жертву веры, то есть приравнял к смерти за веру: любовь в Родине, любовь к родным и любовь к правде. Эти три принципиально не сводимые друг к другу понятия, в сущности, покрывают все поле возможностей человеческой любви (тем более что к ним добавляется и четвертая: любовь к Богу, собственно, жертва веры). Не вижу возможности, да и надобности хоть как-то определять, что такое Родина, родные и правда. Достаточно сказать, что Родина — это образ всякой большой конкретной сущности (Церковь, культура, армия), родные — малой конкретной сущности (друг, возлюбленная, ближний), а правда — всякой абстрактной сущности. Отвечая Лысенко, академик Вавилов сказал: «Наследственные неизменяемые признаки существуют. Это истина, и за эту истину я готов отдать жизнь». Владыка причисляет его к жертвам веры, поскольку то, что гены существуют, это правда, и он умер за эту правду. Конечно, возможны сложные пересечения описанных владыкой вариантов. Мне, например, известен подвиг человека, несмотря на невообразимые попытки отказавшегося дать показания на своего начальника-коммуниста, которого этот тихий жовиальный еврей терпеть не мог. Он пострадал тем самым не за правду в ее абстрактном выражении, не за родных, посколь-

ку его начальник был ему чужой, не за Родину, поскольку в его понимании этот начальник причинял Родине только вред, и не за веру, — ведь насколько мне известно, он жил и умер атеистом. Однако, я полагаю, можно сказать, что он пострадал за Христа и проявил именно ту черту святости, о которой так настойчиво говорит владыка — *hesed*: полностью самоотверженную, милующую любовь к человеку, который был ему неприятен и чужд.

Итак, я хочу сказать только одно: мне представляется, что владыка учит нас, что святость в природе человека. Аскетический подвиг возможен только через преодоление своей самости, бескомпромиссная верность учению Церкви — только через научение и знание. Захваченность всего существа человека красотой духовной жизни — дар, который дается не всем, хотя также может быть результатом усилия или научения. Однако семя любви к чему-нибудь: к своему делу, к своей стране или хоть к своей семье — живет в душе каждого человека. И таким образом выясняется, что труднейшая составляющая святости, ее Божественная сущность, причастность жертве Христа может быть возвращена Божией помощью и нашим усилием из этого семени в каждом и преобразить его в *новую тварь*. Поэтому владыка так широко распахнул перед нами всеми двери Царства Божия, как открывал каждому, кто постучал, двери храма, где служил сторожем. Ведь если каждый человек содержит в себе источник бесконечной любви, то и каждый может войти в Царство уже сейчас и здесь, потому что увидит на лице другого сияние вечной жизни.

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Альтернатива

(Трудовой договор
или крепостная зависимость)

Горькие плоды симфонии

Крепостное право в России отменили в 1861 г. В то же время в Соединенных Штатах отменили рабство. Обе системы пренебрегали личностью. Государство не приняло ответственность за человеческое достоинство личности. Раба и крепостного лишили прав, обратили в имущество, которое хозяин употреблял как хотел. Человек отдан в собственность крепостнику. Насилие над телом отнимает честь, насилие над совестью растлевает личность, сводит существование человека к животным инстинктам. Закон не защищал крепостных, ибо закон защищает права. Если человек лишен прав, защищать нечего. Власть над человеком должна быть ограничена правом. В основе эксплуатации лежала правовая незащищенность. Не защитив труд раба, закон отнимал у него жизнь, честь и достоинство.

Как не удивляться атавизму крепостного права в XXI веке, восстановленного в России согласно и вопреки ее законам? В епархиях РПЦ узаконена система крепостной зависимости священника от епархиального епископа. Гражданские права священнослужителей ограничены нормативными документами, в первую очередь Уставом РПЦ от 16.08.2000.

Министерство юстиции зарегистрировало этот документ, признав его соответствующим законодательству РФ. Крепостная зависимость восстановлена в России на закон-

ном основании. Десятки тысяч российских граждан, представляющих сословие священнослужителей, ограничены в правах на основании нормативных документов РПЦ, признанных и одобренных Российской Федерацией. И все молчат. Ни один голос не оспаривает рабовладение, узаконенное в правовом государстве.

Аристотель полагал, что рабство отвечает природе вещей. Раб отличается от гражданина физиологически: осанкой и внешним видом. Естественным, как рыбе вода, крепостное право казалось Коробочке, Ноздрёву, Чичикову...

Как уживается рабство в России, где *«человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»* (Конституция РФ. Ст. 2)?

«Умом Россию не понять...»

Как возможно рабство в Церкви, где воплощение Слова возвеличило человека и вознесло к Престолу Святой Троицы? Взамен «союза любви», связующего Церковь и претворяющего в Тело Христово, Устав РПЦ закрепостил «тех, которые от Бога родились, и получили власть быть детьми Божиими» (Ин. 1, 12–13). Как законодательство РФ смотрит на крепостное право? Ответам на заданные вопросы посвящена предлагаемая статья. Пусть судит читатель.

1. Право на труд и отдых

Трудовой договор (его аналог – служебный контракт для госслужащих) положен в основу законодательства РФ о трудовых отношениях. Этот документ определяет права и обязанности обеих сторон, условия, необходимые для осуществления и защиты прав, в том числе судебной. Трудовые отношения, которые осуществляются без трудового договора, остаются вне закона. «Трудовые отношения возникают... на основании трудового договора» (ТК РФ. Ст. 16). «Запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора. Работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме. Отказ может быть обжалован в судебном порядке» (ТК РФ. Ст. 64).

РПЦ запрещает заключать трудовой договор со священниками, оставляя их богослужебную деятельность вне закона:

«В учреждениях РПЦ трудовые договоры со священнослужителями не заключаются» (Письмо Управления делами МП 11.03.1998. № 1086). Это распоряжение отвергает законодательную основу РФ о труде и подтверждает общеизвестный факт: трудовой договор со священнослужителями не заключают ни епископ, ни община храма. Права человека и гражданина, записанные в Конституции РФ и защищенные Трудовым кодексом, Устав РПЦ заменил крепостной зависимостью. Он рассматривает труд священника как исключительную форму трудовой деятельности, которая «выпала» из общегражданского трудового права и лишена защиты законов о труде. Священники являются единственным сословием российских граждан, которому отказано в защите закона.

Дискриминация пронизывает служение и судьбу священника: поступление на службу, перевод с одного прихода на другой, свободу передвижения и ежегодный отпуск, увольнение за штат, запрещение в священнослужении, трудовые споры и невозможность обжалования архиерейского произвола.

Принятие на службу. Поступление на службу закон называется «заключением трудового договора» и подробно рассматривает его условия в гл. 11 ТК РФ. «Трудовой договор заключается в письменной форме. Трудовой договор, не оформленный надлежащим образом, считается заключенным, если работник приступил к работе с ведома работодателя. При фактическом допущении работника к работе работодатель обязан оформить с ним трудовой договор в письменной форме не позднее трех дней со дня фактического допущения к работе» (ТК РФ. Ст. 67). Если трудовой договор не заключен, законы о труде не распространяются на работника и не защищают его права.

Священника принимают в епархию, согласно прошению на имя Правящего архиерея, который Указом определяет ему место служения (Устав РПЦ. Раздел 10: 11, 12, 13; 18-к; Раздел 11: 18, 23, 25, 26). Договор не оформляется. Вместо договора священник приносит епископу присягу в безоговорочном повиновении. Текст присяги применяется для служебного пользования: не выдается на руки, не публикуется (Устав РПЦ. Гл. 11. Ст. 24-ж). Присяга является формой отре-

чения от прав человека и гражданина. Присяга оказывается односторонним актом, не оставляющим священнику прав. Она возлагает на него только обязанности. Права принадлежат епископу. Если он не примет священника, отказ не фиксируется и не мотивируется, вопреки ТК РФ, ст. 64.

Перемещение и увольнение осуществляет Правящий архиерей, вынося Указ. Епископ не мотивирует перевод и увольнение, руководствуясь «церковной целесообразностью», то есть собственным произволением (Устав РПЦ. Раздел 11, 25). Его санкция не контролируется и не обжалуется. Епископ не несет ответственности за злоупотребления: ни канонической, ни юридической, ни моральной.

Интересы священника не учитываются при перемещении. Из областного центра священника переводят в деревню: переезд меняет место и условия проживания семьи, школу для детей, размер оплаты и проч. Перемещаемый несет все издержки перемен.

Не учитываются интересы Церкви. Образованные священники, занимающиеся богословием, творениями святых отцов и проповедью, назначаются в «медвежьи углы», где проповедовать некому.

Трудовой кодекс приводит перечень оснований для законного увольнения и возлагает на работодателя ответственность за необоснованное увольнение работника (ТК РФ. Ст. 81). Епископ не принимает во внимание Трудовой кодекс.

Священник не может уволиться по собственному желанию и перейти в другую епархию (Устав РПЦ. Гл. 11. Ст. 30). Господин давал рабу «вольную». Беглого раба ловили и возвращали хозяину его собственность. Принять беглого раба значило украсть чужое имущество. Архиерей не примет священника без увольнительной грамоты. Священнику не дано право решать свою судьбу. Присяга связывает его совесть и свободу. Архиерей может преследовать и прессовать священника, удерживая в епархии под страхом пожизненного запрета на профессию. (В нарушение ТК РФ. Ст. 80). Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Ограничение права на отпуск. Священник лишен права на отпуск: *«Настоятель может получить отпуск... исключительно по разрешению епархиальной власти»* (Устав РПЦ. Раздел 11, 21). Епископ может годами лишать священника отпуска. Обоснования не требуются. Священник сам откажется от отпуска, если возвращение на прежнее место не гарантировано. Пока отдыхает, его место займет другой. *«Работникам предоставляются ежегодные отпуска с сохранением должности и среднего заработка»* (ТК РФ. Ст. 114).

Ограничение свободы передвижения. Устав ограничивает свободу передвижения священника за пределы прихода разрешением епископа: *«Настоятель может... на время оставить свой приход исключительно по разрешению епархиальной власти»; «Члены причта не могут покидать приход без разрешения церковной власти»* (Устав РПЦ. 11. Ст. 21, 28). Выезд священника за пределы города или деревни, в которой находится его храм, без разрешения епископа считается нарушением церковной дисциплины и карается. Исключений Устав не предусмотрел: болезнь, смерть близких, замужество дочери, рождение внуков (Устав РПЦ. Гл. 11. Ст. 21 и 28). Этот жестокий запрет препятствует творческому общению, семейной жизни, частным встречам и проч. Ограничение передвижений гражданина в пределах РФ и за ее пределами нарушает Конституцию РФ, ст. 27, 1–2.

Волчий билет. Устав РПЦ позволяет епископу без вины и без суда наложить временный запрет на профессиональную деятельность священника. Временный запрет не ограничен сроком и становится пожизненным. *«Взыскания епархиального архиерея клирикам включают выговор, отстранение от занимаемой должности, временное (?) запрещение в священнослужении»* (Устав РПЦ. Гл. 10. Ст. 19-а). Обжалование невозможно. Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью является уголовным наказанием и назначается приговором суда на определенный срок (УК РФ. Раздел 3. Ст. 43, 47).

Выход за штат. Устав РПЦ лишает клириков социальных гарантий, сбросив с церковных плеч это бремя. Ценностью

обладает социальная функция. Человек ценен, если он епископ, и бесценен, если он клирик.

Социальным гарантиям епископов посвящены три статьи в гл. 10 Устава РПЦ.

Ст. 24 «предоставляет право» на многократный отпуск в течение года без разрешения и по разрешению высшей церковной власти.

Ст. 25 «назначает архиерейскую пенсию» в дополнение к государственной.

Ст. 26 оговаривает время и условия ухода епископа на покой.

Про социальную защиту клириков Устав РПЦ забыл: не упоминает о болезни, инвалидности и заштатной судьбе стариков. Время ухода заштат определяет епископ: не можешь нести нагрузку наравне с молодым — уходи. Равнодушные к старикам доходят до жестокости. Налагая непосильную нагрузку, епископ вынуждает уйти заштат. Заштатному клирику Устав не уделяет ни слова. Право священнодействовать и причащаться в алтаре не гарантировано. «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Утрачен святоотеческий принцип: «Не малый грех для нас лишать епископства, кто благочестиво и непорочно приносили дары. Блаженны пресвитеры, которые ранее прошли свой путь. Ибо им нечего бояться, что они будут удалены от назначенного им места» (св. Климент Римский. 1 Посл. к Коринф. XLIV, 4–5).

Увы, святитель Климент! Нас лишают сана за то, что мы состарились.

Апофеоз бесправия. Устав РПЦ запрещает... «клирикам и мирянам *обращаться в органы государственной власти и в гражданский суд*» (Устав РПЦ, 1, 9). Этот запрет является юридически ничтожным, поскольку противоречит Конституции, Трудовому кодексу РФ и Гражданскому процессуальному кодексу.

«Никто не может быть лишен его права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» (Конституция РФ. Ст. 47).

«Индивидуальные трудовые споры, не урегулированные самостоятельно работником и религиозной организацией

как работодателем, рассматриваются в судебном порядке» (ТК РФ. Ст. 348).

«Отказ от права на обращение в суд недействителен» (ГПК. Ст. 3).

Последствия бесправия трагичны. Священство является не только профессией. Это образ жизни и мысли, надежды и веры. Потеряв его, одни священники заболевают, другие умирают, третьи накладывают на себя руки от безвыходности, тоски и одиночества. Примеров много. Они замалчиваются и не расследуются.

Бесправие приходской общины. Почему молчит церковная община? Может, она защитит священника? Устав РПЦ называет «Приходское собрание, возглавляемое настоятелем, высшим органом управления прихода» (Устав РПЦ, 11, 34). Приходское собрание и Приходской совет, согласно Уставу РПЦ, имеют обязанности, но лишены прав. Прихожане все вместе и по отдельности бесправны, как их священник. Устав РПЦ не употребляет слово «право» по отношению к клирикам и мирянам.

Архиерей может разогнать Приходское собрание: «...состав Приходского собрания по решению епархиального архиерея может быть изменен частично либо полностью» (Устав. Гл. 11, 35).

Архиерей может разогнать Приходской совет: «Члены Приходского совета могут быть выведены из состава... распоряжением епархиального архиерея» (Устав. Гл. 11, 47). Приходская община не заключает со священником трудовой договор.

Они разделены и поставлены в одинаковую зависимость от архиерейской милости. При таком положении приходской общины право юридического лица лишилось практического смысла.

Нарушив трудовое законодательство (ТК РФ. Гл. 11–13), Устав РПЦ узаконил ограничение гражданских прав. Где та болевая точка или слабое звено законов России, в котором Устав РПЦ нашел лазейку для дискриминации сословия священников?

Закон запрещает дискриминацию. Конституция РФ, ст. 18 и 19, гарантирует равные права всем гражданам. Трудовой кодекс не отделяет священников от граждан, пользующихся защитой закона. Равенство прав, запрещение дискриминации в сфере труда и защиту закона в судебном порядке гарантируют ст. 1–3 ТК РФ.

Устав РПЦ лишает священника защиты закона. 06.07.2007 возник судебный прецедент в Латвийской Республике. Протоиерей Иоанн Калныньш подал в гражданский суд иск против Православной Церкви Латвии о незаконном увольнении.

(Прецедент актуален для РФ. Законы Латвии и законы РФ соответствуют международным нормам и совпадают в принципах. ЛПЦ состоит в юрисдикции РПЦ. Ее Устав отличается от Устава РПЦ только нумерация статей.)

На запрос районного суда г. Риги митр. Рижский и Латвийский Александр (Кудряшов) высказал следующие возражения:

«1. Внутренние церковные споры не подлежат рассмотрению в государственных судах.»

2. Религиозные организации назначают и освобождают священнослужителей в соответствии с Уставом, а других работников принимают и освобождают в соответствии с трудовым законодательством.»

3. При назначении на должность трудовые отношения возникают с другими работниками, а со священником не возникают.

(13.09.2007; Гражданское дело № С27084707; № дело производства С–0847–07).

Такую позицию разделяет РПЦ. Рассмотрим возражения ответчика:

Первое возражение нарушает Конституцию РФ и юридически ничтожно. Выше мы рассмотрели эту претензию как апофеоз бесправия.

Второе возражение голословно. ТК подчеркивает равные права граждан и запрещает дискриминацию по сословному признаку. Ответчик Кудряшов не подтвердил свое мнение ссылкой на конкретный закон. Такого закона в ТК РФ нет. Глава 54 ТК РФ рассматривает «особенности регулирования труда работников религиозных организаций»:

1. Не установлено различие «священнослужителей» от «других работников». Все трудятся в общем правовом поле. Закон исключает дискриминацию.

2. «В трудовом договоре учитываются внутренние установления религиозной организации, которые не должны противоречить Конституции РФ, настоящему кодексу и иным федеральным законам» (ТК РФ. Ст. 343).

Ограничивая право священников на труд и отдых, Устав РПЦ нарушает законы РФ. Его установления не могут иметь законной силы (см. ТК РФ. Ст. 6).

Ответчик Кудряшов ссылается на ст. 4, п. 5 закона «О свободе совести и религиозных объединениях»: «Религиозное объединение... выбирает, назначает и заменяет свой персонал согласно своим собственным установлениям». Исполнение закона не требует нарушать гражданские права. Заменяя персонал, можно соблюдать права гражданина. Нарушая права гражданина, религиозная организация вступает в противоречие с законом, и ее решения теряют законную силу. Ст. 10 закона «О свободе совести и религиозных объединениях» обязывает Устав религиозной организации «отвечать требованиям гражданского законодательства РФ». «Свои собственные установления» должны быть законными.

Третье возражение не основано на законе: «Трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении трудовой функции за плату» (ТК РФ. Ст. 15).

«Трудовые отношения возникают... на основании трудового договора в результате... назначения на должность и... фактического допущения к работе, независимо от того, был ли договор оформлен надлежащим образом» (ТК РФ. Ст. 16).

Определенные законом признаки удостоверяют трудовые отношения, которые возникли с получением Указа и началом служения.

Трудовой кодекс РФ лишает оснований все аргументы Кудряшова.

Тем не менее суд поддержал противозаконное требование Устава. 13 сентября 2007 года районный суд г. Риги отказался рассматривать иск против Латвийской Православной Церкви о незаконном увольнении священника Яниса Калныньша на том основании, что «Церковь отделена от госу-

дарства, и внутрицерковные споры не подлежат рассмотрению в гражданском суде».

Конституционный термин «Церковь отделяется от государства» не получил однозначного определения в законодательстве и применен в произвольном истолковании. Советская власть применяла его для ограничения прав верующих граждан и приходской общины. Латвийский суд придает термину смысл «государства в государстве». Церковь понимается как изолированное общество, живущее по своим внутренним законам. Граждане, входящие в Церковь, изолированы от гражданской жизни, не защищены законом и отданы во власть церковной бюрократии.

Такого широкого значения термин не имеет. Он означает, что церковная структура не является государственной организацией и не вмешивается в его политическую жизнь. Поражение граждан в правах из этого термина не следует.

«Слабое звено»

Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» определяет «Трудовые отношения в религиозных организациях» статьей 24, пп. 1–4.

Эта статья является тем «слабым звеном» законодательства РФ, которое закладывает фундамент дискриминации и позволяет Уставу РПЦ организовать крепостнические отношения в Церкви.

1. «Религиозные организации в соответствии со своими уставами вправе заключать трудовые договоры с работниками».

* Из безусловного принципа трудовых отношений (согласно ТК РФ, ст. 16 и 21) трудовой договор становится условностью, которой религиозная организация «вправе» пренебречь.

Одно слово «вправе» позволяет:

во-первых, разделить работников на две категории:

а) защищенных законом работников и б) бесправных священнослужителей;

во-вторых, ограничить трудовые права работника не деловыми качествами, а сословным положением. Многотысячное сословие священнослужителей РПЦ дискриминировано своим «должностным положением» вопреки ТК РФ, ст. 3.

2. «Условия труда и его оплата устанавливаются в соответствии с законодательством РФ трудовым договором между религиозной организацией (работодателем) и работником». А если работодатель не хочет заключать договор?

* Умолчав о защите труда работающих без трудового договора, закон лишает их своей защиты и оставляет на произвол работодателя. Статья нарушает «основной принцип правового регулирования трудовых отношений: обеспечить право каждого на защиту государством его трудовых прав и свобод, в том числе в судебном порядке» (ТК РФ. Ст. 2).

3. «На граждан, работающих в религиозных организациях по трудовым договорам, распространяется законодательство РФ о труде».

Напрашивается вывод, что на граждан, работающих без трудового договора, законодательство РФ о труде не распространяется?

* Третий пункт 24-й статьи вбивает последний гвоздь в крышку гроба и хоронит права священнослужителей. Отказав в трудовом договоре, закон лишает их прав и защиты. Косвенная форма лишения прав маскирует дискриминационный смысл закона.

4. «Работники религиозных организаций, а также священнослужители подлежат социальному обеспечению, социальному страхованию и пенсионному обеспечению в соответствии с законодательством РФ».

* Наконец, отчетливо прозвучало различие на «священнослужителей» и «работников», закрепленное законом, чтобы не сомневались: дискриминация священнослужителей в сфере труда совершается на законном основании. Дискриминационный характер статьи 24 закона «О свободе совести» очевиден: она дает правовое основание не заключать трудовой договор со священнослужителями и ограничивает права гражданина РФ. На нее ссылается ответчик Кудряшов, на нее опирается Устав РПЦ, ограничивая право на труд и отдых для сословия священнослужителей.

Недействительный закон

Возникает вопрос о законности статьи 24 закона «О свободе совести и религиозных объединениях».

Ст. 24 противоречит Конституции РФ:

— «В РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина» (Конституция РФ. Ст. 55, 2, а также ст. 19 и 45).

— «Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам» (Конституция РФ. Ст. 76, 3).

Ст. 24 противоречит ТК РФ:

— «В случае противоречий между настоящим кодексом и иными федеральными законами, содержащими нормы трудового права, применяется настоящий кодекс» (ТК РФ. Ст. 3).

— «Работодатель принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, в пределах своей компетенции в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами. Локальные нормативные акты, ухудшающие положение работников по сравнению с трудовым законодательством, являются недействительными» (ТК РФ. Ст. 8).

Вступив в противоречие с Конституцией РФ и Трудовым кодексом, статья 24 не должна иметь законной силы. Но... имеет!!!

2. Церковный суд

«В РПЦ действует церковный суд в трех инстанциях» (Устав РПЦ. Гл. 1, 8). Этому учреждению посвящена гл. 7, 1–28 Устава РПЦ. В 2004 году опубликована процедура суда под названием «Временное положение о церковном судопроизводстве для епархиальных судов» (далее «Положение». — *Примеч. авт.*).

Незаконность церковного суда следует из текста Конституции РФ и 1-ФКЗ «О судебной системе РФ». Читаем: «*Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная система РФ устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается*» (Конституция РФ. Ст. 118, п. 2, 3).

Как законы государства относятся к самозванным судьям? Читаем:

«Судебная власть в РФ осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия. Правосудие в РФ осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов и судов, не предусмотренных настоящим Федеральным конституционным законом, не допускается» (1-ФКЗ «О судебной системе РФ». Ст. 1 и 4, п. 1).

«Церковь не выполняет функций органов государственной власти». «Религиозная организация действует на основании Устава, который... должен отвечать требованиям гражданского законодательства РФ».

«Религиозные организации действуют в соответствии со своими внутренними установлениями, если они не противоречат законодательству РФ».

«Государство уважает внутренние установления религиозных организаций, если указанные установления не противоречат законодательству РФ» (Федеральный закон 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях». Ст. 4, 2; 10, 1; 15, 1–2).

Некорректная позиция

Как РПЦ смотрит на требования государственных законов?

Устав РПЦ обязуется «осуществлять свою деятельность при уважении и соблюдении существующих в государстве законов» (Устав РПЦ. Гл. 1. Ст. 4).

РПЦ признает, что «правовой суверенитет на территории государства принадлежит его властям. Они и определяют юридический статус Поместной Церкви» («Основы социальной концепции РПЦ». 3, 5). Эти декларации не выполняются. Конституция РФ и закон 1-ФКЗ «О судебной системе» запрещают религиозному объединению учреждать суд. Устав РПЦ учреждает суд, нарушая прямой запрет закона. Должно ли государство закрывать глаза, если Устав нарушает Конституцию, федеральные законы и права граждан?

Добровольно вступая в религиозные и общественные организации, граждане не отказываются от своих граждан-

ских прав: «Отделение религиозных объединений от государства не влечёт за собой ограничений прав членов указанных объединений...» (О свободе совести и религиозных объединениях. Ст. 4, п. 6).

Устав РПЦ ставит гражданина в зависимость от епархиальной власти, не обеспечив гарантий от юридических и практических злоупотреблений. Учреждая церковный суд и запрещая выносить в гражданский суд «внутрицерковные споры», Устав претендует на правовое партнерство с РФ, выводит свое правовое пространство из пределов правового поля государства и ставит РПЦ вне закона. Зачем РПЦ возводит в норму нарушение государственных законов и почему РФ позволяет ей нарушать законы? Чтобы снять противоречие, нужно либо изменить законодательство РФ, либо привести Устав РПЦ в соответствие с законодательством.

Суд Линча, именуемый «церковным судом»

Церковный суд не может стать частью отечественной судебной системы.

В основе судебной системы правовых государств лежит независимость от исполнительной власти, гласность, состязательность и равноправие сторон, презумпция невиновности, личное участие обвиняемого в процессе, право на защиту и проч. «Положение» исключает эти принципы.

«Положение» строит судебную систему на принципах, чуждых канонам Вселенской Церкви. Церковный суд рассматривает дисциплинарные дела и решает человеческие судьбы без права на обжалование, но не обеспечивает основную задачу суда – правосудие. Это не судебный, а карательный орган исполнительной власти. Без весов и без повязки на глазах Фемида превращается в старуху с косой.

1. Двудликий Янус

Устав передает епархиальному епископу полноту исполнительной власти: «Архиереи пользуются всей полнотой иерархической власти» (Устав РПЦ, Гл. 10, 11). Власть епископа бесконтрольна. Ее ограничивает только Уголовный кодекс. Личных конфликтов с УК РФ епископ избегает. Никто не возражает против власти архиерея. Она отвечает канонической традиции.

Нарушение канонов возникает, когда единоличная власть не контролируется, практикует злоупотребления и не может быть обжалована. Устав РПЦ ставит священника в безусловную зависимость от епархиальной власти, не обеспечивая никаких гарантий от юридических и канонических злоупотреблений, принявших в последние годы массовый характер.

Злоупотребления епископов роняют нравственный авторитет Церкви.

Устав передает епархиальному епископу полноту судебной власти:

«Полнота судебной власти в епархии принадлежит епархиальному архиерею... епархиальный архиерей осуществляет судебную власть единолично» (Положение. Ст. 2, 1).

Нормы церковного права не могут иметь универсального значения. Они допускают взаимоисключающие толкования и дают повод к многочисленным церковным конфликтам последних лет в России и за ее пределами. Епископ применяет канонические нормы избирательно, не отвечает за нарушение Устава РПЦ, за унижение подчиненных и незаконные действия. Безнаказанность развращает владык и рабов.

Чтобы не потерять место, не лишиться семью хлеба и крыши над головой, клирик молча терпит от епископа незаслуженные обиды, унижение человеческого достоинства, грубость и оскорбления. Бесправное положение клирика нарушает Конституцию РФ о защите чести и достоинства гражданина (ст. 21).

Объединив две ветви власти в добросовестных руках, можно сохранить объективность и правосудие. К злоупотреблениям ведет недобросовестность, отсутствие соборного контроля над авторитарной властью и невозможность обжаловать злоупотребления.

2. Кассация невозможна

Законность процесса не проверяется кассационной инстанцией на предмет правосудности решения и на предмет законности процессуальных действий. Кассационные жалобы не имеют адреса, ибо кассационные инстанции, заявленные в Уставе РПЦ, фиктивны и в природе не существуют. Процедура кассационного производства не разработана и не опубликована.

ликована. Судьи юридически и канонически безграмотны (Вопреки Конституции. Ст. 119).

Из одной инстанции состоит только Страшный Суд.

3. Фальсификация судебного процесса

Соединение бесконтрольной исполнительной власти с бесконтрольной судебной властью в руках одного чиновника открывает путь к злоупотреблениям, которые выявляет практическая деятельность суда.

Отсутствуют документы, фиксирующие процесс. Согласно «Положению», этих документов три: «Вызов в суд», «Протокол судебного заседания» и «Решение суда». Обвиняемого в суд не приглашают. Взамен решения суд выдает ему незаконный документ, который в разных епархиях называется по-разному. В Псковской епархии суд выдает «Уведомление о решении».

В Рижской епархии суд выдает «Выписку из решения».

Оба документа подтверждают, что судебный процесс фальсифицирован. Уведомление и выписка даются о несуществующем решении не бывшего суда. Судебный процесс оказывается мошенничеством.

Поскольку суда не было, невозможно выдать решение, обязывающее суд:

- * установить факт церковного правонарушения;
- * установить факт правонарушения обвиняемым лицом;
- * дать каноническую оценку церковного правонарушения;
- * определить наличие вины обвиняемого в данном правонарушении;
- * указать смягчающие или отягчающие обстоятельства.

Не осуществив процесс, сложно дать грамотный ответ на эти вопросы.

«Выписка» дается в произвольной форме. Она перечисляет статьи, не установив событие преступления и вину осужденного, не сформулировав обвинение. Обжаловать ее невозможно. Этот незаконный документ окончательно решает судьбу священника и обжалованию не подлежит.

4. Жаловаться некому

* Устав РПЦ не предусмотрел право священника обжаловать злоупотребления административной и судебной власти.

* Высшая церковная власть не принимает жалобы священника, не рассматривает их и не отвечает на письма заявителя по существу жалобы.

* Устав РПЦ запрещает «обращаться в органы государственной власти и в гражданский суд» (Устав РПЦ. 1, 9).

* Церковный суд не защитит священника от епископа, если судьей является сам епископ в своем собственном деле. Решение не трудно угадать.

* Бесправная община не защитит священника, как мы рассмотрели выше.

* Священник лишен законных способов защиты своих прав. Закон не охраняет его права. Защищать и охранять нечего: права священнику не предоставлены. Судьбу священника решает не закон, а воля чиновника.

5. Кто отменит крепостное право в РФ?

Жили люди при крепостном праве, жили при рабстве. Не все крепостники были Салтычихами, не все рабовладельцы были подобны Лягги из «Хижины дяди Тома». Епископы тоже разные. Рабы не выбирали хозяина. Они принадлежали тому, кто купит. Священник тоже со страхом и надеждой ожидает, какого хозяина ему пришлют. Зависимость человека от чужой воли, не ограниченной нормой закона, принимает безобразные формы.

«Акцент на правах... неуместен в Церкви, где все пронизано духом любви», – пишет проф. прот. В. Цыпин. Полно, отец Владислав! К чему лукавить? Следует честно признать, что христианская любовь не стала нормой церковной жизни. Незачем играть в любовь. Что для кошки – забава, для мышки – смерть. Любовь иссякла в РПЦ, и грех поминать ее всуе. Остается надежда на законы и каноны. Пусть защищают в равной мере священника и епископа. Святые каноны написаны для обоих. Правовое поле Церкви должно быть единым для всех. Крепостное бесправие священника не должно быть терпимо ни в Церкви, ни в государстве, которое называет себя правовым.

14.10.2007

Покров Пресвятой Богородицы

Свящ. ПАВЕЛ АДЕЛЬГЕЙМ

Сжитие со свету настоятеля храма Святых Жен-Мироносиц священника Павла Адельгейма*

На днях настоятель псковского храма Святых Жен-Мироносиц получил... как бы это сказать... «приглашение» в Епархиальный суд. По телефону. От Председателя Епархиального суда протоиерея Петра Нетребы. На вопрос: «С какой целью и в качестве кого?» — последовало: «Просто побеседовать...»

«Невозможное человекам возможно Богу» (Лк. 18:27)

Крайне напряженная и всерьез тревожная ситуация сложилась в нашем приходе Святых Жен-Мироносиц — именно она и побудила меня к этой публикации. Это, прежде всего, тревога о здоровье и самой жизни нашего уважаемого, горячо любимого пастыря и отца-настоятеля священника Павла Адельгейма.

По установившемуся порядку в церкви Святых Жен-Мироносиц богослужения проходят ежедневно утром и вечером, в соответствии с Церковным Уставом. Каждый день (за исключением особых дней Великого поста) служится Божественная литургия. В штате прихода два священника: кроме о. Павла, иерей Владимир Будилин; между ними и распределяются богослужения. Но с некоторых пор, а именно с 2003 года, о. Владимир все чаще нарушает церковную дисциплину, пренебрегает своими обязанностями, демонстративно не подчиняется отцу-настоятелю.

Поступки, а вернее, проступки о. Владимира носят, во первых, дисциплинарный характер. Это не только отказ вы-

полнять распоряжения настоятеля, но и регулярные опоздания к началу богослужений (до 60 минут) и прогулы — сначала единичные, потом недельные, теперь — на несколько месяцев. Прогулы, на словах объясняемые болезнью, на деле же ни разу не подтвержденные медицинскими документами.

Во-вторых, самое заурядное бесчеловечное хамство со стороны сравнительно молодого иерея в адрес почтенного и уважаемого священника, чему я сам неоднократно был свидетелем. Перед Божественной литургией или в самом начале ее о. Владимир входит в алтарь, чтобы взять с Престола святой Крест и Евангелие для совершения исповеди. На неизменное — с поклоном — приветствие о. Павла: «Здравствуйте, отец Владимир» — в ответ либо гробовое молчание и уход с гордо поднятой головой, либо, в лучшем случае, кивок затылком. Это и истерики с потоками брани и оскорблений в ответ на любые замечания настоятеля, будь то просьба не говорить в алтаре по мобильному телефону, или не вносить в алтарь сумки, полные продуктов, или экономить электричество и не включать лишний свет.

В-третьих, и это самое главное, — канонические нарушения, допускаемые иереем Владимиром Будилиным во время совершения таинств и богослужений, причем такие, за которые, согласно канонам, священника извергают из сана. Не стану их перечислять, они подробно и канонически обоснованно изложены в многочисленных письмах и докладных записках настоятеля на имя Правящего архиерея, Высокопреосвященнейшего архиепископа Евсевия, и благочинного Пскова настоятеля Свято-Троицкого собора протоиерея Иоанна Муханова. На все эти послания должной и адекватной реакции не последовало. Как и на письма настоятеля и Приходского совета с неоднократными просьбами отозвать священника Владимира Будилина из церкви Святых Жен-Мироносиц.

Вот тут-то и встает во весь рост главный вопрос: почему о. Владимиру сходят с рук проступки, за малую часть которых любой другой священник давно был бы запрещен в богослужении? Чего стоит один отказ (читай — раскол!) от евхаристического общения с настоятелем, неучастие в богослужениях великих праздников (даже в дни Рождества и Пасхи Христовой!), не говоря уже о воскресных днях.

* Материал перепечатан из еженедельника «Псковская губерния», <http://gubernia.pskovregion.org>

Тревога всех, кому дорог о. Павел, имеет более чем достаточные основания, ибо сейчас он несет совершенно непосильную даже для здорового человека нагрузку: 70-летний священник, инвалид (вместо одной ноги — протез), в течение уже нескольких месяцев служит утром и вечером каждый день (!), а еще ежедневные требы (крестины, венчания, отпевания, освящение домов и проч.), а еще преподавание в Православной школе регентов, посещение больных, заботы о приюте сирот-инвалидов, открытом о. Павлом 14 лет назад в Писковичах. Совершенно очевидно, что жизнь в таком режиме выше человеческих сил и возможна только с Божьего на то произволения. Воистину, «невозможное человеку возможно Богу» (Лк. 18:27)!

Но в чем же все-таки причина архиерейских попущений поведению о. Владимира Будилина?

«Требует подчинения даже там, где расходится с канонами Церкви»

Отношения между о. Павлом и правящим архиереем начали обостряться после выхода в 2002 году книги о. Павла «Догмат о Церкви в канонах и практике», вызвавшей большой резонанс — в целом положительный — в церковной общественности, в той ее части, что ищет осмысленного существования в Церкви Христовой. Главная тема книги — несоответствия поступков церковных, и прежде всего епархи-

Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий. Фото: Александр Тимофеев

альных, властей существующим канонам и правилам, на которых строится жизнь Православной Церкви. Или, говоря проще и понятней, — архиерейский произвол, своего рода церковная «троекуровщина». Потому-то книга и вызвала резкое неприятие правящего архиерея и иже с ним. Началом же противостояния и гонений на о. Павла стало приснопамятное обсуждение книги на Епархиальном совете в Пскове, стенограмма которого (Благодатные лучи. 2003. № 2 (66)) наглядно показала, что ни о каком правовом развитии событий не может быть и речи. О. Павлу в присутствии на обсуждении было отказано, и его письмо к членам Епархиального совета зачитано не было.

Желающее потрафить владыке подавляющее большинство совета кинулось обвинять о. Павла в клевете, расколе, лжи, но с некой странной особенностью: все высказывания оказывались не более чем мнением выступающих, ярлыками на пустых флаконах, поскольку ни одного факта клеветы, а стало быть и его опровержения, так и не было приведено. Владыка обиделся? Это понять можно. Обиделись, хоть и с разной степенью искренности, священники? Тоже объяснимо. Но выходит, что обиделись на факты, ни одного из которых не опровергли. В целом тон обсуждения (осуждения, если быть точным) был выдержан в лучших традициях советских времен, когда собрания трудовых коллективов клеймили врагов советской власти, требуя расправы:

Настоятельница храма Святых Жен-Мироносиц о. Павел Адельгейм. Фото: Александр Сидоренко

Книга является вредной для всех времен и народов... Автор поставил себя в ряд Иуды, нераскаявшегося разбойника, Демьяна Бедного и других «ревнителее» Церкви (архимандрит Сергей (Стуров))¹.

Прежде всего, я хотел бы обратить внимание на то страшное состояние, в которое впал о. Павел, потеряв любовь и почтение к правящему священноначальнику... (протоиерей Михаил Мельник)².

Новый Арий явился! Братия, в нашем стаде появились волки (архимандрит Лев (Дмитроченков))³. И так далее и в том же духе почти все (как же отрадно звучит здесь это «почти»!). Невольно вспоминаются строки из песни Александра Галича памяти затравленного нобелевского лауреата Бориса Пастернака: «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку!...»

Выступающие высасывали из пальца (чьего?) «доказательства» «порочности» о. Павла и сами при этом оказывались в роли клеветников. Пример? Извольте.

Протоиерей Георгий Быков, настоятель церкви Архангела Михаила: «Пылая ненавистью к Православию, о. Павел очень благосклонно относится к католикам, протестантам, получает от них материальную помощь, которая неизвестно как расходуется, а деньги шлют немалые. Например, только одна религиозная организация перечислила ему как разовую помощь 120 тысяч немецких марок»⁴.

С таким же успехом можно было назвать любую сумму, но, видимо, воображения о. Георгия хватило только на 120 тысяч в иностранной валюте. Одно из двух: либо о. Георгий обязан представить доказательства приведенного факта, на основании которых должно быть заведено следствие с последующим судебным разбирательством, либо сам предстать перед судом как клеветник.

Да, о. Павлу, как общественно и социально активному человеку и авторитетному в христианском мире православному священнику, оказывалась помощь: и на создание приюта для сирот-инвалидов, и на Православную школу регентов, и на строительство храма св. целителя Пантелеимона на территории областной психиатрической больницы в Богданово — в том числе и церковными объединениями, и отдельными приходами Западной Европы. Только суммы

были на порядок ниже, а их получение и расходование зарегистрированы документально.

Доходило и до подлогов: тот же о. Георгий Быков: «Ни для кого не секрет, что о. Павел выставлял свою кандидатуру на выборах в органы законодательной власти. Видимо, ему очень хотелось приобщиться к антицерковной деятельности таких личностей, как Глеб Якунин»⁵.

Тогда, на первых более-менее демократических выборах в 1989-м, я был доверенным лицом о. Павла, но бывшая еще в силе КПСС выстроила неодолимые барьеры на пути регистрации священника кандидатом в депутаты. Вот только о. Георгий «забыл» (преднамеренно?), что в тот Верховный Совет СССР были избраны не только Глеб Якунин, но и многие другие священники и епархиальные архиереи и некоторые члены Священного Синода, и среди них, между прочим, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий (Ридигер), будущий Патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй.

Заканчивается же сия знаменательная стенограмма Открытым письмом о. Павлу самого владыки Евсевия: «...Как бы вы не преподносили свои суждения и сколько бы вы не приводили цитат о соборности, о единстве Церкви, и как бы вы лукаво не изоцрялись в своей правоте, все-таки вы лжец и слуга отца лжи — дьявола»⁶.

Но все эти запротоколированные голоса оказались каплей в море положительных и благодарных отзывов на книгу в российских СМИ. Дабы не утонуть в цитатах, приведу лишь одну, из подробной рецензии в «Независимой газете»:

В книге, прежде всего, чувствуется боль человека, искренне служащего Церкви и не могущего смириться с тем, что происходит с ней сегодня. ...Архиепископ Псковский требует подчинения даже там, где его действия расходятся с канонами Церкви. Он любит говорить о единстве, церковной дисциплине и послушании епископу как главе местной Церкви. Но на деле это единство распадается как картонный домик, когда он одного заперещает в служении, другого переводит за штат и т.д. Достичь единства владыка хочет путем отсечения непослушных членов. О нахождении общего языка с пастырью нет и речи. Последствия такой политики предсказуемы»⁷.

«Я с радостью покаюсь, но не соглашусь на самооговор»

Как бы там ни было, с этого времени храм Святых Жен-Мироносиц в Пскове для владыки практически перестал существовать. Он, несмотря на регулярные приглашения, ни разу не почтил нас в день престольного праздника, о. Павла перестали приглашать на епархиальные собрания, вокруг прихода возникла искусственно созданная «зона отчуждения». Между тем сам о. Павел регулярно, перед каждым постом и большим праздником, пишет владыке письма, пытаюсь объяснить (в личной встрече ему отказано):

Факты, приведенные в моей книге, заделали Ваше самолюбие. Вы не можете переступить через него и простить. В книге нет клеветы. Она написана не в обиду Вам, а в защиту Церкви. Ваше имя упоминается только в подписанных Вами указах. Если я не прав, укажите мою ошибку. Я признаю ее, и мы примиримся, как заповедал Христос. Я с радостью покаюсь, но не соглашусь на самооговор. Чекисты принуждали к самооговору пытками и остались злодеями на темных страницах русской истории. Это моя личная драма: они опорочили и замучили двух моих дедов, отца, мать, их друзей и сослуживцев. В течение года меня держали в тюрьме госбезопасности, требуя самооговора и отречения от Христа в СМИ... (13.03.05, Прощеный день)⁸.

Все письма заканчиваются одной мыслью, одним чаянием:

Я прошу у Вас, Владыко Святый, прощения. От всего сердца каюсь в причиненных огорчениях. Простите меня ради Христа, как Он нас всех прощает. Давайте забудем взаимные обиды и скажем друг другу с открытым сердцем: «Христос среди нас!» – «Есть и будет!»

Ответа – пока – не последовало, час утешения еще не настал. Доколе, Господи?

«Блаженны изгнанные правды ради» (Мф. 5:10)

Думаю, есть серьезные основания сомневаться в утверждении, что владыка не трогает (не запрещает, не отправляет за штат) о. Павла исключительно из милосердия. Вероятно, история запрещения и изгнания архимандрита Зинова, получившая фактически всемирную огласку и бурное обсуждение и закончившаяся беспрецедентным снятием запрета са-

мим Патриархом, не прошла зря, и владыка не хочет ее повторения. Ведь имя о. Павла Адельгейма как проповедника, богослова и церковного публициста широко известно. Его работы постоянно публикуются в значимых изданиях, он – желанный участник многих конференций. В прошлом году он получил персональное приглашение и на Рождественские чтения, проходящие в Москве ежегодно под почетным председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, но владыка отказался включить его в состав псковской делегации. Подготовленный доклад («Сокровище веры») опубликовала газета «Кифа», предварив его редакционным пояснением: «Из стоявшего в повестке дня Рождественских чтений 2006 года и не прочитанного из-за запрета архиепископа Псковского Евсевия доклада протоиерея Павла Адельгейма»⁹. Более того, известно, что на примирении настаивает и Патриарх. Но...

Здесь, судя по всему, и кроется ответ, почему иерею Владимиру Будилину сходят с рук и прогулы, и хамство, и серьезные канонические проступки. Директива проста: ввиду невозможности применить к о. Павлу архиерейские санкции, создать ему невыносимые условия существования. Проще говоря – СЖИТЬ СО СВЕТУ. А то, что помимо деяний человеческих существуют и деяния Божии, Его суд и воля, в расчет, видимо, не принимается.

Многое проясняет недавно опубликованное в той же «Кифе» письмо о. Павла бывшему другу и однокашнику по Киевской семинарии Высокопреосвященнейшему Макарию, митрополиту Винницкому и Могилев-Подольскому, от 15 октября 2006 года:

Ваше Высокопреосвященство, мы вместе приближаемся к своему пределу, и пора подвести итоги, чтобы нежданная гостья с косой застала нас готовыми дать Богу отчет за подаренную жизнь. Не знаю как Вас, а меня беспокоит: может быть, я в чем-то виноват перед Вами и не осознал своей вины? Подскажите, чтобы я мог покаяться и попросить прощения у Вас и у Бога. В 1961 году наша дружба иссякла без всякого повода. Наши пути разошлись, и общение прекратилось. Или в том есть моя вина? Скажите.

Последняя весточка от Вас была роковой. В 1969 году меня, служившего тогда в Узбекистане, арестовали по обвинению в антисо-

ветский агитации и пропаганде (ст. 190-1 УК). При ознакомлении с делом в черед документов я прочел и Ваш донос, сообщивший знакомым детским почерком:

«В духовной семинарии, где я учился вместе с Адельгеймом, он высказывался против исполнения гимна Советского Союза и хвалебных песен в адрес Советского государства. Лица, которые исполняли гимн и хвалебные песни, Адельгейм называл хамелеонами, преклоняющимися перед властями» (Лист дела 178. Т. 2).

Эту выдержку из доноса я цитирую по тексту Приговора, поскольку целиком он хранится в уголовном деле. Ваш почерк и Ваша подпись исключают сомнения в авторстве, смысл которого я не мог себе объяснить...

После освобождения наш друг, прот. Милый Руднев, объяснил мне, что в безвыходное положение Вас поставил Филарет Денисенко, Блаженнейший Патриарх Киевский и вся Украины. Он предложил написать донос (скорее всего, по запросу КГБ Узбекистана) в качестве шанса сделать карьеру: «Напишешь – будешь епископом. Это твой шанс». Комментировать эту информацию не берусь. Некоторое подтверждение дает сопоставление дат и событий.

07 июня 1970 г. совершилась Ваша хиротония во епископа.

17 июля 1970 г. я был осужден на три года лагерей и поехал отбывать свой срок в пустыню Кызыл-Кум, на рудниках золотопромышленного комбината «Бессопан». Лагерный срок не был безоблачным. В связи с беспорядками, произошедшими в лагере Кизил-Тепна УЯ 64/44, я лишился правой ноги и в декабре 1972 года освобожден из заключения инвалидом. Вот уже сорок лет я совершаю богослужение на протезах. Только 28.04.2006 г. Президиум Верховного суда Узбекистана признал меня невиновным и отменил Приговор Ташкентского и Определение Верховного судов. Теперь я оправдан и реабилитирован.

Ваш поступок я не оправдываю, но понимаю. В нашей стране тысячи людей по своей и чужой воле становились случайными винтиками мясорубки, перемалывающей человеческие судьбы.

В моей Псковской эпопее, начавшейся с приходом архиепископа Евсевия (Саввина) в 1993 г., снова мелькнула Ваша тень. В день знакомства архиепископ пояснил в очень агрессивной форме, что знает меня по слухам от общего знакомого. Архиепископ подчеркнул, что дурное мнение обо мне не изменит. С тех пор он выживает меня из епархии. В оправдание неприязни архиеп. Евсевий ссылается на отрицательные отзывы епископа, который меня хоро-

шо знал. До Псковской епархии я служил под омофором четырех епископов, о которых храню благоговейную память. Ни с одним из них архиеп. Евсевий не дружил. Ни один из них не мог сказать обо мне худого слова. Архиепископ рассказывал, что вы учились вместе и касались в беседах моего имени. Может, запало случайное слово и стало семенем неприязни? Если Вы не храните на меня обид, помогите. Если Вы говорили с архиеп. Евсевием обо мне, поправьте дело добрым словом, чтобы никто не сказал: собрались два архиерея и съели одного попа.

Храни Вас Бог в мире, здравии и благополучии.

Свящ. Павел Адельгейм.

Надо ли говорить, что и это письмо осталось безответным...

«Не стану соучастником процесса, организованного вопреки каноническим правилам»

Из выступления на обсуждении книги «Догмат о Церкви» Председателя Епархиального суда, благочинного Невельского округа, настоятеля Свято-Троицкого храма в Себеже протоиерея Петра Нетребы: «Мне пришлось в течение трех лет служить с протоиереем Павлом. Могу сказать, не скрывая, с болью в сердце, что у этого человека нет слова правды. И мне пришлось это испытать на себе»¹⁰. Это — ложь. И в данном случае нет ни слова правды у Председателя Епархиального суда: священники Петр Нетреба и Павел Адельгейм не служили вместе, в одном храме, ни одного дня, что подтверждается их послужными списками.

Заседание Епархиального суда, на которое «приглашается» о. Павел, назначено на 25 декабря. Так что же это будет за суд, и не превратится ли он в очередное судилище? Вероятно, постановление (или приговор?) уже готово и выражает волю архиепископа Евсевия. Процессуальные нарушения уже начались, они сформулированы в последнем от 15.12.07 письме о. Павла Правящему архиерею:

Ваше Высочайшее священство!

12.12.07 г. Председатель Епархиального суда прот. П. Нетреба по телефону вызвал меня в Епархиальный суд на 25 декабря 07 г. Председатель не объяснил суть правонарушения и мой статус в судебном процессе... Он отказался указать, какое право-

нарушение будет рассматривать суд и в качестве кого меня вызывает.

Сперва Председатель предложил вызвать меня в качестве «заявителя» в порядке ст. 17. Заявителем я не могу быть, поскольку не писал заявление в суд. Председатель возразил, что я писал докладные архиепископу, а он передал их в суд. Это возражение неверно. На основании ст. 14, п. 3, заявление в суд подается по установленной форме...

Затем Председатель предложил вызвать меня в качестве «свидетеля». «Свидетелем является лицо, которому известны какие-либо сведения об относящихся к делу обстоятельствах» (Положение, ст. 25, 1). Поскольку мне не сообщают, о каком «деле» идет речь, я отказываюсь быть свидетелем о неизвестном правонарушении, в порядке ст. 25, п. 4: «Лицо, согласное выступить в качестве свидетеля» – свидетельство осуществляется на добровольной основе. Положение не принуждает к свидетельству.

Тогда Председатель предложил явиться в суд вместе с о. В. Будилиным, чтобы «урегулировать возникший между вами конфликт».

На это предложение я высказал два возражения:

1. Положение определяет перечень дел, подлежащих ведению епархиального суда... Указанный перечень не содержит рассмотрение конфликтов между клириками.

2. Между настоятелем храма и Приходским собранием с одной стороны и свящ. В. Будилиным – с другой возникло противостояние, которое не может быть сведено к конфликту на почве личных отношений.

Свящ. В. Будилин нарушает дисциплину в храме, богослужебный устав, порядок совершения Таинств, распоряжения Святейшего Патриарха, вероучение Православной Церкви, прекратил евхаристическое общение с настоятелем храма вопреки апост. 31 и не участвует в воскресных и праздничных богослужениях. Подобные правонарушения подлежат церковному суду, согласно Положению ст. 5, п. 1. Вы называете «конфликтом» выполнение должностных обязанностей и приглашаете меня на Епархиальный суд, нарушая процессуальный порядок, установленный Положением...

Лучше сохранить неповрежденными принципы церковного судопроизводства, утвержденные Вашей подписью среди подписей всех членов Архиерейского Собора.

Ожидая и без прекословия подчинюсь законно составленному вызову, но не стану соучастником процесса, организованного вопреки каноническим правилам.

Настоятель храма Святых Жен-Мироносиц,
свящ. Павел Адельгейм.

«...Бог ли не защитит избранных Своих?» (Лк. 18:1, 7–8)

Почему человек честный, правдивый, взыскующий истины практически всегда гоним? Почему священники, которые могли бы стяжать славу и высокий авторитет Псковской епархии в православном мире своей проповедью, иконописью, богословскими трудами и социальным служением, оказываются у епархиальной власти в изгоях, отщепенцах, «слугах дьявола»?

В силу основной своей профессии мне пришлось объездить почти всю страну, бывать в ближнем и дальнем зарубежье, и везде я старался посетить православные храмы. Но нигде я не слышал проповеди, равной по силе воздействия проповеди о. Павла, благодаря которой и сам когда-то – раз и навсегда – переступил порог Церкви, – проповеди, которая каждым из стоящих в храме воспринимается как обращение лично к нему. Он венчал нас, крестил детей, освящал наши жилища.

Я бесконечно благодарен Богу за встречу с таким пастырем. Как и за встречу и близкое общение с архимандритом Зином, беседы с которым, как и его дивные иконы, стали новой ступенью на пути богооткровений. Я мог бы с благодарностью назвать еще много имен священников и в Пскове, и в других городах, служителей Слова, встречи с которыми были и продолжают быть жизнеопределяющими. Сам собой сложился некий ряд имен, взыскующих истины, стремящихся во всем «дойти до самой сути», твердо стоящих на пути постижения изначального смысла веры, Церкви, спасения; вот основные из них: святители Филарет (Дроздов) и Игнатий (Брянчанинов), митрополит Антоний (Сурожский) и протопресвитер Александр Шмеман, архимандрит Зинон и протоиерей Павел Адельгейм. Я вместе с о. Павлом скорблю о непримиренности его отношений с епископом, чье имя мы молитвенно поминаем в церкви и дома вслед за именем Патриарха.

Что ж, самое время помнить, что «должно всегда молиться и не унывать. ...Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре» (Лк. 18:1, 7–8). Тем более что о. Павел не одинок и за развитием ситуации следит множество сочувствующих глаз. Уже появились публикации о предстоящем суде на известном портале Credo.ru, уже раздаются звонки и приходят письма. В них — не только сочувствие и поддержка, но и надежда на благополучное разрешение ситуации.

Виктор ЯКОВЛЕВ,
Председатель Приходского совета
церкви Святых Жен-Мироносиц,
заслуженный артист России

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Благодатные лучи. 2003. № 2 (66). С. 10.

² Там же. С. 10.

³ Там же. С. 12.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Карелина А. Властелин сердец // Независимая газета («НГ-Религии»). № 21. 5 февраля 2003 г.

⁸ Фрагменты писем о. Павла Адельгейма публикуются с согласия автора.

⁹ Кифа. 2006, июнь. № 11 (49).

¹⁰ Благодатные лучи. 2003. № 2 (66). С. 11.

Письмо Н.П. Хирьякова митрополиту Евлогию (О конференции РХСД в Тжебове, Чехословакия)

Письмо, печатаемое ниже, находится в фонде митрополита Евлогия (Георгиевского) в Государственном архиве Российской Федерации. Оно было написано 30 июля 1924 года, через несколько дней после окончания христианской студенческой конференции (местной конференции РСХД) в Моравской Тжебове¹.

Конференция в Тжебове не получила широкого отражения в литературе. Имеется лишь упоминание о ней в статье Л.А. Зандера «Съезд в Аржеронне»², где она упоминается в ряду других местных студенческих конференций (I Аржеронская (осень 1924 г.), Штернбергская (лето 1925 г.) и др.), предшествовавших II Аржеронскому съезду (конференции)³ РСХД во Франции.

Конференция была одним из первых местных собраний членов Движения после знаменитого учредительного I Пшеровского общего съезда РСХД (Чехословакия), который прот. Василий Зеньковский образно назвал «Пятидесятницей русской эмиграции»⁴. Он подчеркивал, что «на съезде служилась литургия каждый день, и это навсегда закрепило литургический характер наших съездов. В то же время присутствие на съезде ряда профессоров, представителей русской религиозно-философской мысли: о. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, А.В. Карташева, Н.И. Новгородцева и др., — связало Движение со всей богатой традицией русской религиозной мысли, и это не только обогатило наше Движение, но и углубило самое понимание самих задач Движения»⁵.

Огромную роль в явлении «Пшеровской Пятидесятницы» сыграло вдохновенное, «огненное» богослужение прот. Сергия Булгакова, благодаря духовному воздействию которого ежедневная литургия сопровождалась общей исповедью и общим причастием молодых участников, многие из

которых не причащались с детства. От этого «исторического» съезда пролегает духовная «нить» к протопресвитеру Александру Шмеману, который богословски осмыслил древнюю традицию регулярного причащения⁶.

Хирьяков рассматривает Тжебовскую конференцию как результат деятельности Пражского студенческого кружка, а не Русского студенческого христианского движения в целом. Движение было организовано совсем недавно, и поэтому члены местных кружков единства Движения еще не ощущали. Характерно, что Хирьяков нигде не упоминает названия Движения, но отмечает участие в конференции руководителей РСХД, которые через некоторое время переедут на постоянную работу в Париж, председателя РСХД В.В. Зеньковского, секретаря Движения Л.Н. Липеровского, Л.А. Зандера и др., а также сотрудников УМСА, посвятивших свою жизнь помощи русским эмигрантам: Р.В. Холлинера, Г. Кульмана и др.

Некоторые из этих деятелей в описываемое время жили в Праге.

Публикуемое письмо свидетельствует и об активном участии архиепископа Сергия Пражского (Королева) в деятельности РСХД (в начальный период Движения, до того как деятельность Движения перекочевала во Францию).

Об авторе письма Николае Павловиче Хирьякове известно немного. Он родился в 1892 году в Самарканде⁷, принял участие в боевых действиях Белой армии и дослужился до чина капитана⁸. В 1921 году упомянут в числе русских эмигрантов в Галлиполи в составе штаба 1-й пехотной дивизии⁹, в апреле 1922 года пребывал в Константинополе¹⁰. В первые годы после революции эмигрировал в Чехословакию. Проживал в Праге, а затем в Братиславе. Н.М. Зернов в своих воспоминаниях пишет о нем как об одном из наиболее видных местных секретарей РСХД¹¹.

18–20 февраля 1924 года и 20–24 февраля 1926 года Хирьяков принимает участие в работе съезда бюро Объединения русских студенческих христианских кружков в Европе в качестве представителя от Чехии¹², читает доклады на местных съездах РСХД в Чехословакии: в Штернберге (июль 1923 г.), в Сазаве (июнь – июль 1926 г.) и в Збраславе под Прагой (октябрь 1926 г.)¹³.

В 1927 году он окончил землемерное отделение Пражского политехникума¹⁴.

На V съезде РСХД за рубежом (12–18 сентября 1927 г.) Хирьяков был избран местным секретарем Движения в Болгарии и направлен для местной работы на один год в Софию¹⁵. Следует отметить, что развитию Движения в Болгарии весьма сильно противодействовал архиепископ Серафим (Соболев), член Карловацкого Синода, отчего, несмотря на все усилия Хирьякова и его сподвижников, РСХД в этой стране большого развития не получило.

В начале 1929 года Хирьяков прислал из Болгарии в дар для «церкви Движения» во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы в Париже икону прип. Иоанна Рильского¹⁶.

В 1921–1933 годах Хирьяков печатался в журнале «Духовный мир студенчества» (Прага)¹⁷ и в «Вестнике РСХД» (Париж)¹⁸.

В 1931 году Хирьяков упомянут как иностранный член Содружества при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в Париже при РСХД¹⁹. Он также принимал активное участие в работе Русского воинского союза в Праге, Союза русских студентов в Чехословацкой республике, Галлиполийского союза и др.

Последнее упоминание о Н.П. Хирьякове встречается в Государственном архиве Российской Федерации в 1944 году, где он упомянут как второй товарищ председателя правления Галлиполийского союза в Братиславе²⁰.

Публикуемое письмо Н.П. Хирьякова представляет собой живой документ былой эпохи. Письменная речь Хирьякова отличается не логикой и точностью формулировок, но красочностью выражений и экспрессивностью и искренностью.

При публикации письма мы старались сохранить авторский стиль и лексику, но были вынуждены вносить необходимые исправления в его синтаксический строй, а также для лучшего восприятия текста разделили его на абзацы.

Москва

А. Л. Гуревич

Письмо Н.П. Хирьякова митрополиту Евлогию (Георгиевскому)²¹

30-го июля 1924 г.

Ваше Высокопреосвященство
Многоуважаемый Владыко!

Десять дней тому назад кончилась у нас конференция, устроенная для русских студентов, находящихся в Чехии, и о ней и некоторых вопросах, возникших в связи с ней, мне и хотелось написать Вашему Высокопреосвященству. Я думаю, что Л.Н. Липеровский уже довольно подробно рассказал и о конференции, и о том, почему нам явилась идея устроить ее из двух частей. Первая часть — чисто православная с ежедневным богослужением с участием на ней православных работников кружков и, в качестве гостей, неправославных работников, любящих русских и помогающих им (американец Холлингер²², швейцарец Кульман²³). Вторая часть, как выражается один посторонний нам человек, для «оглашенных», то есть для лиц, ищущих, сомневающих или даже утверждающих, что они — неверующие. Причем участники первой конференции на второй являются уже как бы старшими братьями для «оглашенных», готовыми и желающими с ними побеседовать о сомнениях и в чем сумеют помочь им, и, во всяком случае, засвидетельствовать им о своей вере и помолиться о них. На первой конференции председательствовал В.В. Зеньковский, на второй — я. Открывая вторую конференцию, я сказал, что она не должна являться ученым семинарием с логическими научными доказательствами, действующими на ум, но не всегда трогающими сердце. А главная ее задача — может быть, иной раз не совсем связно и логично (потому что мы — не ученые сами и не хотим никого учить), но от глубины сердца с полной уверенностью и твердостью произнесенное свидетельство о своей вере и искренний и откровенный отзыв на это инакомыслящих или сомневающихся. Далее я сказал, что идем мы этим путем, потому что считаем и утверждаем: 1) что разум — не

есть единственная наша познавательная сила, и узнанное и постигнутое сердцем не менее достоверно, чем полученное разумом; 2) в вопросах веры впереди идет сердце, и лишь принятое сердцем должно уясняться разумом; 3) между разумом и верою, то есть между истинным знанием (наукою), противоречия нет, а бывает только кажущееся. Наконец закончил указанием на девиз конференции — слова Господа: «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30). Пять дней конференции, доклады и беседы о них, не столько в зале, как в свободное время небольшими группами, совместное чтение Св. Писания в трех группах — двух мужских и одной женской — все это сблизило между собой всех участников и как-то невольно потрясло души у многих участников, так что когда на четвертый день конференции приехавший в Тжебову Владыка Сергей служил всенощную, то на ней присутствовали все, и многие уверявшие, что они неверующие, были взволнованы и не понимали, что с ними делается. Последний день, пятница, был День Ангела Владыки, он отслужил утром литургию, после обеда молебен об успехе Вашего дела по устройству академии, а вечером было заключительное собрание конференции, на котором можно было убедиться из очень искренних и откровенных речей участников, иногда произносимых даже дрожащим голосом, и из слез двух самых юных барышень, но самых атеистичных: одна много лет не исповедывалась, другая — с детства (так как выросла в атеистической семье); изо всего этого мы сочли, что конференция цели достигла, и хотя и страшно, но радостно очень было видеть, как Господь призвал к себе людей, как будто совсем чуждавшихся Его; как некоторые говорившие нам, что все наши переживания, радость о Господе и вера в Него есть только наша болезненность и ненормальность, а они не чувствуют никакой надобности в религии, вполне удовлетворяясь моралью, — как эти люди, конфузясь, сознавались, что они веруют теперь, и благоговейно, но и с трепетом (ведь одна подходила первый раз в жизни) прикладывались ко Кресту и Евангелию и подходили под благословение к Владыке на благодарственном молебне, который мы отслужили вечером по окончании всего. Бесконечна милость Господа к нам, недостойным, ибо, обратив ду-

ши некоторых к Себе, Господь еще дал нам, грешным, участвовать в этом обращении какой-то, хоть ничтожной, кружкой – в смысле того, что мы выбирали лиц для приглашения на конференцию и молились о просвещении их.

Все это сознание и благодарность Господу дают силы, и бодрость, и уверенность, что мы идем по правильному пути, ибо, несмотря на многие шероховатости и ошибки, несмотря на наши собственные недостатки и греховность, Господь благословляет наш путь, и прав Владыка Сергей, благословляющий нас, а не профессора (некоторые), требующие, чтобы мы, будучи сами невеждами, громогласно заявляли, что мы учим Православию и насильно тащим в Церковь людей, ее боящихся, которые, конечно, сами туда придут со временем, если их не принуждать.

Чувствуем мы себя стоящими на правом пути и в том, что наши доклады – не логическое, обоснованное разрешение умственной проблемы или блестящее ораторство, как этого требует Л.А. Зандер, а простые, бесхитростные, но задушевные беседы, по уверению Л.А. Зандера, для всех очень скучные, но, по нашему мнению, достигающие сердца человеческого гораздо сильнее, чем логика или ораторство. Вот об этом нашем убеждении, что основа нашей деятельности и методы работы верны, мне и хотелось написать Вашему Высокопреосвященству, ибо все-таки много кругом бывает нападок, и если легко бывает в праздники, вроде конца только что бывшей конференции, то в иные будни тяжеловато и лишь поддержка Владыки Сергея подбадривает нас. Еще я хотел написать, что мы все чувствуем, что открытый кружок, преследующий цели призыва неверующих, сомнеющихся, часто враждебно настроенных [по отношению к] Церкви, не смеет и не должен такой кружок заявлять и называться православным, а проще и скромнее – христианским, и не с точки зрения отметания инославных работников (как, например, создательница нашего кружка М. Бреше²⁴), но еще важнее, потому что миссионерствовать православно может лишь подготовленный и посвященный, а мы все невежды в догматах и можем говорить только о вере и безверии, о Богочеловечности Иисуса Христа и Его Воскресении, отсылая уже уверовавших к духовным лицам за дальнейшими знаниями. Каждый из нас порознь и вместе мы

называем себя православными, но при возражениях по догматам неосновным, общехристианским мы отказываемся спорить, отсылая спорящего к священнику, это у нас в кружке не раз и бывало. Вот почему мы считаем правильнее иметь название поскромнее, находя возможным, вероятно и правильным, название «православный» лишь для кружков закрытых, как наш второй Пражский кружок. Еще на конференции было, кажется, достижение, что некоторые из непризнававших нашей работы и чуть ли не обвинявших нас в соращении православных в какую-то ересь и в этом отношении не веривших даже Владыке Сергию, некоторые такие лица убедились воочию, что есть православные лишь по паспорту, а на деле неверующие вообще и не верящие духовенству, и что для таких лиц такая работа, как наша, даже необходима иной раз.

По окончании конференции, уже здесь, в Праге, мы были у Владыки Сергия и подробно ему рассказывали, какие разговоры с кем у нас велись и какие вопросы, сомнения и душевное состояние у вновь приходящих. После этого Владыка всегда давал нам свои указания, сейчас главным образом в том, чтобы подбодрить и приласкать новообращенных и указать им, что не только от восторженного порыва надо обратиться ко Христу, но продолжать это спокойной обыкновенной жизнью (буднями), и лишь этим можно доказать действительность обращения.

Больше, кажется, не с чем надоедать мне Вам, Владыко, а потому кончаю письмо и, испрашивая Вашего благословения и молитв, остаюсь Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга

Н. Хирьяков

Адрес мой: Mnichovice u Prahy i. 49. N. Chirjakov

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иногда название города, где проходила описываемая конференция, пишется по-русски как *Требова* или *Тшебова*. В настоящей статье мы будем придерживаться названия *Тшебова*, приведенного в публикуемом письме.

² Путь. 1926. № 2. С. 110.

³ Общие или региональные (местные) собрания членов РСХД называли съездами или конференциями. В 1920-е годы эти названия считались синонимами.

⁴ См.: *Струве Н.А.* РСХД как пророческое явление в Церкви // Вестник РХД. 2003. № 185. С. 330.

⁵ *Зеньковский Василий, прот.* Русское студенческое христианское движение: История, деятельность, задачи // Вестник РСХД. 1949. № 7–8. С. 5.

⁶ *Струве Н.А.* РСХД как пророческое явление в Церкви. С. 331–332; *Кырлежев А.И.* Отец Сергий Булгаков и РСХД за рубежом // Богослов, философ, мыслитель (Юбилейные чтения, посвященные 125-летию со дня рождения отца Сергия Булгакова (сентябрь 1996 г., Москва). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 83.

⁷ ГАРФ. Ф. 5837. Оп. 1. Д. 465. Л. 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 5928. Оп. 1. Д. 69. Л. 85.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 5968. Оп. 1. Д. 6. Л. 406.

¹¹ За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж: YMCA-Press, 1973. С. 144.

¹² Духовный мир студенчества. 1924. № 4. С. 32, 39–40; Вестник РСХД. 1926. № 3. С. 2; № 4. С. 18.

¹³ См.: Духовный мир студенчества. 1923. № 2. С. 15, 17; Вестник РСХД. 1926. № 7. С. 28; № 12. С. 30.

¹⁴ См.: Вестник РСХД. 1927. № 6. С. 29.

¹⁵ См.: Вестник РСХД. 1927. № 11. С. 29.

¹⁶ См.: Вестник РСХД. 1929. № 4. С. 28.

¹⁷ Впечатления от Студенческой христианской конференции в Венгрии с 9 по 16 апреля 1923 г. // Духовный мир студенчества. 1923. № 1. С. 10–12.

¹⁸ Письмо из Праги // Вестник РСХД. 1926. № 7. С. 37–38; Годичная конференция РСХД в Чехословакии // Там же. 1926. № 9. С. 42–51 (под псевдонимом Н.Х., совместно с И.Л. (И.А. Лаговским?)); Прага. Братислава // Там же. 1933. № 3. С. 27–29 (под псевдонимом Н.Х.).

¹⁹ См.: Содружество при Введенской церкви РСХД. Париж, 1931. С. 25–28.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 10. Л. 214.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-5919. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Оп. 1. Д. 115.

²² *Холлингер Ральф В.* (1887–1930). Активный деятель YMCA. Принимал участие в организации деятельности Русского студенческого христианского движения (РСХД) в эмиграции. В 1923 г. участвовал

в работе первого организационного съезда РСХД в мест. Пшеров (Чехословакия).

²³ *Кульман (правильнее – Кульманн) Густав Густавович* (1894–1961). Один из основателей Религиозно-философской академии в Берлине (1922), Русского студенческого христианского движения (РСХД) в эмиграции и издательства «YMCA-Press» в Париже. В 1923 г. принимал участие в работе первого организационного съезда РСХД в мест. Пшеров (Чехословакия). Член учредительного комитета Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже. В конце 1920-х гг. женился на М.М. Зерновой и перешел в Православие. С 1936 г. занимал ответственный пост в Комиссии по делам беженцев в Лиге Наций.

²⁴ *Бреше Мария Леонардовна.* Активный член общества «Маяк» и Христианского союза молодых людей (YMCA) в России. Член Церкви евангельских христиан-баптистов. В эмиграции в Чехословакии (не позднее 1921 г.). Руководительница так называемого «Алешовского» студенческого христианского кружка в Праге (по названию улицы в Праге, где проходили собрания кружка; активным членом этого кружка был Н.П. Хирьяков). Принимала участие в организации в 1923 г. первого съезда Русского студенческого христианского движения (РСХД) в мест. Пшеров (Чехословакия). Член Объединенного комитета РСХД в Чехословакии. Впоследствии (около 1930 г.) переехала в Палестину, где продолжала заниматься миссионерской деятельностью.

Мать МАГДАЛИНА
[ОЛЬГА НЕКРАСОВА]

Стояние за веру
в эпоху хрущевских гонений
(Из письма к Петру Давыдову)¹

[Дорогой Петя!]

Твоя настойчивая просьба рассказать о моем столкновении с неким господином Чертковым всколыхнула во мне воспоминания о событиях, покрытых полувековой пылью. Первые годы моей работы в Церкви в качестве бухгалтера, делопроизводителя и машинистки епархиальных управлений сначала в Ташкенте, а потом в Вологде совпали с периодом самой ожесточенной антирелигиозной кампании. Все силы были брошены на быстрое завершение борьбы с «религиозными предрассудками». Н.С. Хрущев, помнится, обещал показать по телевизору в ближайшие годы последнего то ли священника, то ли вообще верующего человека в нашей стране.

В 1962 году я работала бухгалтером в Крестовоздвиженской церкви гор. Грязовца. В тот памятный день 21 марта я приехала домой в Вологду, где жила моя семья, и собиралась пойти в наш кафедральный собор на вечернюю службу под праздник Сорока мучеников. Я уже выходила, когда встретилась в дверях с владыкой Мстиславом, управляющим тогда Вологодской епархией. Узнав, что я приехала на два дня домой, он стал усиленно меня уговаривать пойти в Центральный дворец культуры, где в тот вечер должен был выступить нашумевший тогда антирелигиозный деятель, бывший священник Чертков. Мне совсем не хотелось туда идти, тем более что мой духовник советовал мне никогда не слушать и не читать всей этой мути, пачкающей душу. Но чем больше я сопротивлялась, тем решительнее владыка настаивал на том, что должен же кто-нибудь из нас слышать подобные выступления и знать, какими методами пропагандисты орудуют.

В конце концов мне пришлось повиноваться. В тот вечер у нас было дома несколько человек молодежи, и одна девушка взялась проводить меня в этот зал. Почему-то мы оказались с ней в директорской ложе, как раз напротив установленного на сцене помоста с микрофоном, к которому вскоре направились три человека. Я моментально узнала среди них отрешенного священника, хотя внешне он, конечно, ничем не отличался, разве что некоторой елейностью, переключенной теперь, по-видимому, на иные рельсы. Молодой, лет тридцати с лишним, он представился как окончивший с отличием Московскую духовную академию и с самого начала принял иронический тон. Смеясь над целым рядом евангельских эпизодов, он старался выявить всю «абсурдность» православных верований, таинств и обрядов и вызывал взрывы смеха публики. При этом он цинично уверял, что сам искренне во все это верил, но потом, дескать, понял всю фальшь этой веры и решил сказать правду себе и людям. Конечно, за эти годы я многое забыла из того, что он говорил. Больше запомнила свое состояние — ощущения острой боли, оскорбления, беспомощности и вины. Чем больше он овладевал аудиторией своими кощунственными шутками, тем яснее мне становилось, что молчание здесь равнозначно предательству. Но возражать мне представлялось совершенно невозможным не только в силу твердого наказа моей матери и владыки «не устраивать там никаких эксцессов», но главным образом из-за совершенного неумения что-либо сказать. Во все время его выступления я мысленно пыталась найти убедительные аргументы против ложных его слов, и ничего у меня не получалось! Я сознавала, что находящиеся здесь люди не имеют никакого понятия ни о христианском учении, ни о Евангелии, ни о святых, над которыми так потешался этот бедный Чертков, и боялась, что любое мое возражение может оказаться ему на руку, будучи воспринятым как проявление фанатизма. А лектор тем временем все более расходился. Однако, слава Богу, он не стал кощунствовать ни над таинством Причащения, ни над Воскресением Христовым. Не знаю, что его остановило; то ли самая едва уловимая частичка страха Божия, затаенная в совести (дал бы Бог, чтоб это было так!), то ли предел, указанный советским законом — «не оскорблять чувств верующих». В те го-

ды, призывая общественность всеми способами бороться с религиозным дурманом, глумясь над святыней русского народа, советская идеология тут же лицемерно заявляла о необходимости «не оскорблять чувств верующих».

В отчаянии я все время горячо умоляла Бога помочь мне сказать то, что надо. Ведь Он же Сам велел «не обдумывать заранее, что отвечать; ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не возмогут противоречить ни противостоять все противящиеся вам!» (Лк. 21:15). Внутренне я ухватилась за это Его обещание, но время шло, лекция подходила к концу, а я так и не знала, что делать. Помог же мне Бог через этого самого ренегата. Как только затихла овация после последних его слов, он предложил желающим задать вопросы, письменно или устно. Слава Богу, у меня оказалась ручка и бумага. «Думаю, — написала я, — что даже неверующим противно слушать, как Вы позорно поносите безгласную Церковь, заведомо зная, что она лишена права какого-либо ответа. Хвастаясь тем, что с отличием закончили академию, Вы гнусно лгали, искажая Священное Писание». Исписав целую тетрадную страницу, я закончила тем, что его выступление было крайне оскорбительным для верующих, и подписалась: «верующий человек». Поскольку директорская ложа была в нескольких шагах от сцены, я передала ему эту записку из рук в руки. Он стал бойко отвечать на все вопросы (довольно примитивные). Моя записка оказалась одной из последних, и он имел неосторожность прочесть ее вслух. Она сразу вызвала бурную реакцию зала, которую я сначала восприняла как одобрение и весьма этим утешилась... Чертков постарался справиться с полученным оскорблением и сказал:

— Я очень рад, что среди вас оказался хоть один верующий. А то какой смысл говорить только для неверующих? Но я понимаю, что этот человек не хочет называть свою фамилию, поэтому буду отвечать всему залу.

Тут я вскочила и сказала, что не собираюсь скрываться. Новый возмущенный гул публики был уже мною правильно понят... Чертков на какое-то мгновение опешил. Он, по-видимому, не ожидал такой наглости от молодой, на вид вполне светской девушки. И тут началась, неожиданная для нас

обоих, словесная схватка. Сдерживая обиду, он попросил меня указать, где он искажал слова Священного Писания.

— Утверждая, что Библия исполнена противоречиями, — ответила я, — Вы в качестве примера насмешливо привели две фразы: «Око за око и зуб за зуб» и: «Если тебя кто-то ударит в правую щеку, подставь ему и левую».

— А разве это не в одной книге написано? — перебил он меня.

— Но Вам-то хорошо известно, к кому и когда были обращены первые слова и сколько веков спустя Христос заповедал, уже в Евангелии, иные отношения между людьми. Закончив с отличием Духовную академию, Вы прекрасно знаете то, о чем сидящие здесь люди понятия не имеют, и Вы этим пользуетесь!

— Как бы то ни было, — возразил он, — я говорил правду, и оба эти изречения находятся в одной книге.

Потом он попросил меня конкретно указать, когда он издевался над Евангелием.

— А какой хохот стоял, когда Вы рассказывали о воскрешении Лазаря!

— Но ведь не я смеялся, а — зал!

— Конечно, потому что Вы так это представили!

Наш спор становился все горячее, и в пылу его я не заметила, как прошло добрых полчаса. Внезапно влетел на сцену директор этого учреждения и, объявив залу, что в Советском Союзе религиозные диспуты запрещены, выразил горячую благодарность уважаемому товарищу Черткову за его очень интересную лекцию. После долгих аплодисментов зал начал расходиться. Неожиданное появление директора, бросившего в мою сторону злобный взгляд, вернуло меня к действительности. Мне стало очень страшно, я подумала, что меня тут же арестуют, и некоторое время я оставалась в ложе, ожидая своей участи. Но никто не подходил, и я начала было пробираться к выходу через кулуары, как навстречу мне стали появляться явно враждебно настроенные люди. Кто-то грубо бросил мне в лицо:

— Правильно таких сажали!

— Вот они, враги-то!

— С такими надо иначе разговаривать!

Их ярость быстро росла, они подходили все ближе ко мне, и кто-то первый угрожающе размахнулся кулаком мимо моего лица. Ситуация становилась критической, когда вдруг неожиданно появился сам Чертков. Народ расступился, и мой идейный противник любезно предложил мне продолжить беседу, если я этого желаю, в кабинете директора. (Впоследствии мне стало известно, что основная масса слушателей состояла из агитаторов, присланных местными заводами, предприятиями, школами и т. д. для прохождения практики антирелигиозной пропаганды.) Итак, мы вошли в просторный кабинет, куда поспешили проскользнуть за нами с десятков самых активных борцов за воинствующий атеизм, и Чертков пригласил меня сесть за директорский стол напротив него. Он начал с того, что выразил мне сочувствие в том, что я, такая молодая, гублю свою жизнь. Обрадовавшись тем, что разговор принимает более мягкий и открытый характер, я тоже искренне посочувствовала беде, которую он сам себе натворил. Он, конечно, очень удивился моим словам. Я их объяснила тем, что ведь он встретится однажды лицом к лицу с той Правдой, которую так ярко сейчас отрицает, и сам увидит Того, от Кого при всех отрекся, и каково же ему тогда будет!

Тут мне хочется сказать, что дальнейший наш «диспут» стал протекать совсем в другом тоне, чем в зале, более спокойном, искреннем и даже с некоторым уважением с его стороны; во всяком случае, мне так это запомнилось, да и последующие события подтвердили это. Он как-то мало сам говорил, а я продолжала выражать свою боль, видя живьем отрекшегося священника. Я его заверяла в том, что он, конечно, никогда и не верил по-настоящему в Бога. Аргументы мои были весьма примитивны, но говорила я очень горячо и искренне. Зачем-то приводила ему примеры из физики и математики. Помню, что сравнивала духовный уровень его сегодняшних слушателей с дикарями, смеющимися над уверенным, что не Солнце каждый день вращается вокруг Земли, а наоборот. И пусть дикарям это кажется смешно, но как же он может этим пользоваться?! (Пример, прямо скажем, не самый удачный!) В какой-то момент он напомнил мне, что не он один, да и не первый, ушел из Церкви. До него был еще всем известный священник Александр Осипов².

— О, — сказала я, — это сущая правда. Первый были не Вы, да и не Осипов!

— Как? Разве Дарманский³ был раньше Осипова?

— Да я не про Дарманского говорю!

— А кто же? Дулуман⁴? Но он был позже!

— Да не о нем речь!

Меня смущало присутствие за моей спиной совсем притихших слушателей, и я перешла на полупшепот. Но Чертков не унимался:

— Нет, а кто же был первый? Скажите!

Не ответить было уже невозможно. И я сказала совсем шепотом, но глядя ему прямо в глаза:

— Иуда!

Этой минуты я никогда не забуду. Он вздрогнул так, что толкнул что-то лежащее на столе. Мне самой стало страшно от такого прямого попадания. Партия была явно закончена. Последовали какие-то малозначащие фразы, и Чертков мне предложил продолжить наш спор письменно. Он написал и передал мне свой адрес. В тот момент я была уверена, что меня арестуют прежде, чем я вернусь домой. О каком моем адресе могла быть речь? Все же я его написала и передала ему, и мы стали прощаться. Молодчики наши тоже вмиг разошлись, и Чертков помог мне найти мое пальто и проводил меня до двери. Отчетливо помню звенящий мороз на улице и большие, яркие звезды. Вконец продрогшая, так никого и не дождавшись, я решила идти домой, предчувствуя скандал. Так оно и было. Когда все разумные сроки моего возвращения истекли, мои родители стали звонить во Дворец культуры. Им сказали, что лекция была как-то скомкана, а предполагавшийся после нее фильм отменен. Впоследствии мы узнали, что Чертков был отозван из Вологодской области. Но для меня осталось загадкой, почему меня не арестовали, тем более что за последний год в вологодских газетах стали появляться статьи о некоей семье, приехавшей из гнилого Запада и растлевающей советскую молодежь. В те годы подобные статьи бывали предвестником ареста. Возможно, мне помогло то, что месяца два спустя я уехала на год в Грузию по настоянию моей матери и с благословения моего духовника, чтобы постараться выхлопотать квартиру нашей семье, как пострадавшей от сталинской репрессии.

Но возвращение в Вологодскую область мне было запрещено, и чтобы продолжать работать в Церкви, мне пришлось переехать в Эстонию.

Вот, дорогой Петя, спешу отправить написанное. Если тебе пригодятся эти дополнения, сам смотри, куда их вставить.

1. На следующее утро я пошла в собор. На Горбатом мосту меня догнал Виктор Львович (архиерейский иподиакон), кинулся на шею, целует, поздравляет. Я в недоумении и в испуге спрашиваю:

— Откуда Вы знаете?

— Да я же там был!

Прихожу в церковь. Там тоже несколько бабушек меня душат в объятиях. И опять:

— Да мы же там были!

О, если бы я знала, что хоть один верующий человек был в этом зале, насколько мне было бы легче!

2. Владыка, помнится, настороженно выслушал мой рассказ, но, мне показалось, остался доволен.

3. Но, конечно, самый большой комплимент мама мне принесла через несколько дней от дочери уборщицы епархиального управления, которая ей рассказала, какой красивый бывший поп приезжал в Вологду, как было интересно, как здорово он выступал во Дворце культуры, а потом «пришла какая-то дура и все испортила!». Это осталось в анналах семьи.

4. Потом меня вызывали в грязовецкий горисполком, долго песочили, пробовали кричать, но без всяких последствий.

Я уверена, что если бы Чертков пожаловался на меня, просто показал бы где надо мою записку, то меня тут же арестовали. Я ведь его открыто оскорбляла! Интересно, что с ним потом, в 90-е годы, стало, жив ли он еще и как его звали?

Ну вот, Петенька, буду ждать твоих исправлений и предложений, чтобы показать Матушке⁵ этот набросок. Крепко целую тебя и всю вашу большую семью.

Твоя крестная

*Покровский монастырь,
Бюсси-ан-От*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Петр Давыдов – редактор «Вологодских епархиальных ведомостей».

² Александр Осипов, рукоположенный в Эстонии еще до войны, был за двоебрачие лишен священства, но продолжал преподавать в Ленинградской духовной академии. В сентябре 1959 г. объявил себя безбожником и примкнул к антирелигиозной кампании.

³ Дарманский – закончил Ленинградскую академию, священник с 1955 г., снял с себя сан в марте 1958 г., автор антирелигиозной книги «Побег из тьмы» (М., 1961).

⁴ Дулуман, священник Одесской епархии, отказался от веры.

⁵ Мать Ольга (Слезкина), настоятельница Покровского монастыря в Бюсси-ан-От.

ХРИСТИАНСТВО НА ЗАПАДЕ

Памяти кардинала Иоанна Люстиже (1926–2007)

Скончавшийся 5 августа 2007 г. бывший архиепископ Парижский (1981–2005) кардинал Иоанн Лустигер (во французском произношении Люстиже) был во всех отношениях не только выдающимся свидетелем Христа на Западе, но и человеком необычной судьбы. Родители его, эмигрировавшие из польской Силезии в Париж, были евреями, хоть и неверующими, но верными своему происхождению. Лет 10–12-ти их сын, Аарон, случайно нашел в родительской библиотеке протестантскую Библию, «прочел ее со страстью, никому об этом не сказав» и уверовал во Христа: Новый Завет он воспринял как исполнение Ветхого. В 1940 г., в 14 лет, он, несмотря на неодобрение родителей, принял крещение с именем Иоанн-Мария в католической церкви города Орлеана, куда с сестрой был послан в начале войны. В 1942 г., по доносу сослуживицы, мать его была арестована как еврейка, депортирована в Освенцим, где через год погибла в газовой камере. После войны, еще будучи студентом на филологическом факультете в Сорбонне, он принял решение стать священником, поступил, к неудовольствию отца, в семинарию, в 1954 г. был посвящен во иереи и назначен духовником и руководителем католического студенческого центра, расположенного на площади Сорбонны. В 1969 г. его назначают настоятелем прихода на юге Парижа, где его проповеднический дар пользуется большим успехом. В 1979 г. он возводится во епископы города Орлеана и через

пятнадцать месяцев становится преемником скончавшегося Парижского архиепископа, кардинала Марти. Это назначение на самое видное епископское место казалось необычным, поскольку Люстиже не принадлежал к католической потомственной семье. Деятельность его на столичной кафедре была чрезвычайно разнообразна и успешна. Как новообращенный, он был чуток к запросам нового времени, считал, что миряне должны быть активными членами Церкви (о себе он говорил: «Я – епископ, но с менталитетом мирянина»). Он создал католическое радио и телевизионный канал, много общался с богословами, композиторами (будучи страстным любителем музыки), политическими и общественными деятелями, а главное, отдался своему проповедническому призванию на кафедре собора Парижской Богоматери, в радиопередачах и в своих писаниях (он автор около 20 книг). Для братьев по крови он был одновременно и гордостью, и камнем преткновения. Несмотря на то что он старательно наводил мосты с еврейской религиозной общественностью, несмотря на его усилия дать место покаянию за вольные или невольные грехи Католической Церкви по отношению к евреям, на съезде в Иерусалиме в 1995 г., посвященном холокосту, главный раббин из ашкеназов, Израиль Мер Лау, обвинил его «в том, что он предал свой народ и свою религию». В 1955 г. Люстиже был избран членом Французской академии. Когда ему исполнилось 75 лет (предельный срок отставки для католического епископа), он был, по прошению папы Иоанна-Павла, оставлен на парижской кафедре на целых два года (случай редчайший), пока его не настигла роковая болезнь.

Позволю себе два слова личных впечатлений о редких, но памятных встречах. Если не ошибаюсь, в 1986-м или годом позже Люстиже предпринял поездку в уже освобождающуюся Россию и пригласил меня к себе, как одного из специалистов по положению Церкви в Советской России (после моей книги «Христиане в СССР»). При этой встрече меня поразили его скромность, такт и какая-то прикровенная лучезарность. В частности, он обратился ко мне за советом, не будет ли вызывающим с его стороны, если попросит произнести проповедь в православной церкви, что я ему от всей души пожелал. По возвращении он пригласил к ужину своих

православных советников и делился своими впечатлениями. Как-то католические друзья о. Александра Меня устроили вечер его памяти. На нем выступил и Люстиже, и вновь я был поражен (как часто бывал, когда удавалось слушать его проповеди по радио) подлинностью его слов, шедших глубоко изнутри, никогда не превыспренних. В своих речах, проповедях, даже в разговоре, он как бы следовал завету французского поэта-символиста: «Возьми красноречье и сверни ему шею». И от этого его слова приковывали внимание и незаметно входили в душу. Не даром он писал: «Уверение истины, апостольство не в том... чтобы тайно убеждать, это не пропаганда, не построение системы для контролирования мнений, не реклама, это по примеру Христа, ценою своей жизни, “свидетельствовать об истине” (Ин. 18:37). Пророк, захваченный истиной, согласен претерпеть смерть ради нее и ради своих братьев. Истина доходит до человека только когда делает его свободным. Апостольство — это прежде всего любовь, любовь к ближнему, желать, чтобы он, в свою очередь, познал освобождение, желание, чтобы это сокровище принесло бы плод и было бы ему доступно. Примкнуть к христианству можно только свободно и в свободе».

В своей пастырской и миссионерской деятельности Люстиже был этому верен. Он позаботился также о том, чтобы его дело продолжалось. Поставленных им священников называют часто «люстигеровым духовенством», как в XIX веке в России любили называть «филаретовским» духовенство, сформированное митрополитом Московским Филаретом. Заболев тяжелым раком горла, Люстиже вышел в отставку в 2005 году. Преемником, по его просьбе, назначен был его давний, еще по парижскому приходу, сотрудник, ныне архиепископ, Андрей Вент-Труа.

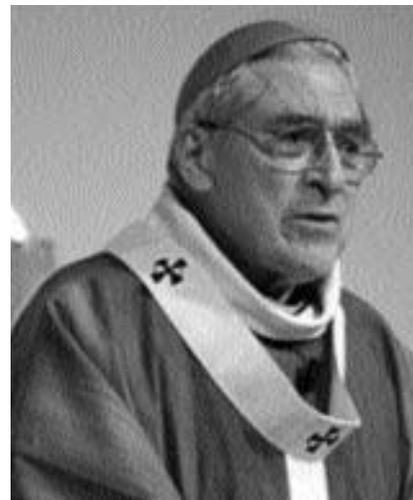
НИКИТА СТРУВЕ

Страсти Христовы в истории

То, к чему я приступаю, можно принять только перед лицом Распятого, перед лицом Воскресшего, показывающего нам свои раны, можно понять только из самого сокровенного в христианском призвании. Это — слова, которые Бог дает Вам в созерцательной молитве, обращенной ко Христу. Это то, что Дух может сказать Церкви, когда она Ему внимает и получает откровение о своей миссии. И следовательно, это то, что труднее всего услышать, поскольку это открывает нам нашу миссию и проявляет наш грех. Это подступ к тому, что христиане называют «тайной Израиля». <...>

Вифлеемские младенцы — страдания Израиля

Мы должны верить — иначе Бог показал бы Себя непоследовательным в Своем обещании, — что все страдания Израиля, преследуемого язычниками по причине его избранности, участвуют в страданиях Мессии, так же, как избивение Вифлеемских младенцев участвует в страстях Христовых.

Кардинал Ж.М. Люстиже

Если христианская мысль не может включить в своем видении искупления, тайны Креста, то, что Освенцим также участвует в страданиях Христа, она теряет смысл. Ибо преследование избранных Божиих — это преступление, не схожее с обычными преступлениями, которые способны совершать люди: тут дело идет о преступлениях, непосредственно связанных с Избранничеством, то есть с еврейской судьбой. Надо идти до конца в понимании этих событий.

Язычники преследуют Израиль именно потому, что он был «отделен от других», какие бы ни были культурные, социальные, практические последствия, которые могут возбудить или объяснить такое отношение.

То, что я только что сказал, могут говорить и думать только ученики Христа в молитве перед Распятым. Это имеет смысл только для учеников Иисуса распятого, для тех, кто готов участвовать в его страстях. Эти слова — часть той тайны, которая поведана только его ученикам. А когда эта тайна предстает перед глазами мира, она возбуждает осмеяние, ругань, плевки. Она поругана. Эта тайна — таковой она является — может быть принята только в сострадании Христу. Она может быть признана только в вере, так как в нее вовлечено само представление, которое мы имеем о Боге. Это означает довести до крайности само безумие страстей. Это обращает мысль к вызывающему вопросу псалма 21: «Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя оставил?» Это принуждает ученика Христова слушать молчание Бога и разделить его с Сыном. Следственно, погрузиться в безумие веры, в ее бездну, до отчаяния, когда сама верность подвергается испытанию и находит выход только в верности Христу, когда единственный способ пережить это состояние — довериться Христу. Он один может преодолеть Страсти, оставаясь верным. Он один, потому что Он — Сын, потому что Он добровольно идет путем послушания, чтобы явить Своей Страстью и послушанием смысл протеста Иова и показать, что Отец истинно любовь и верность.

Понять и принять это — не только тайна, но и дар. Это и есть благодатный дар веры и верности христианской. И принять ее могут только в молитве те, кто верит в Христа страдающего и сокрытого от мира.

Даже для самого Израиля его собственные страдания не находят объяснения. Христианин не способен дать ему объяснение; он может только следовать Христу, Который входит в тишину Своих страстей. Христос не говорит о смысле Своих страданий; Он возвещает о них и входит в них молча. И единственный способ, который Он предлагает ученикам, чтобы они их поняли, это следовать за Ним. И единственно, чем ученики отвечают на этот зов, — как от него уклониться. Их неверность измеряется Христовым страданием. Ни один не имеет силы следовать Христу в Его Страстях, даже те, кого Он к этому призывает. Ученики могут следовать Христу в Его Страстях только ценою прощения — того прощения, что даруется Петру, и благодати, что дается Воскресшим в показе Своих ран и в ниспослании Духа Святого.

Для Израиля собственное его страдание — безумие. Оно приводит его либо к кризису веры, либо к еще более непонятной верности Божиим обетам. И в конце времен распознает ли Бог в Христе всех тех, кто были Ему даны? Это непостижимая тайна Его милосердия.

*Отрывок из книги
кардинала Ж.М. Люстиже «La promesse»
(Обетование. Беседы о взаимоотношении
между христианами и Израилем)*

К 90-летию русской революции

Н. БЕРДЯЕВ

Пореволюционные мысли*(Вместо предисловия)¹*

Я печатаю мои статьи за время революции без изменений, сохраняя в целостности мои живые реакции на пережитые исторические события. За это время я углубил свои мысли, осмыслил до конца опыт революции. Пореволюционная, в глубоком духовном смысле реакционная мысль должна вступить на новый, творческий путь, она-то и будет «положительным завоеванием» революции. Постараюсь формулировать основные мысли, рожденные в творческой духовной реакции на революцию, во внутреннем осмыслении ее опыта. Мысли эти были уже положены в основу статей этого сборника, но они углублены, обострены, объединены и являются в более органически-целостной форме.

1. Большевизм и есть настоящий социализм — социализм, доведенный до конца, до предела, явленный в чистом виде, как самодовлеющее, отвлеченное начало, всепоглощающее и всеразрушающее. Большевизм есть экспериментальная, опытная проверка социализма, очень важная для тех, которые по слабости духа, по непоследовательности мысли не могут познать его природу без такого опытного изучения. Этот чудовищный эксперимент должен заставить глубже задуматься над жуткой проблемой социализма тех, которые этически не только принимали, но и требовали социализма, видели в нем какую-то само собою разумеющуюся нравствен-

ную аксиому, в которой сомневаться могут лишь корыстные и злонамеренные люди, люди «буржуазного» направления. Большевизм есть идейный крах социализма, конец социализма как широко распространенной идейной и моральной настроенности, выявление коренного, изначального зла социализма. Большевизм прежде всего ударил по нашим «правым» социалистам, по меньшевикам и социалистам-революционерам, и в этом его большая заслуга. Все возмущения и протесты меньшевиков и социалистов-революционеров против большевиков не имеют никакого оправдания, они бессильны и жалки. Большевики осуществляют на деле, последовательно и беспощадно то, чего хотели все русские социалисты, о чем долгое время мечтали; они завершают долгий путь, они приняли всерьез то, что другие социалисты оставляли в сфере подпольных разговоров и словопрений. В большевизме повинен и Белинский. В нем была уже та духовная ложь, которая должна была привести к ужасам большевистского царства. Большевизм есть конец столетней истории русской левой интеллигенции. В нем бесы выходят наружу и творят свою бесовскую оргию. После этого невозможен уже возврат к старым интеллигентским идеям. Ложная социальная мечтательность скомпрометирована в духовной первооснове. Последовательный социализм есть коммунизм, он ведет к отрицанию и истреблению личности, к отрицанию и истреблению человека. Тело и душа человека обобществляются без остатка, коллектив претендует на всего человека, не признает человека и индивидуальным, и разностным существом, отрицает все права человека как предрассудки буржуазного мира, открывает безличную эпоху мировой истории. Кому дороги свобода и права человека, тот не может быть коллективистом. Это и выявил большевистский эксперимент для тех, которые не способны мыслить радикально и последовательно и делать последние выводы.

2. Большевизм есть не только крах социализма, но и крах гуманизма и изобличение лжи гуманизма. Гуманизм лежал в основе социализма. Социалистами делались из гуманистической настроенности. Сострадали человеку и мечтали о благе человечества. Ничего не признавали реальным, кроме человеческих состояний, человеческого блага или человеческого страдания. Уповали, что социализм будет триум-

фом человека, что через торжество социализма будет признано верховенство человека, что человек будет освобожден от всякого гнета. Но уже в Марксе, мыслителе радикальном и демоническом, гуманизм... перешел в свою противоположность. Марксизм не знает ничего выше человека и человеческого, он прежде всего борется против Бога и Божественного, но он не знает и человека, ибо человек есть образ и подобие Божие. В большевизме гуманизм окончательно переродился в антигуманизм. Большевизм порвал с гуманистическими иллюзиями социалистов-революционеров, неопределенных правых социалистов, радикалов, левых кадетов. Керенский весь был в гуманистических иллюзиях. Эти иллюзии разрушил Ленин. Большевистский социализм отрицает гуманистические чувства, истребляет человека без остатка и на его место ставит серый, нечеловеческий коллектив. В одном большевизм прав: власть не может быть гуманистической, власть предполагает сверхчеловеческие начала. Но в самом большевизме действуют сатанические начала и на место человека ставится антихрист. Большевизм находится во власти ему самому неведомых темных сил, нечеловеческих сил, и он беспощаден к человеку, к человеческой судьбе. Гуманизм начал с того, что отрицал зло и грех. Но отрицание зла всегда бывает торжеством зла. Необходимо знать зло, чтобы не допустить его тождества. Гуманизм не хочет знать зла, он учит об естественной доброте и благости человеческой природы. С этого начал Руссо. А кончилось Робеспьером. Гуманизм Белинского кончился антигуманизмом Ленина. Так всегда бывает. Вначале — сентиментальное превозношение человека как верховного начала, в конце — жестокость и свирепость. Чтобы утвердить человека и отстоять его свободу и высшее достоинство, необходимо принять Бога и Христа. Если нет ничего выше человека, то нет и человека. Тогда звериный коллектив вступает в свои права и восстает образ зверя, а не образ и подобие Божье. После опыта русской революции глубокие люди не могут уже вернуться к гуманистическим настроениям и идеологиям.

3. Русская революция обнаружила окончательно, что у огромного большинства русских людей нет еще чувства достоинства человека и сознания прав человека, что русские

не любят свободы. Русские одержимы эгалитарной страстью, и эта сатанинская страсть довела Россию до позора и унижения. Но нет у нас и элементарного свободолюбия. Любовь к свободе — аристократическое чувство. Любовь к равенству — плебейское чувство. Свобода и равенство — разные боги и глубоко враждебны друг к другу. В революциях всегда торжествует бог равенства, а не бог свободы, происхождение революций — плебейское. Но никогда еще в мире не было такого безраздельного торжества бога равенства, как в русской революции. Большевизм привел к всеобщему крепостному состоянию, и русские люди пассивно приняли это состояние. Достоинство человека и свобода человека никогда еще не были так унижены, как в русской революции. Это — казарменная революция. В ней человек пассивен, чувствует себя подневольным рабом, не сознает никаких своих прав и не отстаивает их. Освобождения нужно ждать от реакции, она даст хоть какую-нибудь, хоть маленькую свободу человека. Я — «реакционер», потому что люблю свободу и не мирюсь с крепостным состоянием. Русский народ не дорос еще до элементарной гражданственности. В течение столетия господствовавшие идеологии русской левой интеллигенции были лишены сознания свободы и достоинства человека, были вдохновлены исключительно равенством. И в русской большевистской революции происходит процесс, аналогичный тому, который происходил при императоре Диоклетиане, в эпоху падения Римской империи и возникновения раннего, темного средневековья, когда происходило всеобщее закрепощение и погибала всякая свобода. Отождествление общества и государства порождает тиранию, ведет с безграничной власти общественного коллектива над личностью человеческой, к отрицанию всех неотъемлемых и священных прав человека. Большевизм есть крах эгалитарной идеи, изобличение духовной лжи равенства безбожности и бесчеловечности равенства. После этого все глубокие русские люди должны будут обратиться к признанию Божественной и человеческой правды неравенства и иерархии. Неравенства требует достоинство и свобода человека. Неравенства требует иерархия качеств, на которой основан Божественный миропорядок, космос. После опыта эгалитарной революции неизбежно или обра-

щение к иерархическим идеям, с которыми связаны свобода и достоинство человека, или духовная смерть. Безраздельное торжество демократии и социализма означает наступление старости, дряхлости, распада.

4. Русская революция – продукт разложения войны, она есть гнилостный процесс, которому подвергся русский народ, не выдержавший испытаний войны. Большевистская революция есть продолжающаяся война в состоянии распада, и на ней отпечатались все нравы войны, все методы войны. Большевистский социализм – милитарный социализм, применивший навыки войны к жизни огромного государства, ко всем сферам общественной жизни. Большевистский социализм есть пассивный рефлекс войны. В нем продолжается война, но она потеряла свою идею, потеряла дисциплину, потеряла органическую преемственность, война перешла в тяжелую болезнь. То, что делали немцы во имя войны, во имя отечества и государства, то делают большевики во имя социалистической революции. Происходит то же милитарное насилие, то же отрицание свободы и права. Стиль нашей революции – военный, серый, защитный стиль. Революционный народ одет в ту же форму, что и во время войны, но без кокард и погон, без всего того, что вводило его в органический иерархизм. Революция не обнаружила никакого творчества, она продолжает старое, но в состоянии распада. Революционные реквизиции, революционные вторжения в частные жилища, революционные регламентации личной жизни людей скопированы с войны и военного положения. Социализм и милитаризм соединились и отождествились, превратили жизнь в казарму. В большевизме произошло это объединение социализма с милитаризмом, в нем война перешла в социалистическую революцию, а социалистическая революция – в войну. Поэтому он окончательно освободился от остатков гуманизма. Правые социалисты хотели бы социализма не милитаристического, социализма без войны. Но этим они обнаруживают непонимание переживаемого момента, теоретичность и оторванность от жизни. Социализм сейчас только и может быть военным и казарменным, превратить всю страну в военный лагерь, в котором утеряна всякая органическая дисциплина. Большевизм победил лозунгом мира, за ним пошел народ,

потому что он не хотел больше воевать. Но сами большевики не хотят мира, боятся мира. Они хотят, чтобы мировая война против народов непосредственно перешла в мировую войну классов, еще более кровавую и страшную, они не ставят себе целью прекращение кровопролития, они жаждут крови. Для них война была империалистической войной. Но теперь мир для них – империалистический мир. В мире народов чувствуют они свою гибель. Они не хотят снять серые защитные куртки и приняться за мирный производительный труд. Они хотят перманентной войны. Они неспособны к творчеству, они боятся творчества. Да и никогда никакие революции не были творчеством.

5. В результате мировой войны народы должны прийти к тому же, к чему пришли в 1815 году, после наполеоновских войн, – к сознанию, что существуют мировые начала, стоящие выше эгоистических национальных интересов, к сознанию единства культурного человечества, не окончательно отпавшего от всех святых, не окончательно предавшего святых. Тогда образовался священный союз, вдохновленный истинной идеей, но искаженный в своем практическом осуществлении и подпавший под дурное влияние Меттерниха. Священный Союз провозгласил истинный принцип, что все государства Европы должны стоять на страже христианской культуры, должны бороться против начал разрушительных. Народы не могут быть самодовлеющими в своем эгоизме, в исключительном преследовании своих интересов, они должны подчинить себя общеобязательной Правде. Этот принцип плохо осуществлялся и был искажен эгоистическими интересами, но это – истинный принцип. И теперь остро должны сознать все народы и все государства, что существует Правда, которая должна быть всеми одинаково охраняема, что нельзя допустить разрушения духовных основ христианского мира, исторических священных преданий старой Европы. Старой христианской Европе, грешной и больной, но имеющей истинную духовную основу, грозит разрушение и гибель. И она должна объединиться для охраны своих духовных основ и возродиться. Европе грозят сумерки и тьма, быть может, на целые столетия, если она не найдет в себе положительных творческих сил, которые будут противиться силам разрушительным. Мировая социальная

революция есть внутренняя опасность для Европы, и против нее должны объединиться все силы: и охраняющие, и творческие. И безумны те народы, которые не видят этой опасности и играют с огнем. Мировая война была уже карой за грехи старой Европы. Мировая революция может окончательно ее добить. Необходимо покаяние и возрождение к лучшей жизни. Крайний Запад, Америка и Крайний Восток, Япония и Китай могут прийти на смену Европе, и тогда понизится уровень духовной культуры, тогда прервутся священные традиции.

6. Мы должны сознать, что большевизм и есть революция, если под революцией не понимать внутреннего изменения, и есть революционная стихия в крайне предельной ее форме. Во всех революциях торжествует большевизм. Якобинство во Французской революции тоже было своего рода большевизмом. В революциях всегда торжествуют крайние течения, и ими не могут управлять течения умеренные и разумные. Революционная стихия есть беснование, одержимость, в ней господствуют те, которые наиболее одержимы бесами. Наивно думать, что революциями могут управлять жирондисты или кадеты и правые с[оциалисты]-р[еволюционеры]. Революция — болезнь, которая имеет свое неотвратимое течение, она должна быть изжита до конца. Она имеет свой закон. И если народ допустил себя до господства над ним этой бесовской стихии, то он должен подчиниться ее закону. В известный момент температура будет 41° и будет бред. И нужно прямо сказать, что те, которые радикально против большевизма, те — противники революции, те — контрреволюционеры. В этом отношении большевики правы: они представляют quintessence революции, они ее господа и ее рабы. В революциях господа всегда в то же время и рабы. Чтобы иметь право возражать против большевизма, нужно быть свободным от стихии революции, нужно охранить дух свой от одержимости и беснования.

7. Старая русская монархия была поражена внутренней болезнью. Давно была уже подорвана ее духовная основа. И это связано было прежде всего с ложными отношениями Церкви и государства, с несвободой и порабощением Церкви. То, что у нас «кесарю» воздавалось «Божье», отравило русскую монархию, ввело яд в ее организм. В положении

Церкви в русском царстве была допущена религиозная ложь, и этот грех идолопоклонства не мог пройти даром. Эта религиозная ложь отрывала Россию от вселенского христианства. Сервиллизм Русской Церкви по отношению к государству, национальности и царской власти был самым страшным злом старой России. И то, что русская революция разрушила старые отношения между Церковью и государством, есть, быть может, единственная правда революции, хотя и чисто отрицательная. Русская революция воздвигла гонение на Церковь, как и всякая революция, она — антихристианская и антихристова по своему духу, но для судьбы Церкви она будет иметь огромное значение. Отныне Церковь навеки останется свободной. Но Русская Церковь или подвергнется протестантскому распадению, или произойдет окончательное воссоединение Церквей и восстановление единства Вселенской Церкви. Убил русскую монархию Григорий Распутин. Он духовный виновник революции. Связь царя с Григорием Распутиным мистически прикончила русское самодержавие, она сняла с царя церковное помазание. Царь перестал быть помазанником Божиим после того, как он связал судьбу свою с проходимцем-хлыстом, медиумом темных сил. Это было роковым событием не только для русского царства, но и для Русской Церкви. Власть Григория Распутина над Русской Церковью была самым страшным событием в религиозной жизни русского народа. Так выявилась хлыстовская стихия в русском народном Православии. Это была кара за русское религиозное народничество, обоготворявшее языческую народную стихию и оторванное от Вселенского Логоса, от Вселенской Церкви. После ужаса русской революции, тоже хлыстовской, после гибели старого русского православного царства нет возврата к старому. Отныне монархия может быть восстановлена лишь с сохранением свободы Церкви, лишь ограниченная духовно и соединенная с другими началами, свободными от хлыстовской стихии, с правами человека, священными и неотъемлемыми. И все-таки нужно признать, что зло старой русской монархии было преувеличено, что она имена свою большую миссию в истории и что проклятой она оказалась потому, что ее столетие проклинали. Все-таки в Победоносцеве было больше вечной правды, чем в большевизме.

8. Революция не есть рождение новой России. Революция есть догнывание старой России, конец старого. В стихии революции действуют старые рабы души. Революция — следствие старых грехов и болезней, расплата за прошлое, кара. В самой революции не родилось никаких новых, творческих мыслей и чувств. Революционная, большевистская Россия — это старая рабыя Россия, но в состоянии разложения и гниения, без всего положительного и священного, что было в прошлом, с одним отрицательным. В большевизме сконцентрировалось все, что было злого и темного в старой России, насильнического, нигилистического, корыстного, бесправного, бесчестного. Все революции были концом старых болезней. Но никогда еще в таком чистом виде не были явлены отбросы и экскременты старого, как в русской революции. В русской революции не подымается человек, сознавший свое достоинство, свою первородную свободу, свои права. В ней человек окончательно забит и унижен. В стихии революции действуют гоголевские рожи и морды. Поистине должна родиться новая Россия и в ней должна раскрыться человеческая личность, должна явиться новая душа. Эта душа не явится от грабежей и насилий, от злобы, зависти и мести. Эта новая душа родится в глубокой духовной реакции против революции. Ткань нашего общества должна переродиться, новая клетка должна образоваться, более благородная клетка. Конец старой России и будет концом революционной России, концом русского нигилизма и русской революционной интеллигенции, концом русского народничества и русского безответственного социализма, народжением новой, ответственной личности, вдохновленной онтологическими и творческими идеями. И я жду, чтобы кончилась революция и началось духовное возрождение.

Москва, 25 октября 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Предисловие к сборнику статей о революции, подготовленному к печати осенью 1918 года, но не допущенному к печати. По нашим сведениям никогда до сих пор не печатались. — *Ред.*

ГРИГОРИЙ ЛАНДАУ

Происхождение великой смуты

Имя Григория Адольфовича Ландау, крупного публициста и мыслителя русского культурного ренессанса, продолжившегося за рубежом, до сих пор остается незаслуженно малоизвестным, если не забытым. Еврейского происхождения, Ландау родился в 1877 г. в Петербурге, окончил юридический факультет, подвизался в журналистике, примкнул к партии конституционных демократов. В начале Первой мировой войны он печатает в журнале «Северные записки» свой первый значительный историко-софский этюд под названием «Сумерки Европы», опередивший на несколько лет нашумевшую книгу Шпенглера. В 1919 г. эмигрирует через Финляндию и обосновывается в Берлине, становится ближайшим сотрудником, а с 1922 г. заместителем редактора газеты «Руль». В 1924 г. издает свою единственную большую книгу под тем же названием, что и включенный в нее ранний этюд — «Сумерки Европы», объемом в 380 страниц. Остальные свои статьи Г. Ландау печатает в разных эмигрантских журналах и сборниках («Пессимизм и оптимизм», «Афоризмы», переизданные в Москве в 1997 г., и др. работы).

В 1933 г. (по другим сведениям, в 1938 г.) Г. Ландау вынужденно покидает нацистскую Германию, переезжает в Ригу, где его настигает советская оккупация. 9 июля 1941 г. он арестован КГБ и этапирован в Пермскую область, где через несколько месяцев 15 ноября скончался, вероятно от истощения, 64 лет от роду (похоронен на кладбище поселка Сурмог Соликамского района).

Печатаемая ниже статья «Русская смута» никогда не публиковалась. Она является второй частью статьи, появившейся в последнем номере журнала «Русская мысль», которую П.Б. Струве, ее долгиелетний редактор, пытался восстановить в эмиграции, но за отсутствием средств журнал прекратил свое существование в 1924 г. (еще один номер вышел в Париже в 1927 г.). Это объясняет, почему вторая часть работы так и не была напечатана. Рукопись с правкой рукой автора уцелела в той части архива П.Б. Струве, который остался у семьи в Париже перед своим отъездом в 1928 г. в Белград.

Выясненные в предыдущем моем очерке («Революция и смута»)¹ понятия я хотел бы применить к освещению смысла русского великого развала. Для этого прежде всего необходимо установить надлежащую плоскость его рассмотрения.

I

Когда Бердяев рассматривает русскую революцию как завершение светской, рационалистической, пореформационно-поренессансной европейской культуры, то можно заведомо сказать, что такое рассуждение революции не объясняет, даже если бы частичные черты и были в нем верно подмечены, ибо берет ее не в плоскости ее совершения. Бердяев сам как-то отметил, что наименее привилась эта рационалистическая культура именно в России; с другой стороны, в Европе, где она и процветала, подобной завершающей эпоху революции не было (Французская революция — не крах западной культуры, а стадия ее). Можно даже отметить, что тем слабее была тяга к большевизму, чем более европейской была европейская культура. Пожалуй, отсюда можно заключить, что в ней имеются некие антиреволюционные потенции. Во всяком случае, популярное со времени Достоевского противопоставление духовно-социального распада Европы спасительной, строящей задаче России едва ли находит подтверждение на наглядных фактах данного периода. С другой стороны, однако, вполне мыслимо, что различные проявления и элементы «рационалистической» европейской культуры сказались на русском революционном процессе; но даже и при наибольшем их значении и влиянии это могло бы означать, что эти рационалистические элементы на своеобразной русской почве дали такие-то «разрушительные» или революционные последствия, но ничего об их самодовлеющей разрушительности на собственной почве, в своей среде, не говорило.

Также, хотя и в другом смысле, необъяснима русская революция постоянными расовыми, духовными, национальными свойствами русского народа, как некоторые понимают известный доклад И.А. Ильина. Эти свойства могут на таком взрывающем и обнажающем катастрофическом явлении сказаться с особой доказательной ясностью; эти свойст-

ва могут служить объяснением каких-либо черт или особенностей революционного процесса, но эти свойства не могут объяснить его; ибо, предполагая их постоянными, мы признаем их сопричастными и эпохам расцвета, и эпохам упадка, и победоносному строительству и распаду смуты. Значит, из них самих по себе не выводимы ни та ни другая: каждая эпоха может быть понята, во всяком случае, только из сочетания их с индивидуально конкретным сплетением явлений и их рядов. Необъяснимо индивидуально конкретное событие факторами постоянными.

Ближе к историческому объяснению тот путь, по которому идет С.Л. Франк, выводя ее из общих линий государственного, экономического, духовного состояния России примерно последнего века, из хозяйственных условий освобождения крестьян, из государственных условий насаждения культуры сверху, из происходящих отсюда свойств и особенностей русских командующих классов, власти, интеллигенции и т.п. В большей или меньшей степени так поступает большинство размышляющих о происходящем (ибо трудно к размышляющим отнести тех, кто объясняет революцию анекдотически — интригой немецких шпионов, жидомасонов и т.п.).

Не может быть сомнений в правомерности и целесообразности искания причин происшедшего в условиях существования страны и, между прочим, психологии и поведения различных групп ее населения. Тем охотнее это утверждаю, что и сам неоднократно подымал некоторые из этих вопросов. Но все частичные согласия и несогласия с отдельными обсуждающими их авторами отступают перед коренным и принципиальным разногласием, которое идет и ведет вглубь вопроса.

Предварительно мельком отмечу моральный смысл этого разногласия. Сведение конкретно исторического процесса на длительные исторические факторы имеет последствием устранение вопроса о личной ответственности и личном вменении его участников. Если революция 1917 года произошла потому, что так-то была произведена петровская реформа, освобождение крестьян, приобщение к европейской культуре и прочее, — значит, ни при чем тут поведение тех людей, тех поколений, которые революцию произвели.

Только что произошло событие, и уже приходит философ «und sagt, es musst so sein». Все происходящее объясняет он основными линиями народного прошлого. Тем самым снимает он ответственность с его настоящего; тем самым, в сущности, освобождает от тревоги за будущее: оно тоже уже предопределено начертанными линиями прошлого. Неудивительно, что подобное «философское» объяснение приводит к квиетизму, к теории «самоизживания», к приглашению присматриваться и ценить такие-то процессы, сами собой происходящие в народной организации, но только — не к выяснению путей действия и в задаче. Этим, между прочим, объясняется, почему внезапно стали философами подобного типа или одобряют их люди совершенно не философского склада и прошлого, но зато заинтересованные затуханием своей ответственности за происшедшее. Если бы такое понимание события было теоретически правильно, пришлось бы ограничиться установлением противоречия между познавательной и действенной задачами применительно к живой народной жизни; пришлось бы установить даже зловредность первой для второй, но вместе с тем — и примириться с нею. Дело, однако, в том, что и теоретически вопрос несколько не обязательно должен быть так именно поставлен.

Индивидуально-конкретное событие в жизни народа, даже и значительнейшее, и решающее, может быть предопределено основными линиями его прошлых судеб, которые к нему неизбежно и привели или приводят; но этими линиями может быть и не предопределено; такое событие может быть исторически роковым, но и — не роковым. Не все историческое исторически (т.е. общими условиями жизни народа) и предопределено. И не все предопределенное исторически предопределено историей самого народа. Все конкретно-индивидуальное имеет, разумеется, свои конкретно-индивидуальные же причины, но эти причины могут вовсе не быть заложены в длительно действующих факторах народной жизни — они могут быть исторически случайны. Мера случайности как один из важнейших вопросов в истолковании и исторических событий. Была ли русская смута исторически обоснована и предопределена географией страны, реформой Петра, освобождением крестьян и т.п.,

или она была в некоторой мере явлением исторически случайным (и в какой мере) — таков существенный вопрос при ее изучении; и именно против него и грешат столь многие, заранее предрешая ответ. Они обрекают себя на непонимание, не желая искать причин всюду, где они могут быть найдены.

Чтобы не уклониться в сторону методологии истории, ограничусь для иллюстрации этой мысли некоторыми упрощенными примерами. Если взять историю вымирания краснокожих, то совершенно ясно, что оно не является продуктом их истории, причинных линий их прошлого, а вызвано случайным совпадением их истории с ничем не имеющими с ней общего изобретением в Европе компаса, пороха, замыслами Колумба и пр.

Это, конечно, не значит, чтобы прошлое краснокожих не имело значения в их судьбе. Ясно, что если бы оно было другим (и примерно они бы уже изобрели не только порох, но, допустим, и аэропланы), то не они вымерли бы, а, может быть, вымерли бы европейцы. Причинные линии имманентны истории данного народа, всегда существенно важны, но — не исключительно; в этом все дело. Встреча линий судьбы разных народов — встреча по отношению к данному, могущая быть случайной, — только наиболее наглядная конкретно-историческая случайность. Таковая может заключаться и в сплетении с независимыми от истории космическими рядами, и в сплетении внутренних рядов разного значения конкретных и индивидуальных. Понимание полноты реальной конкретности и индивидуальности жизни усмотрит здесь дальнейшую неразложимость судьбы и деятельности данного поколения, а не одни только последствия длительных факторов истории. Так и в личной жизни, нельзя же не отличать, положим, смерти, последовавшей от старческого истощения и болезней, постепенно вырабатывавшихся в организме, от смерти, последовавшей, положим, от удара злоумышленника в грудь. Конечно, и в этом случае состояние и прошлое организма имеет существеннейшее значение, ибо, например, удар в грудь боксера окажется для него безвредным; тем не менее объяснить смерть или повреждение организма в подобном случае из причинных рядов внутренней органической жизни было бы явно нелепым.

История протекает индивидуально-конкретно; индивидуально-конкретны и наиболее значительные и решающие ее события. Индивидуальная же конкретность может быть подготовлена основными факторами истории народа, а может быть частью и последствием более или менее случайного индивидуального сплетения внутренних или внутренних с внешними событий, крупных или даже мелких. В зависимости от этого различен смысл, значение и оценка события, различно поучение и предвидение будущего, различна и ответственность его деятелей (и вне плоскости ответственности чисто моральной).

В этом и заключается основное различие реально социологической точки зрения от философствующей — на великую смуту.

С. Франк прослеживает различные факторы революционности: идеологию интеллигенции он возводит к декабристам и к Белинскому, настроение и положение крестьян к условиям их освобождения, противоположность «мужика» и «барина» приблизительно к петровской реформе. В сущности, в несколько углубленном виде это то самое, что обычно говорится о причинах революции. Шутьгин с целью опровергнуть декабристов, другие с целью возвеличить «Февраль» утверждали, что в этом месяце исполнились чаяния 25-го года; евразийцы видят в смуте результат и, так сказать, самоопровержение дела Петра; Горький — его осуществление в новом планетарном размере. Про освобождение крестьян и говорить нечего: аграрный радикализм возводит к нему невозможность выпустить куренка, как иной крепостник, может быть, и сейчас в освобождении видит источник всех бед. Вместе с эсерами и радикалами С. Франк видит одну из основ революции в стремлении народа к самочинности и к самоопределению.

Суть всех таких воззрений в том, что ряды явлений, идущих от Петра, от декабристов, от освобождения крестьян, от стремления народа к самостоятельности, привели к революции, только обостренной или ускоренной великой войной. Другими словами, смута [19]17-го года производна от этих факторов, выходящих более или менее издалека, из глубины русской истории. Для всех сторонников подобных взглядов, народников и крепостников, марксистов и евра-

зийцев, Франка и Керенского, русская великая смута есть имманентно обусловленное, органическое завершение определенного многовекового периода русской истории.

Несколько родственную, но только в этом отношении, при глубочайшем коренном различии в существе взглядов позицию занимает и гр. А. Салтыков в своих чрезвычайно интересных и пока недостаточно замеченных книгах «Две России» и предисловии к Менделеевскому «Познанию России». По содержанию его точка зрения прямо противоположна всем вышенамеченным. В полную противоположность им он считает, что гибелью для России была не петровская реформа, а поворот от петровской реформы; не пропасть между мужиком и баринном, а «омужичение» русской культуры; не уход на Запад, а отступление на Восток; не недостаточное наделение землей в реформу 1861 года, а такое освобождение, которое привело к прикреплению крестьян к земле и общине; не недостаток самоопределения национальностей или хотя бы господствующей национальности, а недостаток — или, вернее, ослабление — империализма, поглощение имперской нации этнической. Из этого краткого и неполного указания ясно, и насколько свежа и самостоятельна мысль автора, и насколько она глубже проникает в существо процессов русской истории. С другой стороны, и общий путь упадка, «сумерек империи», который отмечает гр. Салтыков, носит характер не отвлеченно устанавливаемых факторов и тенденций, а конкретно сплетенного клубка взаимодействий, дает не отвлеченные линии, а схему конкретности. При всем том мне представляется, что, признавая правильность многого им сказанного, даже правильность общеуказанной им линии упадка, — необходимо признать некоторую односторонность, неучет подъемных движений, в которых упадок был относительным и не исключал возможности рассасывания опасных процессов. Отмеченная гр. Салтыковым линия обозначает лишь путь возможного падения, но не его неизбежность в наше время. Раз падение произошло, оно произошло по (нрзб.) линиям; но совсем другой вопрос — должно ли было оно произойти. Действительно диалектическое, неизбежное развитие некоего исходного — трагического — положения к завершающей катастрофе в истории вполне возмож-

но; но не менее часто исторические факторы отличаются большей пластичностью. Во всяком случае, нельзя без рассмотрения отнести данное событие к той или иной категории.

Я вовсе не хочу отрицать, что те или иные причины не сделали Россию такой, какой она была во втором десятилетии двадцатого века, и, следовательно, не создали возможности наступившего исхода; ибо если бы Россия была совершенно иной, то иной была бы ее судьба — это ясно. Но я утверждаю, что не эти факторы вызвали великую смуту, что она не была предзаложена в истории XIX или даже XVIII века, а была вызвана конкретно-индивидуальной исторической обстановкой, не предустановленной русским прошлым. Чтоб сразу и отчетливо сказать: русская великая смута не органический продукт русской истории, а механический срыв ее; русская великая смута, возможность которой была заложена в русской истории, вызвана не действием постоянных ее факторов, а развязана исторически случайной конъюнктурой. Русская великая смута не органическая революция, а именно смута. Вне такой точки зрения в ней мало что можно понять.

II

Одно из наиболее распространенных объяснений революции усматривает ее основу во взаимном понимании и разладе между мужиком и баринном, между народной и барски-государственной, сверху насажденной культурой. Эта мысль высказывается и евразийцами, и западниками. Для первых — слабость России обусловлена неорганической чуждостью верхнего слоя, для вторых — его недостаточностью и отсталостью низов. Для Франка — государственное целое держалось только идеей царя, ибо все остальные государственные и культурные функции и учреждения оставались народу чужими и непонятными, были лишены для него сцепляющей силы; когда пал царизм, вместе с ним пало и все государство.

Пусть так; но отчего же пал царизм? Выходит как будто, что это нечто, не требующее внимания: в сущности, еще и не революция. А вот революция в том, что когда он пал, то пало и все государство. На самом деле вопрос стоит пря-

мо противоположно. Кульминацией всякой революции, смуты, распада есть падение верховной власти; да больше того, хотя бы уже шатание верховной власти. Просто невозможно, чтобы ее падение не вызвало смуты (именно падение, а не смена какой-либо другой, уже заранее выросшей и сросшейся, сорганизовавшейся с определенными социальными силами властью), — ибо падение это не только вызывает, но и выражает тот обвал государственной формы, который (как было намечено в прошлом очерке) и определяет всякий организационный общественный распад. Но чтобы такое падение верховной власти могло обойтись безболезненно при неимоверно обостренных условиях величайших напряжений, тягот, трудностей и недовольства великой войной, это уже наивность, превосходящая меру дозволенного.

Когда вся жизнь поставлена вверх дном, уже так сказать нормально — самим ходом войны и сдерживает[ся] только огромным и исключительным напряжением, угрозой насилия и инерцией повиновения; когда миллионы и миллионы выброшены из колеи и мучаются перед лицом смерти; когда сотни тысяч под тяжелой угрозой бегут со своего места, нарушен железный военный закон, а миллионы опасаются стать на это место; когда жалобы, стоны и недовольство во всей стране; во всей стране недоверие, заподозривание и обвинение; подозрения в предательстве высказываются вслух, наречения на бездарность и неумение — общее место; когда кругом неудачи и в будущем — ожидают того же, друг другу не верят; когда при этом обваливается средоточие всей государственной жизни, военного руководства и принуждения, — чтобы при этом государство могло удержаться от сотрясения и распада, могли верить только политические младенцы. Что революция или смута разразилась после свержения, вернее сказать, что ломка сверху была продолжена и вниз, — это уже не требует особенных специальных объяснений и толкования. Но как произошло само падение царизма — над этим конкретно-историческим важнейшим событием не остановился С. Франк. А между тем с первого взгляда ясно, что здесь конфликт мужиков с барями (разве что в обратном порядке — заговор аристократии против мужика Распутина?) не имел никакого значения. Борьба шла в среде самих «бар» в пределах барской господской государственной культуры, между

двором и Думой, правительством и прогрессивным блоком, земско-городским, военно-промышленным и другими комитетами и — министрами, между Пуришкевичем и Распутиным, между великими князьями и царицей, между генералитетом и двором. Заговоры против царя готовились во дворцах, а не в избах. Движение носило совершенно ясно и бесспорно верховой характер. Опрокинуло царя и открыло русскую смуту движение верхов; и разлад между мужиком и баринном, между «национальной» и «наносно-петровской» культурой тут решительно ни при чем.

Было бы неправильно думать, что таковы были только поверхностные явления, а подспудное, настоящее движение все же шло в формах недоверия мужика к барам. То, что происходило в основе, — было недовольство войной и недоверие к руководителям. Но это недоверие было вовсе не у мужиков против бар, а самих бар, у интеллигенции, у общества, — против руководителей и в этом смысле против таких же бар, как и они. К тому же такое недоверие, заподозривание, обвинение ни в малейшей степени не составляют своеобразия русского попетровского государства; это частое и нормальное сопутствующее явление и последствие неудачной войны. В частности, напр[имер], подобные обвинения и заподозривания составляют обычнейшую черту французского характера и истории (в отличие от английского или «римского»).

Словом, разлад и взаимное непонимание бар и крестьян было ни при чем в реальном процессе становления русской смуты. На фоне тягостей небывалой войны, неудач, плохой организации и ведения, недовольства и пр. разыгралась борьба верхов против царизма, вылившаяся в заговоры против царя, в борьбу и агитацию Думы и других высших общественных учреждений против правительства, генералитета против царицы, знати против Распутина, что привело к убийству Распутина, к оглушительным революционным речам Милюкова и других в Думе, к изоляции правительства как в гражданском, так и в военном управлении. Навстречу этому шла и сама изоляция верховной власти политикой царицы, Распутина; поразительно плохой по содержанию и разрушительный по форме подбор верховной властью сотрудников. Полная неустойчивость создавалась не только

в силу внешнего военного положения, но и внутреннего бунтарского настроения в верхних кругах общества в тягчайшее время. Власть оказалась не народом, а верховниками, отрезанную не только от народа, но и от всего государственного аппарата, и это в условиях войны, ведомой в самой стране, когда дня невозможно прожить без непрерывного руководства и согласования. Естественно, что отрезанная от государственного тела и аппарата верхушка власти отпала при первом замешательстве в столице; аппарат, оставшийся с разгромленным центром, стал распадаться; военная организованность, и раньше уже неустойчивая, стала расширяться; а низы, искусственным воинским напряжением сдерживаемые в тягостно ненормальном и смертельно опасном положении, стали растекаться. Здесь был нанесен реально-конкретно основной удар. В последние февральские и первые мартовские дни была предreshена судьба России; падение верховной власти было подготовлено на фоне великой и непосильной войны борьбой на верхах русского общества (положение, чрезвычайно ярко подчеркиваемое М. Бикерманом в его берлинских выступлениях). Культурный разрыв народа и бар был решительно ни при чем. Он мог сказаться только позже, в уже разразившейся смуте, но не в ее произведении.

Однако, замечу попутно, можно сомневаться, чтобы он был в этом смысле очень значителен и в последующем. Вообще, этот разрыв был всегда чрезвычайно преувеличен в русском сознании. Власть земли распространялась не только на крестьян, но и на помещиков. Народничество, толстовство еще больше, чем славянофильство, сидят на крестьянских корнях. Дворянское отрицание буржуазности весьма схоже с крестьянским. С. Франк вполне правильно указывает, что значительная часть разночинной радикальной интеллигенции происходила из среды духовенства, т.е. исконной русской интеллигенции, близкой к народу, и сквозь внешние формулы, заимствованные с Запада, сохранила народные крестьянского порядка оценки и устремления. Вольница разных формаций родственна бакунинству. С другой стороны, все растущий городской пролетариат по другим линиям связывал народные низы с элементами западной промышленной культуры хоть и враждебной классовой связью, но тою

же, что и на самом Западе, — сталкивающимся участием в общем деле. В России не было тех резко сословных перегородок, которые свойственны Западу как последствия феодальной культуры. Частью благодаря допетровскому отсутствию рыцарской и городской отъединенности, частью благодаря именно петровской реформе, «Табели о рангах» — русское общество было всегда сравнительно демократическим; движение сверху вниз и обратно было, вероятно, сильнее, чем где-либо. В частности, русский армейский офицер был несравненно ближе к обывателю и к разночинцу, а косвенно — и к «народу», чем западноевропейский, напр[имер], в частности, немецкий. Вообще в противоположность довольно таки ходячему положению о двоекультурной противоположности верхов и низов как основы или одной из основ революции можно с большим правом выставить противоположный вопрос: не содействовала ли в некоторых отношениях успеху русской смуты — демократическая пронизанность, малая расчлененность русского общества, отсутствие барского самодержавия, самосохранения и самозащиты. С особой убедительностью этот род мысли развивает в своих уже упомянутых интересных трудах граф Салтыков, доказывающий, что упадок последних десяти лет Империи частью обуславливался и выражался именно в последовательном, так сказать, «омужичении» государства и культуры — в высших их органах и проявлениях. Оставляя в стороне все отдельные суждения в этой области, могущие подлежать оспариванию или возражениям, одно надо признать с полной достоверностью: вульгата о существовании двух культур — допетровской и петровской, низовой и верховой, и в особенности об ее значении в произведении смуты, является столь же распространенным, сколь и необоснованным предрассудком, выдумкой, слишком мало общего имеющей с действительностью.

Этим, впрочем, я несколько не хочу утверждать, чтобы в русском народе не было катастрофических культурных различий и чтобы они не сказались на ходе русской смуты. Совершенно ясно, что столичный интеллигент, посетитель симфонических концертов, любитель Мусоргского, Вагнера и Московского художественного театра, поклонник Ницше, Достоевского, — глубочайшим образом отличается от жителя черемисской или белорусской затерянной деревеньки,

в которую не весь год и проехать-то возможно; ясно, что в странах, где по крайней мере низшая школа обща и обязательна для всего населения, таких безграничных противоположностей нет. Но это не результат несоответствия «петровской» культуры народной, а результат медлительности проникновения первой в народную гущу, обусловленной огромной человеческой массой, огромным пространственным ее распространением. (Смута же причиненным ею падением не снимет, а увеличит эту пропасть.)

Темнота и культурная отсталость обширных частей русского населения имела бесспорное значение в протечении русской смуты. Но все же не она ее вызвала и определила. В частности, совершенно неосновательна евразийская концепция об искусственности, неорганичности петровской, государственной культуры — в противоположность исконной московской, истинно народной, нарушенной Петром. И здесь следует подчеркнуть противоположное. Русское культурное единство, общегосударственное и тем самым общенародное, — сквозь всякие препятствия и отклонения — создается (как, впрочем, и в других странах) на верхах. Для низов же российских, в отличие от некоторых других стран и народов, характерна большая разнородность: наряду с главнейшей массой русской и православной имеется множество численно достаточно заметных масс — не русских и не православных; и не только — других христианских исповеданий, раскольничьих, сектантских, но и вовсе не христианских — мусульманских, еврейских, ламаитских и других, и как это показал проявившийся после большевизма рецидив язычества, сохранялись рудименты и остатки верований и представлений давно прошедших веков.

И точно так же, как в религиозном отношении, — разнородные низы в национальном, притом не только на далеких окраинах. Нельзя же забыть, что в огромной Российской империи Волга, Днепр и Двина уже не окраины, а центр. О разнонациональном составе, о его значении, о значении националистической политики и национального ressentiment² в русской смуте говорилось много. Во всяком случае, здесь дело было не в противопоставлении русско-национально-православных низов искусственно-государственно-чужеземным верхам разнонациональных и разноверных низов

(имевших и свои средние круги, но сравнительно немногочисленные). Общегосударственной культурой была «барская», «петровская» культура верхов.

Бесспорно, в этой разнонациональности заключалась одна из пружин последующего хода смуты, когда пали всякие сдержки, ограничения и дисциплина и развернулся общий максимализм требований и разлился среди других и максимализм требований национальных и националистических. Кроме сознательных требований, имел значение и самый факт разнонационального, разнокультурного и, в частности, низкокультурного состава национальностей. Имело это обстоятельство некоторое значение, вероятно, и в подготовке смуты, в том смысле, что усиливало недовольство, озлобление от тягости войны и пр. Но даже и в этих отношениях следовало бы признать сравнительную второстепенность этого значения, ибо все же эти слои были больше рассеяны на периферии, а не сосредоточены в центрах, где, в сущности, массивом общегосударственных верхов и общерусского населения и решались события. К тому же этого рода явления — национальные, религиозные и культурные разнобой, различия и слабости — явления совсем иного порядка, чем недовольство крестьян к барам, ибо разделение здесь не вертикальное, а горизонтальное. Кроме того, — что сейчас всего важнее — в подготовке основного процесса развязывания смуты, основного активного удара, основной драмы эти явления вообще роли не играют.

Существенный, прагматический, конкретно-индивидуальный процесс причинения смуте произошел в центре, на верхах, вообще — в обществе, был определенно направлен не против бар, а барам против верховной власти и правительства и связан непосредственно и всецело с войной.

Если неверно, что противоположность мужика и барина причинила революцию или хотя бы существенно способствовала ей, а верно, что активные силы и деятели революции были, так сказать, внутрибарские, то, может быть, зато правильно другое положение, усматривающее один из факторов революции в интеллигентской идеологии, проистекающей от декабристов или Белинского.

Необходимо признать огромное, в некотором смысле решающее значение интеллигентской идеологии в дальнейшем протечении смуты; но все же и здесь следует установить, что в ее происхождении, в ее развязывании интеллигентская идеология была ни при чем. Достаточно только припомнить среду и события начала смуты, чтобы убедиться в неправде всех утверждений вроде того, что февральский бунт, наконец, осуществил надежды декабристов, многолетние мечтания передовых русских людей и т.п.

Вся подготовка (сознательная ли или бессознательная, безразлично) Февральской революции шла на почве отношений к войне. «Война до полной победы», неудача, неспособность правительства довести ее до благоприятного конца, «глупость или предательство» высших должностных лиц, а может быть, и еще выше, необходимость передать дело в руки ответственного министерства, которое уже доведет до победы, исправит все действия или, как рассказывает Шульгин, по крайней мере поддержит общественно-народное напряжение до победы союзников на Западе — такова была идейная, агитационная и пропагандная позиция широчайших общественных кругов. Было бы напраслиной приписывать каким бы то ни было деятелям этого периода маккиавелистический план воспользоваться замешательством и военными затруднениями для того, чтобы под прикрытием патриотизма осуществить заветы интеллигенции: воля народу, земля трудящимся или хотя бы парламентаризм. Даже парламентаризм, к требованию которого пришел прогрессивный блок, был связан с предполагаемыми запросами и нуждами войны. Уже самый факт, что на требовании министерства общественного доверия стоял весь прогрессивный блок, включая октябристов и правых, как и тот путь, по которому к этому требованию постепенно пришли за годы войны, как и то обстоятельство, что это требование развивалось, так сказать, параллельно заговорщицким планам против царя, — бесспорно обнаруживает и происхождение, и смысл этой идейной динамики: она шла от патриотической военной задачи, преследовала цель победы. С идейностью русской передовой интеллигенции, с задачами внутреннего устройства, с вопросами народного блага и общественной справедливости это ни малейшей связи не имело.

Конечно, патриотический протест выродился в протест политический и более или менее по обычной общественной формуле (министерство общественного доверия), заразив со(нрзб.) все общество вплоть до крайне правых. В этом смысле это было в подготовке развала — торжество Милюкова, стоявшего во главе прогрессивного блока. Тем не менее торжествовала идея политическая — «кадетская», мало характерная для русской интеллигентской традиции, искони гораздо более определяемой идеями народного блага, даже свободы от власти, чем формами политического самоуправления. Главное же — эта идея указывала лишь путь достижения цели, не — самое цель. Как за средство общество ухватилось за ставший привычным (со времен освободительного движения) лозунг; но этим средством оно собиралось осуществить не исконные интеллигентские цели — от декабристов до социалистов — а цели военно-патриотические.

Если не ограничиваться идеями, выставляемыми и руководившими вождями, а взять их в среде их распространения, то мы опять-таки увидим, что и здесь смысл и динамика заключалась все в том же. Знаменитая речь Милюкова 1 ноября 1916 года встретила восторженный отклик в стране не потому, что взывала к воле и обещала землю, а потому, что разоблачала предполагаемую глупость или измену военную высших кругов вплоть до двора. Если после удара начала марта внезапно появились свободы и их превознесение, то это был своеобразный результат уже стрясающейся смуты, привнесенный в нее интеллигенцией, а не вынесенный из нее. Смута подготавливалась во имя интересов войны и победы, а не во имя интеллигентских идеалов.

Давно пора разоблачить и другую легенду, усиленно подерживаемую до настоящего времени, будто общество делало попытку мирного разрешения и, например, будто прогрессивный блок был последней попыткой спасти от революции. На самом деле он был острым оружием произведения таковой. В этом отношении, конечно, не Милюков вызывает удивление, в котором пути и приемы старого оппозиционера и полуреволюционера могли, конечно, даже и полусознательно заслонять перспективы; но поистине поражают своей слепотой правые участники прогрессивного блока. Последующее показало, какие люди прочились в спа-

сители России; в частности, глава нового правительства князь Львов слишком явно впоследствии показал меру своей непригодности. Что за страшная гримаса истории — вести отчаянную борьбу, чтобы дать власть князю Львову, к власти и вообще не способному. Но и независимо от личной непригодности и лиц, облеченных «общественным доверием», — детской была сама идея общественным доверием выиграть войну — при сохранении прежней политики до «победного конца». В самой основе своей этот лозунг под видом делового имел специфическое и только демагогическое значение; воздействие на психологию, а не на объективность. Между тем во имя его ставилась на карту история страны.

Прогрессивный блок, уединив верховную власть и поставив ее перед требованием не уступок, а капитуляции, устранил саму возможность воздействия на власть, влияния на правительство, контроля над деловой стороной происходящего. Он поставил вопрос о всецелом фактическом уходе царя и двора от власти, о всецелой передаче власти ему. Чтобы власть поддавалась и уступала — это, конечно, было мыслимо, но чтобы верховная власть во время войны капитулировала, устранилась, — это и психологически, и государственно было без революции невозможно. Теперь-то мы прекрасно знаем, что самоуверенная требовательность общества была ни на чем не основана; что общество обнаружило полнейшее неумение справиться с трудными историческими обстоятельствами. Львов — как спаситель России, Милюков — как дипломат, Шингарев — как организатор финансов, Шульгин — как государственный тактик, теперь мы слишком хорошо знаем, что это значит. Но даже если бы этого и не было, все равно капитуляции верховной власти не бывает иначе, как перед силой. У прогрессивного блока своей силы не было. Сам он мог расшатывать, изолировать, возбуждать, но не победить. Он и расшатывал и так еле стоявшую власть; возбуждал и так возбужденную массу, пока не появилась бунтарская сила, которая и снесла подорванную власть, но и — самого подрывателя.

Суть работы прогрессивного блока заключалась в том, что он отрезал все пути влияний и воздействий на двор, требуя его капитуляции. Но возможно ли было какое-либо влияние? Может быть, и нет, — но оно, во всяком случае, было

и отсечено. История с Протопоповым лучше всего это обнаруживает. Пусть Протопопов был полумалишенным и пролез в доверие благодаря распутинской рекомендации. Не следует забывать, что этот полумалишенный был только что представителем общества, Думы перед Западной Европой, представителем либеральной общественной России и перед союзниками (как товарищ председателя делегации, посланной в Европу); объективно его назначение министром должно было быть понято как уступка власти обществу, Думе, как нащупывание почвы для общего действия; между тем принятие поста министра Протопоповым было встречено как предательство бешеным негодованием прогрессивного блока, ибо для него всего важнее было отрезать все пути к власти, всякие компромиссы или переходные этапы. Не в том дело, что Протопопов был полусумасшедший, — назначение министром паралитика всецело ложится на ответственность Думы, только что обозначившей его своим излюбленным человеком. А дело было в том, что этим как будто создавался компромисс, частичное сотрудничество Думы и верховной власти, нарушение ее изолированности, которое при успехе могло бы привести не к устранению, а к закреплению сотрудничества. С точки зрения воздействия Думы на власть естественно было поддерживать министерство думского товарища председателя (как в печати это осмелился сделать Бикерман, после этого вышедший из газеты, в которой работал), а для прогрессивного блока министерство его сочлена было предательством, ибо оно не искало воздействия на власть, а изоляции ее, не делового сотрудничества, а капитуляции. Но капитуляцию надо вынудить; вынудить можно только силой; значит, орудием прогрессивного блока могла быть только сила, направленная против верховной власти, т.е. — восстание. Власть и капитулировала, когда эта сила появилась, но капитулировала не перед блоком, а перед бунтом.

Это было настолько ясно, что в 1916 году мне пришлось писать (в «Северных записках») о бесплодии и нелепости прогрессивного блока, аргументируя именно тем, что не стоя на революционной позиции, он отрезал все пути сношения с властью, чем обрек себя на полное ничтожество. Помнится, подобную же точку зрения отстаивал и Керен-

ский (также статьей в «Северных записках»). Но я ошибался, прогрессивный блок оказался не ничтожен, а огромной силой, и именно потому, что был на бунтарской позиции.

Легенда сложилась такая: общество (прогрессивный блок) стремилось к тому, чтобы в целях успешного продолжения войны мирным порядком избежать катастрофического выхода из положения; однако, когда катастрофа стряслась, оказалось, что оно именно этим путем завоевало заветные свои вековые идеалы (свобода, народоправство, земли трудящимся и пр.). Сами утверждения эти уже противоречивы в своем содержании (стремились к внутреннему миру и внешней победе и революцией достигли внутренних целей и внешнего поражения); кроме того, оно ложно в обеих своих частях. Общество не завоевывало своих идеалов, а боролось против неудачного ведения войны; боролось же оно не мирно, а ведя к революционному или заговорщицкому взрыву. Взрыв этот и произошел и, конечно, уничтожил возможность какого бы то ни было ведения войны. Общество — включая и правых — проявило полнейшую незрелость, избрав средства, прямо уничтожающие цели, и пути, ведущие в сторону, противоположную желаемому направлению. Пути и средства были частью действительно продиктованы одной из интеллигентских традиций (кадетской, либерально-демократической) и овладели общей волей благодаря всеобщей растерянности и политической государственной невменяемости (см. свидетельство Шульгина в его «Днях»), частью же возобновили гвардейскую традицию XVIII века. Но цели были несколько не интеллигентские. Декабристы и Белинский были здесь ни при чем.

III

Другой взгляд на причины революции усматривает ее в тяге народа к самоопределению, к самоуправлению, к осуществлению личной инициативы — тенденция, по мнению С. Франка, составляющая положительную суть революции, каковую при ее разрешении необходимо учесть и удовлетворить.

Должен попутно отметить, что эта рецензия эсеровской догмы приводит у Франка к странному противоречию с его другими взглядами. Эта народная тенденция для него явля-

ется едва ли не решающей; он ее санкционирует и предлагает с ней бережно считаться и осуществить ее в целях благополучного выхода их смуты. Но вместе с тем оказывается, с другой стороны, что переход к самочинности на Западе, вызванный ренессансом и реформацией, и приводит к упадку и оскудению, причем от полного падения там удерживают лишь остатки старой католической, церковной, дореволюционной, досветски-самочинной дисциплины. Откуда же эта тенденция взялась в России, при господстве, с одной стороны, религиозной святости, с другой — анархической светскости? И уж совершенно непонятно, почему это явление, признаваемое столь отрицательным на Западе, пользуется сочувствием в России; почему он не мечтает искоренить его религиозным возрождением, а всячески рекомендует поддержать и осуществить, как спасительный выход и вывод из революции. Не более понятно, почему это явление на Западе представляется продуктом разрушения религиозного уклада, а в России — явлением светлым, осуществление коего как-то совмещается с возгоранием религиозным. Но не на этих противоречиях, подрывающих саму основу взглядов С. Франка, хочу я сейчас остановиться.

Суть в том, что о тяге к самостоятельности, инициативе и самоопределению невозможно говорить применительно к тому военному времени. Люди были измучены войной на фронте (огромное дезертирство), измучены бездельем и ожиданием посылки на фронт в тыловых казармах. Рабочие, даже хорошо зарабатывая на заводах, были удручены своей прикрепленностью, пользовались отсрочками, но стояли под угрозой лишения их; все более пожилые возрасты призывались под ружье, явным образом без толку, и все новые годы ожидали ежедневно дальнейшего столь же ненужного призыва. К ведению войны было полнейшее недоверие, углубляемое в особенности думской оппозицией. Власть была лишена всякого авторитета и уверенности; когда конные части разгоняли в Петербурге волновавшееся население, им кричали: перед врагом бежите, а нас расстреливаете. Огромное множество семей потеряло своих близких или ежедневно тревожилось за них. Жизнь становилась труднее, и это было внове. Деревня имела против мирного времени лишние деньги, питалась лучше обычного и не имела

надобности продавать хлеб; в городе хлеб становился проблемой, затруднения перевозок лишало города нормального количества предметов потребления. Острое затруднение перевозок, вызванное метелями, ухудшило в феврале положение городского населения; перед лавками стояли хвосты. Распределение населения было абсолютно ненормально: в особенности огромное количество бездельных призванных в городах; мужчины на заводах, в деревне женщины, дезертиры по путям, масса высланных из военной полосы и беженцев без нормальной жизни, в непривычных и частью безмерно тяжелых условиях (вспомним путаницу с эвакуацией промышленности и массовую эвакуацию еврейского населения). Трудно себе представить более противоестественное распределение населения в стране, в то время как огромное количество мужчин стояло на фронте и передвигалось на фронт. Картина была неоднократно нарисована и для полной точности еще ждет соответствующих статистических изысканий.

Но известно достаточно, чтобы установить: ни о какой тяге к самоопределению, личной инициативе и проч. и речи быть не могло. Если бы даже такие чувства и тенденции развивались в довоенные годы, они за три военных года поблекли, были забыты; ни на фронте, ни в запасных казармах, ни на заводах, ни в деревнях — никаких подобных позывов не только не было, но и быть не могло. Это — отвлеченная фантазия, задним числом приуроченная к делу. Настроение было другое: наверху заботились о продлении войны до победного конца, а внизу (а может быть, и всюду) по-разному изнывали от тягот ее неудач, сознательно или бессознательно, прямо или косвенно переживая одно и то же: когда же конец.

И так же, как тяга к самоопределению была ни при чем в причинении смуты, так же ни при чем был и будто унаследованный от освобождения крестьян аграрный вопрос. Уж на что огромный фактор русской жизни русская идеология в дальнейшем протечении смуты. Но в военное предреволюционное время и этот фактор явно бездействовал. Другие тяготы заслонили «малоземелье». Для миллионов и миллионов вопрос стоял об аршинах на могилу, да и тех не надо было в могиле братской, а не о десятинах на дворе; в тылу

же, на земле, — деревня по исключению сравнительно благоденствовала.

Все условия русской жизни были целиком опрокинуты. Бездействовали, молчали, исчезли постоянно действовавшие факторы русской истории, русской идеологии, если хотите — русской революции; и в игру пришли совершенно особые мотивы и двигатели, и притом не на мгновение, а на годы, и не мелком, а под страшным давлением и с исключительной интенсивностью. От мирного времени оставались главным образом двор и Распутин — сочетание, столь исключительно злобредное и при наилучших условиях, столь трагическое при военных, немало содействовавшее развитию смуты, но, опять-таки, столь сильно ей способствовавшее в военных, а не в мирных условиях.

Разбор некоторых толкований происхождения русской революции приводит нас к одному выводу. Необычные факторы русской истории вызвали смуту; наоборот, они бездействовали в эпоху войны. Смута вытекала не из органического развития русской жизни, не из ее постоянных, длительных процессов, а из совершенно специфических условий военного времени. Смута выросла из факта и духа войны. Это не обобщение, не распространительное толкование. Это суммарное описание прагматической, конкретной, индивидуальной деятельности.

IV

Сейчас едва ли кто-либо отрицает значение войны в произведении смуты. Но чаще всего даже и признавая его немедленно об этом забывают, возвращаясь к традициям декабристов или аграрному наследию освобождения крестьян. Война лишь обострила-де, проявила и без нее происходивший процесс; кроме того, и саму войну ведь можно рассматривать как один из результатов внутренней истории страны. Таким образом, она оказывалась бы только проявителем, орудием или резонатором внутреннего хода истории.

Подобное отношение войны к революции вполне мыслимо, мы имеем пример этого в Японско-русской войне;

но только к Великой войне оно неприменимо. Выше беглыми намеками, думается, достаточными для нашего поколения, непосредственно пережившего военное время, я старался воспроизвести атмосферу и условия той эпохи, трудности, бедствия и разлад которой шел не от русского прошлого — из условий военных. Иначе было в японскую войну. В сущности, она русскую жизнь непосредственно затронула чрезвычайно мало. Мобилизации были сравнительно ничтожны. Громаднейшее большинство народа оставалось на местах, как раньше, и жизнь продолжалась прежняя. Хозяйственные затруднения, непосредственно от войны проистекающие, были мало заметны; тыловые части не играли никакой роли, беженцев никуда не переселяли. Для громаднейших масс жизнь реальная, подлинная, обыденная шла как ни в чем не бывало; далекая колониальная война непосредственно и массовым образом сказывалась преимущественно через печать, через слухи, через сознание — морально. Внутренняя оппозиция продолжалась как ни в чем не бывало, как и внутренняя пропаганда и борьба, отнюдь не сменившись военной идеологией или военными бедствиями. Здесь действовала война через сознание, роняя авторитет власти, правительства, подчеркивая непригодность строя, всячески его пороча. Здесь действительно война только обостряла внутренние без нее протекавшие процессы, почти ею не измененные, и этим ослабляла, подрывала положение правительства.

Но не только японская война не изменила внутреннего течения русской жизни, а лишь подчеркнула ее слабость; в отличие от Великой войны, ее совершенно правильно считать и самое производным, и, следовательно, орудием русской внутренней истории. Конечно, для того, чтобы произошла Русско-японская война, нужен был соответствующий рост Японии; но столкновение с ней было обусловлено исконным распространением Российской империи, виттевской дальневосточной тягой, Сибирской железной дорогой, с одной стороны; с другой — авантюрами, складывавшимися около двора (Безобразовские предприятия), и сознательной политикой (Плеве), искавшей выхода и противодействия возраставшему освободительному движению в легкой внешней победе. По разным линиям вытекала японская война из

внутренних тяготений русской истории вообще и из борьбы с освободительным движением, т.е. из него же, — в частности, она была лишь его этапом.

Совсем иначе обстояло дело с войной Великой. Я не буду отрицать, что русская иностранная политика, в особенности политика балканская, несет долю ответственности. Может быть, при иной дипломатии мыслимо было бы и избежать войны в эти годы. Тем не менее в основном можно сказать, что в этой войне Россия была ни при чем и что война для нее никакого значения не представляла. Сама идея приобретения Константинополя (оставляя в стороне, в какой мере и вообще он в данную эпоху был для России полезен или возможен) появилась позже. Россия совершенно бесспорно раскинулась свыше меры своей внутренней устойчивости и нуждалась во внутреннем закреплении и наполнении, а не во внешней экспансии (такова и была до войны политика оппозиции, от которой во время войны Милюков перескочил к противоположной). Великая война в первую голову обусловлена совершенно чуждыми России интересами и событиями: разрастание германской мощи, англо-германское соревнование, франко-германская вражда, внутреннее австрийское строение, балканские столкновения и другие более мелкие. Только в балканской точке Россия вообще-то и соприкасалась со всей этой сетью грандиозных проблем, ей по содержанию чуждых. Но какова бы ни была ее связь с балканской проблемой и тем самым причиной войны, во всяком случае, и объем напряженности, длительности, и сам срок войны — все это определялось посторонними, чуждыми ей силами. Точно так же и протечение, и исход войны стояли в связи со множеством значительнейших сил внешних и посторонних России. В этом смысле Великая война ни в малейшей степени не была производным внутренней русской истории и вообще «привзошла» к ней извне — из судьбы германской и великобританской империи, Франции, Австрии, Америки. И потому — воздействие ее на русскую историю было внешним и в этом смысле не органическим, а случайным, механическим.

В более широком объеме — европейской истории — эту войну можно признать органически обоснованной; да и то мне пришлось пояснять в своей книге «Сумерки Европы»,

что ее судьбы определились даже и не европейскими отношениями, а сплетением европейских отношений с мировыми. Но для России она была внешним, механическим, в историческом смысле случайным потрясением — случайным оглушительным ударом, обрушившимся на страну и вызвавшим в ней распад.

Если мы теперь припомним те схемы возможного распада, которые я приводил в статье «Революция и смута», то не трудно будет убедиться в том, что мы пришли к представлению о происхождении русского распада по типичной схеме смуты. Не изнутри произошла она, не органическим нарастанием определенных социальных содержаний или оскудением их, а — механическим ударом внешним и в этом смысле случайным; не разрывом организационной формы от нарастания внутренних запросов, а распадом формы в связи с беспорядочным распределением социальных содержаний; не от избытка новых сил, а от непосильности внешних тягот.

Надо подчеркнуть, что в этом смысле смута — смятение, разнობой, смещение содержания — произошла не в результате разразившегося бунта, а наступала уже прежде, еще при сохранении порядка создавалась всем протечением войны. Жизнь общества протекает в организационных формах разных видов — государственных, хозяйственных, профессиональных, семейных, культурных, в сложной согласованности их с нравственным укладом, привычными воззрениями. Общая организованность именно и поддерживается сложным сплетением, сознательным согласованием и бессознательной связностью всех этих организационных рамок. В Великую войну все это было нарушено. Во всех плоскостях жизни произошли явления глубочайшей противонормальности, так сказать, длительное установление социальной нежизнеспособности. Психически — миллионы людей погрузились в разрушительнейшее духовное состояние. Семейно — миллионы семей были рассеяны и разбиты. Демографически — миллионы мужчин были собраны вместе, где им нормально нечего делать, причем части даже во время войны; мужчины были без женщин, женщины без мужчин; старики и дети без взрослых, взрослые без детей и стариков.

Хозяйственно — работали частью не те, кто нормально работает в данной области, работали не то и так, как в уравновешенном строе. Словом, люди, организация, работы, занятия — сбиты, сдвинуты с нормальной организованности.

Вся эта дезорганизация (по отношению к нормальному самосохранению данного общества) держалась особым, искусственным порядком военного времени, который должен быть тем более суров, строг и напряжен, чем более грандиозный человеческий и хозяйственный материал он должен сдерживать в неестественном, дезорганизованном положении. Положение и задача были во всех странах, ведших войну, одинаковыми; не удивительно, что по условиям русских размеров, численности, расстояний, обычно слабой организованности, малой дисциплинированности и культуры, при подрыве авторитета власти — дезорганизованность оказалась большей и задача поддержания искусственного военного порядка более трудной, чем в других странах.

Как только был удар нанесен в голову этой временной нарочитой организации, сдерживавшей огромное разорганованное население с разорганованными функциями, — так оно должно было немедленно начать распадаться. Специфически военная организация уже с трудом удерживала огромную, механически сдвинутую массу даже пока была еще цела, но как только оказался сорванным ее высший центр, так она немедленно выпустила из своих рамок свое содержимое, к тому же и в этих рамках бывшее уже дезорганизованным. И в других странах возвращение от военных к мирным условиям казалось и было чрезвычайно трудно. В Германии, где этот процесс произошел не в победоносном порядке, а в смятении поражения и падения верховной власти, он также привел к длительной смуте (исход из которой был, однако, совершенно иной, чем в России, не только в силу различия народов и культур, но и в силу того, что там задача стояла только мирная, а в России — в наступившей смуте — сохранялась и задача военная). Смута была предуготовлена в недрах военной реорганизации общества и с ее нарушением вышла наружу, когда военная задача еще сохранялась. Удар, нанесенный Петербургу, таким образом, действительно и буквально разрядил смуту. Та схема ее, которую в отвлеченном социологическом виде я выводил в прошлой

статье, с полной точностью, в классическом образце, разразилась в конце февраля 1917 года. Русская смута по своему происхождению была подлинной смутой.

V

Если русская великая смута произошла из факта и духа непосильной и неудачной войны, то было и еще одно условие, ее определившее, — это тот момент русской внутренней истории, в которой война разразилась.

После беспримерных бурь и разрушений в последнее десятилетие мы теперь склонны забывать о десятилетии предыдущем, видевшем освободительное движение и последовавшую полосу реакции против него. Между тем оно имело исключительно важное значение и для нашего времени.

Сейчас под впечатлением последних событий едва ли не большинство склоняется рассматривать ту предыдущую революцию — освободительное движение — как простую репетицию настоящей, как то же самое, только в меньшем размере, благополучно прерванное, в отличие от теперешнего движения, докатившегося до конца. Думаю, что это обман зрения. Освободительное движение глубочайшим образом не сходно с великой смутой, хотя и имело для нее огромное значение.

Одну черту различия — разное отношение к ним одновременных с ними войн — я уже отметил выше. Но это лишь проявление более глубинных различий. Суть в том, что освободительное движение развивалось по типичной схеме революции, было таковой, хотя и прерванной. Оно было вызвано несоответствием новых социальных содержаний — развитием крупных городов, крупной промышленности, быстро и широко распространяющегося образования, повышения культурного самочувствия и пр. — старой государственной, правительственной форме самодержавия, к тому же опускавшегося именно потому, что оно теряло соприкосновение с живыми потребностями жизни и потому претерпевало постепенную деформацию. Содержание переросло форму, форма себя отстаивала как таковую специальными организационными приспособлениями, гипертрофией ведомства внутренних дел, в нем — департамента полиции,

в нем — охраны; институтами административных воздействий, чрезвычайных положений, третьего пункта и пр.³ Это ненормальное положение вызвало всеобщее, всенародное напряжение борьбы против болезненно давившей, устаревшей формы. Интеллигенция в литературе, общество в ученых, культурных, даже благотворительных учреждениях, на стыке общественности и государственности — земское движение, студенты в университетских волнениях, рабочие в грандиозно нараставшем забастовочном движении, крестьянство в аграрных беспорядках, спорадически вспыхивавших; к этому присоединялся революционно интеллигентский террор, переливавший за края индивидуально организованных актов. Борьба с этим движением (помимо мер внутренней репрессии) привела к японской войне, которая кончилась еще пущим обнаружением слабости и непригодности строя. Здесь не место исторически излагать эти систематически упоминаемые категории. Нарастание давления шло совершенно логически, пока не привело к октябрьскому (1905 года) штурму всеобщей забастовкой. Одновременно — как происходило при всякой подлинной революции, как имело место и во Франции — совершалось всецелое сосредоточение всей духовной жизни на общественных препятствиях и напоре; можно сказать, что революционная маниакальность, чрезвычайно культурно зловередная, но психологически неизбежная, была всепоглощающей. Все было приурочено к революции, к «долгой самодержавие». Всякие теории и воззрения, откуда бы они ни шли в русской интеллигенции, приобретали революционную и «долгой-самодержавную» окраску. Марксизм через теорию предварительной буржуазной революции приспособлял к политической задаче и хозяйственные требования рабочих. Народничество, некогда даже противоположное течение, сосредоточилось на терроризме. Либерализм естественно шел против самодержавия; но даже и эстеты были революционерами; богоискатели сближались или кокетничали с эсерами; мистики были мистическими анархистами. Все было устремлено в одну точку; все душевно было гипертрофированно применительно к ней. В России развертывалась типичная революция.

Когда эта точка поддалась (Манифест 17 октября, впрочем, подготовленный рядом других актов), движение начало спадать. Здесь не место разбирать, почему это произошло, какие были обществом и властью сделаны ошибки и прегрешения.

Надо, однако, отметить, что прекращено оно было приблизительно по осуществлению (хотя бы частичном) своей объективной задачи. Свобода печати, собраний, союзов была в основном добыта и сохранена; идея и факт представительства, ограничение самодержавной власти народными выборными были — хотя и существенно урезанными — добыты и сохранены; в некоторой степени было завоевано и национальное уравнение. Здесь действительно были завоевания революции.

Естественно, что напряженное движение, остановленное насильно, разбилось, перешло в мелкую тряску — как всякое движение, остановленное, переходит в колебание молекул, в теплоту, в жар. К тому же революционное движение, как было отмечено в прошлой статье, естественно вызывает как свое производное — явления смуты. Отсюда в результате освободительного движения, как сопровождающее его или производное явление, — и погромы, и разгромы, развал и хулиганство разного типа. В обществе поражение (задержка) массового движения вызвало разочарование, отчаяние, истерику. (Максималист Энгельгард объявил Россию «фефелой».) Большинство интеллигенции, бросив старые идолы, лозунги, выкинутое из былой колеи и не имея новой, оказалось на духовной мели и взбаламученную революцией энергию или возбуждение направило в русло личной жизни, эротике (Арцыбашевский «Санин»); часть молодежи предалась огарничеству. Эстетизм был высшей формой разочарования; эстетическое упадничество отвечало душевному укладу.

Но одновременно шел и другой процесс. Переход массового движения в индивидуальное дает не только жар хулиганства, огарничества и эротике (это только больше бросается в глаза), дает и тепло индивидуальной работы. Поворот от сыгранной — для многих проигранной, во всяком случае, разыгранной — революции привел к критике, к поиску новых идей (к этому времени относится движение «Вех»). По-

мимо того, — как последствия развязанной революцией энергии — пошла огромная работа, не видная, мелкая, молекулярная; работа хозяйственная — экономисты признают огромный подъем производительности (напр[имер], крестьянской) в эти годы; культурной — пошло быстрое насаждение низшего и среднего образования; в университетах стали ко времени войны работать как никогда.

Словом, после жестокого кризиса страна изживала его последствия — как в судорогах и уродливых явлениях молекулярного распада, так в клеточных движениях строительства и напряжения. Всего хуже обстояло дело с верховным представительным учреждением. Следует в большой минус Столыпину поставить не столько его *сoup d'état*⁴ с Государственной Думой — в составе первого созыва она была явно нежизнеспособна, — но то, что в результате своего *сoup d'état* он создал представительное учреждение, совершенно недееспособное. Можно было урезать, сократить, умалить Думу, но раз она оставалась, а ее следовало обязательно оставить, — ее надо было оставить дееспособной в своей, хотя бы урезанной, компетенции и составе. Дума же осталась каким-то безнадежным тупиком. При всеобщем падении к ней интереса происходила непрерывная демонстрация беспредметной неудачности этого устройства, но вместе с тем и неудачности установившегося строя.

Таким образом, страна переживала в общем период, схожий с периодом *reconvalescence*, постепенного возвращения к здоровью. Она еще была слаба, некоторые важные функции плохо работали, организм еще не выбросил всех продуктов распада, но уже шла и молекулярная клеточная работа восстановления и устранена была главная болячка, приведшая к кризису.

Эту картину послереволюционной России (длившуюся меньше десятилетия — 1906–1914 годы) я напомнил потому, что она была и предреволюционной, — послеосвободительная Россия была Россией предсмутной; это чрезвычайно важно для понимания нашего времени. Мало того, что война, родившая смуту, постигла Россию извне, механически, случайно. Но вдобавок этот случайный удар постиг Россию в эпоху ее исключительной послереволюционной слабости, когда она еще не пришла в себя от потрясений и перелома.

Исторически это совпадение было сугубой случайностью. Не было бы случайностью, если бы какая-либо держава воспользовалась японской войной или освободительным движением для того, чтобы Россию втянуть в войну. Но этого не случилось. Но скрещивание двух самостоятельных линий — внутренней судьбы России с внешней для нее судьбой германо-английских, франко-германских и других отношений — оказалось в точном смысле слова исторической случайностью. Будь война на десятилетие позже, когда Россия оправилась бы от последствий освободительного движения, — и иными были бы судьбы России и мира. Бесспорно, надо признать глубоко ответственными государственных деятелей, которые начиная с 1906 года не вели изо всех сил и во что бы то ни стало политики мира, как этого хотел и Витте, и оппозиция, и Распутин. Было слишком наглядно, что в этой своей стадии России нечего искать за своими и так безмерными границами, и наоборот, все нужно было создавать внутри.

Не только роковое значение имело для России совпадение внешних непосильных тягот с внутренней слабостью, но и сама довоенная Россия представляла еще неустановившийся порядок, заключала в себе не рассосавшиеся остатки после освободительного расстройтва.

И именно в двух главных отношениях можно отметить смутный, ненормальный характер русской довоенной государственности: во-первых, по отношению ко двору, во-вторых, в пределах интеллигенции.

Думаю, что для понимания поведения двора и отношения к нему общества значение имеет не только понимание личных свойств деятелей, но и то, что они пережили революцию 1905 года. Двор был отравлен памятью этого времени. Отношение государя и государыни к людям, деятелям, учреждениям и событиям (примерно к Думе, к Витте, Милюкову, Гучкову и пр.), бесспорно, диктовалось неизжитыми воспоминаниями недавней борьбы; и точно так же отношение разнообразных кругов к государю и двору носило характер реминисценций, старой *gancine*⁵ за недавнее подавление революции. Еще не сошли со сцены ее деятели, не погасли

чувства и оценки, то, что немцы называют *Einstellungen*⁶ того времени. Едва ли можно сомневаться, что не будь этого, иначе шло бы развитие думско-придворных, придворно-общественных отношений. Примерно говоря, из реминисценций 1905 года вышел прогрессивный блок больше, чем из условий войны. Лозунг министерства общественного доверия был скорее оживанием не умершей памяти, чем требованием времени.

И не менее важно было и другое: состояние интеллигенции. В идейном смысле она находилась, так сказать, в полной беспризорности. Критика и самокритика только еще начинались, но далеко еще не успели овладеть сознанием и привести к какому-либо новому убеждению. Старые идеалы, лозунги и идеи, привычные ходы мыслей были подорваны, и надорванная интеллигенция частью ушла в личную жизнь и деловую работу или просто отошла, ни к чему не перейдя. Нельзя сказать, чтобы старые идеи и убеждения были брошены. У большинства (даже революционеров, марксистов и других) они просто потускнели, заглохли, отмирали. Политическая интеллигенция, политическое общество было отработанным паром прошлой революции без живой идейности. Но старые лозунги, полузабытые и привычные, — и без применения оставались тут же в памяти; жизнь шла без них и вне их, но люди еще называли себя социал-демократами и социалистами-революционерами, хотя уже не были ни теми, ни другими, а только сохраняли старый этикет. Жизнь шла сама по себе, еще не выработав своих каких ни на есть идей, убеждений и чувств. Мы еще увидим, как эта послеосвободительная духовная разбитость интеллигенции сыграла огромную роль хотя и не в происхождении, но в дальнейшем протечении смуты.

Словом, дело было не так, что смута наступила по линиям, имманентным русской истории, и даже не так, что вот, мол, были определенные факторы русской истории, а вдруг разразилась смута, с ними не связанная и не из них вытекающая. А дело было так, что уже за десять лет до смуты прерванными оказались линии русской истории, прерваны кризисом освободительного движения, и частью с ними закончились, частью спутались, частью еще не связались в новые или хотя бы те же направления, частью беспомощно и вяло про-

должались без внутреннего напряжения, частью еще только налаживались; и в это переходное состояние вторглась беспримерная война, все и всех перетасовала, выбила из колеи, нанесла тяжкие раны. Февральская смута вытекла не только из непосильной войны, но из непосильной войны, обрушившейся в десятилетие пореволюционной слабости.

VI

Анализ подготовки смуты показывает, что это была действительно смута, а не революция — вывод отсюда не терминологический и отнюдь не формально-теоретический, а содержательно-социологический, ибо дает опору и исходную точку для понимания и освещения дальнейших событий и предвидения общих линий грядущего.

Поскольку он правилен, он должен найти подтверждение и в отрицательном анализе, в установлении отличия подготовки смуты от обычной схемы назревания революции. Чтобы не повторяться, отмечу эту сторону в кратких чертах. Революция, т. е. органический процесс разрыва устарелой формы новыми выросшими в ней социальными содержаниями, предполагает, как мы видели, сосредоточение всеобщего внимания на той стороне старого строя, которая мешает развитию новых содержаний, сведение на нее причин всех бед, создание соответствующей идеологии и ее маниакальное нарастание, нарастание в действиях и «оказательствах» (демонстрация, покушение и т.п.), направленных в ту же сторону, все возрастающее и доходящее до разрыва старой формы, — общую сосредоточенность, хотя и с разными темпами и с разным напряжением в одном направлении. Так схематически происходило дело во Французскую революцию и в русском освободительном движении. Если бы и развал 1917 года носил революционный характер, то и здесь должно было бы происходить то же, а именно эти процессы должны были быть направлены на ту точку, которая разрывом и была достигнута, а именно — на уничтожение монархии, на отмену земельной собственности, частной собственности вообще и пр.

На самом деле ничего подобного не происходило; республиканская или социалистическая идеологии не только

во время войны не расцветали, но блекли и до войны; движений рабочих, или крестьянских, или студенческих в этом направлении не наблюдалось ни во время войны, ни до войны (как это имело место при освободительном движении). Огосударствление разных отраслей жизни шло ввиду обстоятельств военного времени сверху, в государственном порядке, а вовсе не требовалось снизу вопреки власти; свободы вовсе не стояли в центре общественных запросов. Словом, то, что выставляется достижением мартовского переворота, что было (или хотя бы казалось, или хотя бы преходяще установилось) или выставлялось как достижение переворота, не было решительно ни в какой связи с подготовительным процессом. Неизбежного для революции органического нарастания и устремления к тому, что ее разрядом и осуществляется, здесь не было.

И однако, некоторый аналог революционного процесса можно и здесь отметить, но отнюдь не направленного против строя государственного или социального, а направленного против войны. Действительно, недовольство охватывало последовательно все общественные и народные круги, верхи и низы, фронт и тыл, солдат и баб — недовольство неудачами и тяготами войны, вменяемыми ее верховному руководству. Начались в этом отношении и «оказательства» — как в солдатской среде, так и в интеллигентской; особенно же решающее значение имела по своей звучности среда думская (речи Милокова, Пуришкевича, Маклакова); «оказательства» переходили в заговоры против царя и в террористический акт (против Распутина). Пожалуй, это можно так формулировать в вышеустановленных терминах, что это была своего рода *р е в о л ю ц и я п р о т и в в о й н ы*. Ясно, в какой мере таковая ничего общего не имеет с революцией в государственном, социальном смысле внутреннего переоформления; ничего общего не имеет с осуществлением вековых «чаяний свободы» общества или «алканием земли» народа. В перспективе жизни государственной, истории общества и народа это было, как выше установлено, типичной и бесспорной смутой.

Добавочно характерная черта может быть здесь отмечена в следующем. И в предреволюционные эпохи разные слои и классы хотят разного, но все же их желания и дейст-

вия в некоторой степени до известной точки однозначны и однонаправлены; эта точка и достигается революционным процессом. В революции против войны или против ведения войны разные слои хотели противоположного: одни воевать успешнее, другие — вовсе не воевать. Верхи и Дума бунтовали, чтобы вести войну «до конца»; низы — чтобы положить конец войне. Ясно, что эта противопоставленность сил противовойны революции и усугубляла смутный, смутянский характер всего движения. Общее массовое (солдатское, крестьянское, обывательское) напряжение нарастало против бедствий и трудностей военного времени, а руководящие круги опирались и вздували это движение — во имя войны. В этом и сказывалось неревolutionное однолинейное движение и смутянский разнотой.

Может быть, нет более характерного показателя этого отношения, чем тактика думского крика против власти и особенно объяснение ее лидером правых Шульгиным. Если Милоков вел соответствующую кампанию, то в этом, как уже отмечалось, сказывались реминисценции освободительного движения. Но Шульгин и правые примкнули с таким мотивом: кричать против власти и ведения войны возможно громче, чтобы не кричал народ. Другими словами, они знали, что народ недоволен и кричит, знали опасность этого крика, считали нужным его успокоить и прибегали для этого к средству, которое заведомо и бесспорно является наиболее мощным разрядителем общенародного крика (думская оппозиция), ибо всего слышнее, всего заразительнее и убедительнее. Заглушить крик они хотели, увеличивая его.

Аналогичное можно сказать и про убийство Распутина. Прикосновенные к нему люди сообщают, что участие в нем великого князя, притом явное для всех, нужно было для того, чтобы отнять у убийства ядовитое жало по отношению к царской семье. Другими словами, они прекрасно понимали антимонархический соблазн подобного убийства и хотели его парализовать участием в нем царского родственника как бы нарочно для того, чтобы продемонстрировать династический распад.

Если революции предотвращаемы заблаговременным осуществлением нового социального содержания, быющегося против устарелой формы, — то здесь «революция» могла

быть предотвращена лишь прекращением источника недовольства и квазиреволюционного процесса — прекращением войны. Неважно сейчас, было ли это возможно или нет; достаточно сказать, что именно сама эта задача и была неприемлемой для «революционных» верхов, вызывала их главные страхи и опасения (от генералов до конституционных демократов, от Пуришкевича до Милокова). Наоборот, они стремились усилить войну, т.е. причины недовольства, начинавшегося развала. Словом, если в революции заблаговременная уступка несколько приостанавливает движение, то здесь она бы его увеличила (среди части революционеров — среди верхов). Вместе с тем если в революции движение направлено против (устарелого) строя, его руководителей, то здесь «революция против войны» была в своей низовой части направлена против данного — военного — состояния России; при этом явно только против его верховных руководителей, а скрытно, имманентно и вообще против придворных, военных, гражданских, думских, общественных верхов, против всех сторонников войны; явно против царя, а скрытно — против Алексеева, Гучкова, Милокова, — что, как мы знаем, с бесспорной убедительностью и проявилось в первые же месяцы революции. А между тем Гучков, Милоков, Шульгин, Крымов, Рузский, Алексеев и другие это движение поддерживали⁷. Это и создавало, в отличие от неизбежных простых линий всякой революции, ту заваруху, которая и характерна для смуты.

В этом смысле здесь был действительно и разрыв между низами и верхами, между «мужиком» и «баринном», причем правда суровой действительности была на стороне мужика. Барин же, лишенный чувства государственного самосохранения, привыкший, что за него государственно мыслит и действует верховная власть, запутался в лозунгах патриотического величия; а верховная власть в своем упадке потеряла инстинктивное соприкосновение с историческими задачами и возможностями страны и перестала мыслить и действовать государственно. Духовная смута выражалась и увеличивалась тем, что «барин» подозревал власть, на самом деле проводившую его же военную программу, в предательстве и опирался на «мужика», который, не приемля таковой, по существу, одинаково угрожал и власти, и «барину».

В безграничной наивности «барин» думал, что если он, малоопытный и неумелый, возьмется осуществлять ту самую политику, которую до тех пор осуществляла власть, то осуществит ее хорошо, потому что ему доверяет народ, который на самом деле этой политики вообще не хотел, потому что не мог выдержать. Страна была не на уровне тяжелой военной задачи. «Мужик» — т.е., в сущности, вообще население — это испытывал и отказывался от нее; власть и «барин» — т.е. общественные верхи — не понимали ни задачи, ни ее неприятия народом; причем «барин» вообще мало что понимал, беспечно вызывал духи враждебных ему и его целям политических низов против власти, осуществлявшей его же политику. Верил же он в то, что народ ему верит, — в сущности говоря, на единственном основании собственной самоуверенности. Потом этот «барин» морально осудил непатриотичность «мужика» и непатриотичность власти вместо того, чтобы осудить свое собственное непонимание и нечуткость, свой словесный, а не реальный патриотизм.

Если великий развал и был подготовлен по образцу смуты, а не революции, то все же этот элемент — «революция против войны» — дает простую формулу для понимания последующего. 27 февраля 1917 года разразилась в России великая смута; в ней кроме распада была только одна активно движущая сила — отрицание войны. Этой активной силой и диктовалось первоначальное течение смуты и ее успехи; ею были предreshены важнейшие события последующего года.

После схем смуты и революции применим еще к великому русскому развалу третью, намеченную в предыдущей статье, схему инволюции.

Строго говоря, об инволюции в ее основном виде — понижении, объединении социального содержания при более сложной и высокой государственной форме — не приходится говорить применительно к России. В двадцатом веке здесь шел непрерывный и чрезвычайно напряженный процесс роста, умножения и повышения социальных содержаний. Численность населения возрастала, культурный уровень повышался, умножались учебные заведения, распрост-

ранялась грамота, работали — частью с исключительным блеском — высшие культурные функции; росли города, крупная промышленность, железные дороги, производительность всего хозяйства. И в частности, этот рост усилился именно в десятилетие после освободительного движения. Таким образом, об опускании населения и понижении его социально-культурного уровня не может быть и речи.

Но есть и вторая разновидность инволюции — относительная, получающаяся в результате не процесса абсолютного опускания социальных содержаний, а в результате насаждения слишком напряженной для данного их состояния государственной формы, благодаря чему возникает для нее опасность обрушиться на недостаточно устойчивой подпочве. Этого рода опасность неизменно имела в России благодаря политико-географической судьбе. Задача оформления четкой государственности на необозримо и неопределенно расстилавшейся равнине с естественно расплывавшимся по ней населением приводила к необходимости склотить над ним особо давящую, тяжелую, принудительно навязывающуюся государственность. Несоответствие тяжести государства зыбкости народно-хозяйственной подпочвы, экстенсивности культуры и интенсивности властного принуждения — со всеми своими государственными и психологическими производными — как бы имманентное последствие великой равнины. Отсюда, с одной стороны, и дух бунтарского ухода из-под государства (вольница казачья, волжская и пр.), и покорность пассивного подчинения, непротивления остающихся — вместо внутреннего оформления его, как это имело место в островной, замкнутой со всех сторон Англии, политико-географически буквально противоположной России.

Русский бунтарь в общем не революционер, а инволюционер; он протестует не потому, что государство стало для него негодным, а потому, что он негоден для государства или, говоря нейтрально, непригоден для него; он не преодолевает данной государственной формы, а не приемлет ее, и государство не претворяется им, а проваливается благодаря ему — при пассивности непротивленцев.

Мне приходилось неоднократно касаться этой увлекательной и, кажется, многообещающей в русской истории темы: сейчас ее прослеживание все же отвело бы нас слишком

далеко в сторону. Достаточно отметить, что и в допетровской Москве сказывается это соотношение непосильной для культурно-социального уровня государственности. Петр не впервые, а снова своим усиленным государственным строительством его обострил.

Едва ли ошибусь отметить, что бунты и восстания восемнадцатого века носили именно такой относительно инволюционный характер. То, чем была пугачевщина, что понимается людьми под этим именем, не имеет революционного смысла, не есть и простая смута, а носит явную печать инволюции (относительной) — смуты от непосильности для населения государственного чрезмерного тягла. Именно к этой форме, вернее, к этой интуиции, относятся слова Пушкина о русском бунте. Бессмысленность есть характеристика разложения высшего в низшем.

И все же было бы неправильно признать именно в переживаемой смуте — инволюцию, хотя бы и относительную. Уже было освободительное движение 1905 года, обнаружившее революционный характер, т.е. насыщение государства новым, не уместившимся в нем содержанием, т.е. перенасыщение им, показавшее стремление переделать, а не проваливать. Рост и насыщение государства явно происходили в России во всевозможных отраслях. Во многом по содержанию Россия уже превзошла свою форму, стала сложнее ее. И следовательно, в конце XIX и в начале XX века говорить о том, что государственная форма все еще напряженнее, сложнее, совершеннее социального и культурного уровня населения, было бы анахронизмом. Во вторую половину девятнадцатого века эта стадия русской жизни уже была превзойдена; государство начинало отставать от своих объективных задач.

Но правда все же та, что не только некоторые традиции и черты, некоторое духовное наследие инволюционности сохранилось и сказалось в русской смуте, но и некоторые особенности этого процесса в нем проявились, поскольку в огромном населении некоторые низкокультурные части действительно еще оставались непригодными и неспособными на самостоятельную поддержку современного сложного государства. В особенности же, по мере того как смута разрушала различные высшие культурные и государствен-

ные центры и ценности, разлагала связи и оценки высокого организма, — остававшаяся деградирующая среда оказывалась все менее способной осуществлять задачи и поддерживать учреждения прежнего высокого порядка. Но в этом отношении проявления инволюции были уже последствием смуты, производным от нее, а не ее причиной, были проявлением деградации смутного времени, а не самостоятельно протекавшим инволюционным процессом. Инволюционное отношение есть наследие, которое оставит смута будущему русскому государству, не болезнь прошлого, приведшая к его распаду.

Если все же в некотором смысле можно говорить и об инволюционном происхождении русского великого распада, то только в одном смысле — именно все в том же смысле непосильности для русского народа и культуры чрезмерно тяжелой и длительной войны; во всяком случае, меньшей посильности, чем для других ее участников. Не нормальное русское государство оказалось непосильным для русского народа и культуры во втором десятилетии XX века, а исключительные государственные напряжения на войне, исключительной и не связанной внутренне с русской историей. Не нормальное русское государство обрушилось в не выдержавшее ее тяжести население, а государство, вовлеченное в небывалое напряжение и к тому же ослабленное предшествующей революцией.

Снова и со всех точек зрения мы приходим все к тому же результату. Великий кризис 17-го года был не внутренним органическим процессом болезненного перелома роста (революция) и не процессом органического внутреннего оскудения (инволюция) — он был фактом распада (смута) от «механического» внешнего давления войны, от недостатка сил и устойчивости его выдержать, от нараставшего стремления отделаться от него, его сбросить.

Таков, думается, подлинный смысл прагматической картины происхождения русской смуты, в которой традиции декабристов, народные чаяния земли и воли, интеллигентские идеалы и идеи и все тому подобное непосредственно не играли роли.

В этом смысле я и утверждаю, что грандиозная русская смута не есть ни достижение, ни завершение, ни органиче-

ский перелом, ни органическое падение русской истории, а случайное «механическое» последствие скрещения ее нитей с независимыми от нее нитями истории других мировых держав.

Берлин, 1924

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская мысль. 1923. № 14.

² Неудовлетворения (*фр.*).

³ См. мою статью в «Вестнике права», февраль, 1905. — Г. Л.

⁴ Переворот (*фр.*).

⁵ Обида (*фр.*).

⁶ Представления (*нем.*).

⁷ Алексеев Михаил (1857–1918) — главнокомандующий штаба Ставки, советовал Николаю II отречься от престола, после Октября организовал Белое движение на Дону. Умер от болезни.

Рузский Николай — генерал, поддержал отречение царя. Расстрелян большевиками в Пятигорске.

Крымов Александр (1871–1917) — генерал, был близок к Гучкову и к октябристам. Участвовал в Корниловском походе, после его неудачи покончил с собой.

Гучков Александр (1882–1936) — создатель партии октябристов, председатель III Думы, военный министр во Временном правительстве. Эмигрировал во Францию в 1918 г.

Все поименованные (упоминаемые Ландау) генералы и политические деятели так или иначе способствовали Февральской революции.

ЛИТЕРАТУРА

МИХАИЛ БУЗНИК

Все только начинается

Музыки конец. Конец времени композитора, конец поэзии.
Только и слышишь об этом.
Все кончено!
Все Слова стерты. Все сказано.

Да ничего не сказано.

«Епископ Феофан Соликамский с семью иеромонахами были опущены ночью головой в прорубь, причем замерзшие края прорубной ямы палачи пробивали плечами и телом епископа.

Епископа Платона Ревельского — превратили на морозе в ледяной столб».

ГУЛАГ. ОСВЕНЦИМ. БУХЕНВАЛЬД... Почему?... Почему?

Какие силы миллионы и миллионы глаз ослепляли?
ЗЕМНОЕ ПРИНИМАЯ ЗА СЛАБОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ НЕБЕСНОГО! ТАК УЧАТ ПРОРОКИ.

Кто приблизился сегодня к этому самому небесному — после ХОЛОКОСТА? СОЛОВКОВ?
Стенания убиенных кто слышит?

Ожидание мира потустороннего!.. Где оно?
Почти все Слова сегодня ведут мысль вспять. Все повторяется. Все повторено.
Ко всему, почему Слово не коснется к той особенной точке, от которой Вселенная начинается... Ведь физики говорят нам о ней.
Почему поэты не идут дальше Хокинга или Эйнштейна?

Внутри или снаружи
неба — несущиеся
прорези бесконечности,
как шаги на Колыме
последние.

37-й год Советский
прах осмысленный
всегда находит.

Овевает круги
жизни — ускоренные.

Кончилась поэзия. Слова стерты.
Но когда же Слово приблизит невидимое к видимому?
Где проколы Слова в иные миры? Ни к каким пределам Созерцания
небесного Слово еще не подошло.
Поэзия кончилась. Музыка кончилась.

Да ничего не кончилось! Христос Воскрес!
Все только начинается.

*Памяти К.В. Мочульского:
к 60-летию со дня смерти*

К.В. Мочульский
Жизненный и творческий путь

(28.02.1882, Одесса – 21.03.1948, Камбо)

Чарующая тонкость духовного облика К.В. Мочульского – не нашей эпохи. <...>

Разрывая рамки времени, она вторгается в нашу жизнь, как благое упование и залог спасения

Епископ Кассиан. «Родословие духа»

Сын литературоведа Василия Николаевича Мочульского, профессора филологического факультета Новороссийского университета, автора известных трудов о русских духовных стихах, и Нины Константиновны Попович, дочери богатого домовладельца в Одессе, К.В. получил хорошее образование, уже в гимназические годы неоднократно бывал за границей и обнаружил исключительные способности к иностранным языкам.

Вместе с тем родители (по линии отца предки К.В. были из духовного сословия, по линии матери – греки) стремились воспитать троих сыновей в церковном духе. Очевидно, греческие корни, как вспоминает М.Л. Кантор, давали К.В. «повод подчеркивать, что он человек средиземноморской цивилизации. Говорилось это полшутя, но, несомненно, такое утверждение соответствовало некоторому внутреннему ощущению; было в нем тяготение к ясности, к равновесию,

к аполлиническому восприятию мира: путешествуя в странах, где всего явственнее чувствуется наследие классической культуры – по югу Франции, по Италии, Сицилии, он с какой-то особенной радостью впитывал в себя блеск южного солнца и впечатления от художественных богатств, уцелевших от античного мира». Вместе с тем «параллельно в нем было заложено другое начало: начало мистически-религиозного отношения к миру... чему суждено было сказаться – зато с какой силой! – лишь много позднее»¹.

В 1914 г. Мочульский окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, где преподавал в качестве приват-доцента кафедры германской филологии до 1917 г. В дни революции был назначен профессором в Саратовский

Константин Мочульский

университет, до которого не доехал, оставшись в Одессе, где был приглашен в университет на филологический факультет. В 1920 г. эвакуация Одессы привела его в Болгарию, где преподавал в Софийском университете в течение двух лет «с немалым успехом» (М. Кантор). С 1922 г. он обосновался в Париже, где продолжает разностороннюю деятельность: в 20–30-е гг. активно публикуется в эмигрантской прессе («Дни», «Последние новости», «Звено», «Современные записки», «Числа...»), преподает в Сорбонне на русском отделении, организованном проф. Н. Кульманом (1924–1941), и впоследствии читает лекционные курсы в Парижском богословском институте (1937–1947).

Таковы основные этапы его биографии, где определяющим внутренним событием послужило его обращение в 30-е гг. к христианству и Церкви, подготовленное всем предшествующим путем, жизненным и творческим. «Родословная духа» называет свою статью памяти К.В. Мочульского епископ Кассиан (Безобразов)², возводя обращение К.В. к наследственной православной духовности и духовной культуре Петербургского университета, где К.В. получил образование. Этому внутреннему духовному поиску в эмиграции способствовали разные встречи: дискуссии с Н.А. Бердяевым и выступления в Религиозно-философской академии, дружба и сотрудничество с матерью Марией (Скобцовой), духовное наставничество о. Сергия Булгакова и наряду с ними «встречи» чисто литературные — углубленное постижение русских классиков и философов (Тоголя, Достоевского, Соловьева), осмысление их духовного пути и религиозного обращения, вылившиеся в обширные монографии.

Несколько внешних проявлений позволяют проследить этот внутренний перелом, отразившийся в изменении отношения к литературе (создание «духовных биографий» русских писателей); в поиске новых отношений с миром, с ближним (наиболее полно явивший себя в деятельности К.В. в объединении «Православное дело»); открывающий новое отношение к Церкви, определивший его приход в лонно Богословского института, где он совмещает преподавательскую деятельность и свое духовное призвание.

От литературной критики к «духовной биографии»

Интересы Мочульского в студенческие и первые эмигрантские годы сосредоточены главным образом на литературе. Будучи еще второкурсником Петербургского филфака, К.В. прославился сочиненной им по-итальянски «дополнительной» песнью «Ада», написанной в дантовской манере, где были выведены все его «романо-германские» сокурсники и профессора³. Он занимается древнегреческим с первокурсником Осипом Мандельштамом, который впоследствии посвятит ему четверостишие. Увлечшись испанской литературой XVI–XVII веков, он изучал арабский; в эмиграции переводит «Дон Кихота» и целый ряд произведений западных писателей, появившихся в «Звене».

«Он жил только литературой», — отмечают многие современники и друзья по эмиграции (Ю. Терапиано, Г. Адамович, Б. Зайцев). До 30-х г. в Париже он был постоянным посетителем литературных кружков на Монпарнассе, участником «Воскресений», а затем и «Зеленой лампы» у Мережковских и объединения «Круг». «Литературная эстетика давала ему смысл и полноту жизни», — заключает его близкий друг Ф.Т. Пьянов⁴.

Параллельно К.В. выступает, очень удачно, как литературный критик на страницах эмигрантской периодики, о чем вспоминает Кантор: «Многие из его очерков, несмотря на относительную краткость, выходят за пределы эфемерид, предназначенных для легкого чтения и столь же легкого забвения». В течение почти пятилетнего сотрудничества в «Звене» имя Мочульского в разных вариантах (К. Версилов, Театрал, SAVE, К.В., К.М. и др.) появляется почти в каждом номере, в различных рубриках (обзор новинок русской или западной литературы, статьи о теоретических проблемах искусства, переводы, рассказы...). Мочульский посвящает свои статьи русским, эмигрантским и западным писателям (Бунин, Зайцев, Мережковский, Жид, Монтерлан, Байрон, Пиранделло...). Эти миниатюры характеризуются особым стилем: на нескольких страницах «с необыкновенной точностью и выпуклостью даны едва ли не исчерпывающие формулы, могущие служить ключом к личности и творчеству автора» (Кантор об анализе

Мочульским Жида (1927) и Некрасова (1928)). Приемы критического анализа сформулированы К.В. как преодоление «объективизма» формалистов или же поиска «единого чувства жизни» критиков-систематиков, которые «в поисках целокупности восприятия мира производят опустошение... Следовало бы наоборот: условиться говорить только о частном, личном и случайном, обходиться без понятий финальности и эволюции»⁵, что определяет и круг выбранных для анализа авторов: подход К.В. — «скорее историка литературы, чем обозревателя, откликающегося на злобу дня» (Кантор). Этот выбор (Ремизов, Шмелев, Моруа, Пеги, Элиот...) отражает формирующуюся духовную ориентацию критика.

В 1931 г. К.В. пришлось столкнуться с теософскими кружками, «к которым он отнесся враждебно, — вспоминает Ф.Т. Пьянов, — в то же время встречи в этой среде дали ему толчок к религиозным размышлениям».

Обращение К.В. не было эффектным (Терапиано), было «выявлением того, что таилось под спудом» (еп. Кассиан), — он реже стал появляться на литературных собраниях, а появившись, также говорил о литературе, во все возрастающей религиозно-философской тональности. В 1934 г. появляется книга с характерным названием «Духовный путь Гоголя», которая открывается письмом Гоголя, призывающим видеть в нем «лучше христианина и человека, чем литератора». И, завершает автор предисловия, «после пережитого нами опыта войны и революции мы другими глазами смотрим на Гоголя — «мученика христианства» (с. 6). Личное восприятие соединяется с «целостным» подходом к личности и творчеству автора, отчетливо сформулированное в последующей книге о Соловьеве (1936): «Вл. Соловьев учил о цельности человеческой природы. <...> Только исходя из центра его существа можно понять смысл судьбы человека, историю его жизни и ценность его творчества» (с. 7).

Этому «синтетическому» подходу К.В. следует в другой своей книге — о Достоевском (1947), написанной во время оккупации, «в пальто, шапке и перчатках». Бердяев, слышавший чтение рукописи в Обществе духовной культуры, назвал ее первой духовной биографией Достоевского. Книга вышла за несколько дней до кончины. «В ней отразился целый период нашей общей жизни, период очень значитель-

ный», — пишет Константин Васильевич Ф.Т. Пьянову вскоре после выхода книги⁶.

О последующих книгах, изданных посмертно⁷, мы можем судить лишь по обрывочным сведениям, дошедшим до нас по переписке: «Здоровье очень пошатнулось — правое легкое под угрозой и страшная истощенность. Но так как я решил не унывать, то в марте 1943 г. начал писать книгу, которую подготовлял уже три года, — о русских символистах»⁸.

Таким образом, «объединяющая духовная линия нашлась сама собой»: «как преодолевает тот или иной писатель самого себя, как раскрывает в себе высший образ, какие стадии внутреннего духовного подвига проходит?»⁹

Эта линия одновременно «объединяет» писателя и с критиком-литературоведом, дает ориентиры к пониманию его внутреннего пути. Эту связь отражают посвящения этих книг наставникам и друзьям: монография о Владимире Соловьеве посвящена о. Сергию Булгакову «с сыновней любовью»; книга о Достоевском — «светлой памяти моего друга Юры Скобцова», сына матери Марии.

Так чтение «духовных биографий» русских писателей позволяет лучше понять самого Мочульского, литература становится духовным пространством диалога критика и писателя, — открывая возможность диалога с читателем, который возможен именно как «синтетический подход»: говорить через «частное, личное, случайное» о самом главном, где мимолетное, преходящее отражает вечное.

При этом далеко не случаен круг выбранных авторов (Гоголь, Достоевский, Соловьев являются своего рода «родословной» русской эмиграции), который остается одновременно глубоко личным, как свидетельствует близкий друг: «К.В. имел дело с проявлениями сложности человеческого духа, особенно русского, сродного его сознанию. В этих образах всего более обнаруживалась драма русского народа, русской интеллигенции и выход из этой трагедии. К.В. был близок к этим образам по своему опыту и знал путь к этому просветленному сознанию, к новому пониманию человека, человеческих отношений и истории» (Ф.Т. Пьянов).

Этот путь пролегает, подобно гоголевскому, через «прочное дело жизни, что важнее литературного творчества» (Духовный путь Гоголя. УМСА-Press, 1934. С. 5).

«Православное дело»

Объединение «Православное дело» (заглавие почерпнуто Мочульским у Достоевского) было основано осенью 1935 г. по инициативе матери Марии (Скобцовой), при участии митр. Евлогия (почетный председатель), о. Михаила Чертова (казначей), о. Сергия Булгакова, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и Ф.Т. Пьянова.

Сотрудничество Мочульского и матери Марии, знакомых еще по Петербургскому университету и связанных в эмиграции совместной работой в РСХД, обретает в «Православном деле» наиболее полную форму. «Трудно сказать, кто на кого влиял больше, — рассказывает об этой дружбе Ф.Т. Пьянов, — у них было много общих мест в области богословия, религиозной мысли, искусства, поэзии, литературы и, наконец, общей деятельности в нашем объединении. Я думаю, однако, что корни их безраздельной дружбы были глубже — их общий религиозный церковный путь и понимание этого пути».

В первые годы деятельности объединения Мочульский отдает много энергии миссионерской деятельности и христианской проповеди в округах Парижа, среди рабочих, читая лекции, призывая слушателей к Церкви, помощи обездоленным. «Не всегда его попытки были успешны, — вспоминает Пьянов, — иногда к его призывам и особенно проповеди человека в пиджаке относились отрицательно». Это повергало Константина Васильевича в отчаянье. Однако после встреч с матерью Марией, гораздо более решительной в своих действиях и выступлениях, он снова воодушевлялся. Разница темпераментов и подходов была взаимообогащающей: «монахиня в миру», многими осуждаема сама, находила нужные слова для «кабинетного ученого», который был «зачарован ее проектами, ее деятельностью», «переживал в той же мере, что мать Мария, судьбу несчастных», целиком разделяя то, что мать Мария называла «богословием встречи» или «таинством брата»: различать в каждом встречном образ Христа — замутненный и искаженный, но который может быть, усилием встречного, исправлен и преображен. Вместе с тем мысль матери Марии утончалась, обогащалась от общения с К.В.

Можно различить отголосок этого сотрудничества, подлинного идейного созвучия в программе «Православного дела», сформулированной Мочульским в 1936 г.: «При втором Своем пришествии Господь назовет благословенными тех, кто в этой жизни накормил Его и напоил, принял Его, когда Он был странником, посетил Его больного в темнице. “Поелику вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне”».

Это нужно понимать в самом реальном смысле: Христос действительно алчет с каждым голодающим, скитается с каждым бездомным, болеет с каждым больным, томится в тюрьме с каждым заключенным. И Его голод, болезни, страдания не прекращаются и не прекратятся, пока в мире есть хоть один страждущий. Но мы, христиане, не можем оставаться равнодушными зрителями Его вечных крестных мук.

Константин Мочульский и мать Мария (Скобцова)

Нужно действовать, и немедленно. Мы обращаемся ко всем, без различия классов, партий и убеждений, ко всем, кто знает, что люди – братья. <...> Мы призываем всех к объединению для помощи ближним. Нет добра слишком ничтожного, помощи слишком незначительной, желания помочь слишком слабого. “Всяк дар совершен свыше”.

Кто не имеет средств, пусть помогает делом – своим временем, своим трудом; кто не может делом, пусть помогает словом – советом, утешением. Все нужно, все бесконечно ценно. “Ибо дела много, а делателей мало”¹⁰.

Сквозь эти строки слышен голос матери Марии: «На Страшном Суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят, накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме. О каждом нищем, голодном, заключенном Спаситель говорит “Я”, между каждым несчастным и Собой Он ставит знак равенства»¹¹. Как мать Мария, К.В. очень остро переживал, что у церковных людей живая вера заменяется часто застывшими формами, обрядами и законничеством, исчерпывая этим свое отношение к Христу и Церкви¹².

После войны, мученической гибели матери Марии, ее сына Юры, о. Дмитрия Клепинина и И.И. Фондаминского объединение, закрытое в 1943 г. немцами, было восстановлено. К.В., чудом уцелевший, возвращается к этой программе, осуществление которой не прекращалось в самые тяжелые времена, как бы ни были малы формы. Ныне он избран председателем и принимает на себя ответственность в практической и идейной работе объединения. Вскоре, однако, он заболел туберкулезом и вынужден был переехать из Парижа (Fontainebleau, Noisy-le-Grand, Cambo). Переписка свидетельствует, что и на отдалении «Православное дело» остается центром его деятельности, в частности, лекторской: одна из последних лекций о Достоевском прочитана незадолго до смерти.

Лектор, по воспоминаниям современников, он был блестящий: простота формы изложения сочеталась с глубоким проникновением в опыт личности, о которой он говорил, и с собственными оригинальными выводами. Н.А. Бердяев,

в Религиозно-философской академии которого К.В. читал лекции начиная с 1933 г. (в частности, о западных мистиках)¹³, неоднократно говорил о его «даре вживания» в чужую мысль.

В последние годы жизни К.В. неоднократно выражал желание приступить к исследованиям творчества самого Бердяева, выстраивая таким образом связь меж русской классической традицией и современной философской и религиозной мыслью, – подобно тому как его лекции о Достоевском были откровением для обоих поколений: старшего, «эмигрантского», и для молодого, воспитанного во Франции.

Церковь и мир: к Новому Иерусалиму

В 1934 г. К.В. был приглашен о. Сергием Булгаковым читать лекционные курсы по истории западноевропейских литератур в Свято-Сергиевский богословский институт. В дальнейшем он вошел в штат преподавателей института в должности доцента и читал курс по истории Западной Церкви (заместив Г.П. Федотова), преподавал латинский и славянский языки вплоть до отъезда из Парижа в санаторий в 1947 г. Каким вниманием пользовались лекции К.В. у студентов Богословского института, можно почувствовать по воспоминаниям современников, а также по его последним письмам: будучи «оторван» от мира санаторием, он сокрушается о том, что более не чувствует отклика на произнесенное слово.

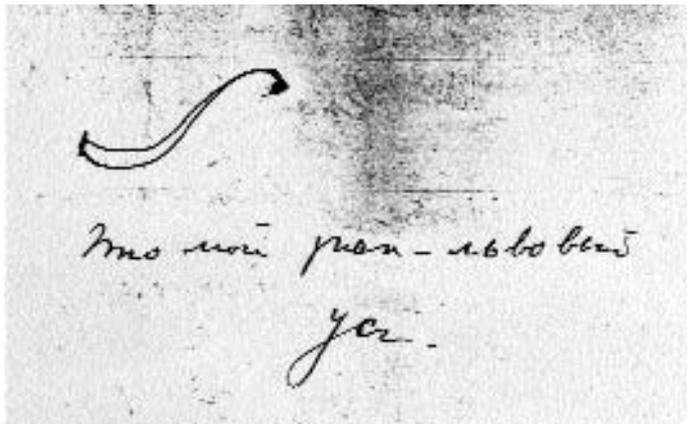
В годы работы в Богословском институте Мочульский занимается исследовательской работой, изучая первоисточники русской религиозной мысли и ее свежее дыхание. Особое место в этих исследованиях занимает личность и учение отца Сергия Булгакова, его духовного отца, с которым на протяжении нескольких лет не прекращался диалог, отголоски которого слышны по письмам К.В. о Сергию, где он излагает свои мысли по поводу учения о. Сергия, сформулированные, в частности, после дискуссий о софиологии в Фотиевском братстве:

«Я понял, что быть с Вами значит бороться за то светлое Православие, за ту радость Преображения, за тот пасхальный свет, который в мистическом опыте дан у Серафима Саровского. Я понял, что борьба идет не за расхождения в бо-

гословских системах, а за самую душу нашей веры, за самое сокровище нашей Церкви и духовного опыта. И еще я понял, что помимо Вашего учения — другого православного пути просто нет. И мне стало стыдно за себя: за суетой, за перегруженностью нашей нелепой парижской жизни мы не всегда ясно сознаем, что “дышим и существуем” Вашим воздухом. А вот когда случается попасть в другую атмосферу, только тогда вдруг понимаешь, что весь кислород нашей духовной жизни от Вас!»¹⁴

К.В. воспринимает учение о. Сергия о Софии, Премудрости Божией, через призму красоты, к которой был чрезвычайно чувствителен, чему находим поразительные по своей простоте и проникновенности страницы в его дневнике. «Часто я чувствовал, что восприятие этого мира и понимание его было очень близко софийному учению о. Сергия Булгакова, — свидетельствует Ф.Т. Пьянов. — К.В. любил природу, чувствовал дыхание Божие в ней и нередко говорил нам, что жизнь во Христе не может быть без этого мира».

Восприимчивость «к основному софиологическому интересу в богословской спекуляции» отца Сергия отмечает и епископ Кассиан, что проявилось, в частности, во вступлении К.В. в Братство Святой Софии, возобновленное в Париже в 1924–1925 гг., — важный этап в его «духовной родословной», где он «созрел как православный богослов»¹⁵.

подпись?

Митрополит Евлогий внимательно отнесся к произошедшему в нем духовному перелому, и под его влиянием К.В. стал церковным чтецом (о «чтеце Константине» вспоминает Б. Зайцев), а затем иподиаконом. «Стихия предков-священников в нем ясно обнаружилась: он стал до конца церковным человеком», — отмечает Пьянов, описывая, как К.В. и Юра Скобцов иподиаконствовали на архиерейских службах. К.В. любил читать в церкви, огорчился, что не мог петь. Его отношение к Церкви было живое, горячее и подлинное, он всем сердцем чувствовал богатые духовные дары, которые дает церковь каждому верующему. Его отношение к Церкви не было традиционным, его благочестие не было бытовым, он верил, что Церковь есть богочеловеческое начало, Новый Иерусалим, вечно новая реальность. Литургическая жизнь как общехристианское дело воспринималась им как реальность, преображающая человека и мир; К.В. говорил, что полнота церковной жизни должна прежде всего пронизать сердце человека и действительно христианская вера решается сердцем человека.

Именно таков был отклик, рождающийся от общения с ним, как вспоминает епископ Кассиан¹⁶: «...у него был редкий дар, привлекающий к тому, кто им владеет, сердца людей: дар любви... Такой любовью любил К.В.: любовью страдающей и жертвенной. Он был для нас одним из самых близких и дорогих людей. <...>

Обращение К.В. было бурное и происходило у нас на глазах. В конце 20-х гг. мы видели его здесь, в этом храме, простертым ниц перед иконою Божьей Матери. А несколько лет спустя многих удивило слово, сказанное ему покойным митрополитом Евлогием. Это было здесь же, в этом храме, вскоре после архиерейской хиротонии ныне тоже покойного епископа Иоанна. Встретив К.В., владыка Евлогий сказал ему: “Теперь — Ваша очередь”. Митрополит Евлогий был человек большого жизненного опыта и знания людей. И он намечал мирянина Мочульского на высшее — архиерейское — служение в Церкви. Бог не судил исполниться этому ожиданию владыки. К.В. не поднялся и на первую ступень священства. Но после обращения вся его жизнь была служением Богу».

Это сожаление, звучащее в словах владыки Кассиана, и одновременно принятие, понимание указывает на возможность иного духовного пути, обретающего разные формы в русской эмиграции, в кругах «людей страннического и вольного духа, единившегося в религии и искусстве», как пишет Борис Зайцев в своих воспоминаниях о Мочульском¹⁷.

Не порывая целиком с литературным творчеством, которое остается живительным источником, литература становится для К.В. спасением: будучи греховна, содержащая опасность «злого творчества», она может стать путем восхождения, как в случае описанных духовных биографий Гоголя или Достоевского («жил в литературе: она была его жизненным делом и трагической судьбой» (1947, УМСА-Press. С. 8)). «За свое творчество люди достойны Царствия», — выражает эту мысль мать Мария на заседании Братства Святой Софии¹⁸; путь писательского творчества — иной путь, неизменно приводящий к Творцу. Литература, жизнь, Церковь здесь сливаются в житнетворчество, где одно становится неотделимо от другого — мысль русских символистов, с которыми Мочульский связан идейно и эстетически, здесь находит свое воплощение. К.В. прошел, подобно своим сотрудникам по «Православному делу», этот путь до конца, как свидетельствует духовное просветление его последних дней жизни: невыразимое страдание («это особенно усиливалось в минуты творческих вдохновений: желание творить, писать, работать и мыслить было огромным, но сил уже не было, это составляло для него истинное мучение»), — но и «тихое сияние», о котором вспоминают друзья, бывшие с ним. «Он был наполнен внутренней радостью и верой и благодарностью Творцу за милость, что Он не оставляет его» (Ф.Т. Пьянов). «Он, конечно, переживал свою Гефсиманию, — свидетельствует со своей стороны Борис Зайцев, — с приливами страшной тоски, потом с просветлением и примирением»¹⁹.

21 марта 1948 г. Константин Васильевич Мочульский скончался в Камбо, в Пиренеях, где был погребен.

Это просветление перед смертью отчетливо выражает поразительный дар не просто видеть катастрофичность —

идет ли речь о литературных процессах 20-х гг.²⁰ или о горении мира в предвоенные годы, — но все собой преобразовать, извлекать из всего позитивный смысл: литература ищет новый язык, новые формы для выражения заново переживаемого Откровения — как мир в страшные дни войны распахивает ворота в вечность²¹. Эта мысль определяет основную тональность строителей «Нового града», в числе которых объединяются в 40-е гг. деятели «Православного дела» Г.П. Федотов, о. Сергей Булгаков, И.И. Фондаминский,

Могила К.В. Мочульского в Камбо

мать Мария, К.В. Мочульский, представители нового христианского гуманизма, осуществляемого подвигом жизни.

«Ужасно больно слышать о близкой смерти К.В., — пишет Г.П. Федотов С.Б. Пиленко 9 февраля 1948 г., — но он тоже один из новых святых, а главное, дважды рожденный. И замечательно, что в своей второй христианской жизни он не отрекся от того прекрасного, что было в первой»²².

Краткая библиография основных трудов

Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-Press, 1934.
Владимир Соловьев. Париж: YMCA-Press, 1936.
Histoire de la littérature russe. Paris, 1934.
Великие русские писатели XIX века. Париж: YMCA-Press, 1939.
Ф.М. Достоевский. Париж: YMCA-Press, 1947. Фр. пер. 1963.
Александр Блок. Париж: YMCA-Press, 1948.
Андрей Белый. Париж: YMCA-Press, 1955.
Валерий Брюсов. Париж: YMCA-Press, 1962.

Т. ВИКТОРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кантор М. Константин Васильевич Мочульский. Машин., архив. Оpubл. как предисл. к кн. о Блоке (Париж, YMCA-Press, 1948).

² Кассиан (Безобразов), епископ. Родословие духа (памяти К.В. Мочульского). Православная мысль; YMCA-Press, 1949. Вып. VII. С. 7–16.

³ Вейдле В. О тех, кого уж нет // Новый журнал. 1993. № 192–193. С. 400.

⁴ Воспоминания Ф.Т. Пянова. Доклад, произнесенный к годовщине смерти К.В. Мочульского на вечере памяти, организованном объединением «Православное дело» (6.05.1949). Архив не опубликован.

⁵ О литературной критике // Звено. 1923. № 41. С. 2Б.

⁶ Письмо К.В. Мочульского Ф.Т. Пянову от 16.12.47. Архив.

⁷ Александр Блок (Париж, 1948), Андрей Белый (Париж, 1955), Валерий Брюсов (Париж, 1962).

⁸ Новый журнал. 1969. № 95. С. 224.

⁹ Терапиано Ю. Константин Мочульский // Встречи. Интрада, 2002. С. 104.

¹⁰ Архив объединения «Православное дело», Париж. Неопубл.

¹¹ Статья матери Марии «Мистика человекообщения». Процитировано К.В. Мочульским в его воспоминаниях о матери Марии. См.: Монахиня Мария (Скобцова) // Третий час. Вып. I. 1946. С. 71.

¹² Пьянов Ф.Т. Воспоминания о К.В. Мочульском. Архив, неопубл.

¹³ См. публикуемые ниже письма Бердяева Мочульскому.

¹⁴ К.В. Мочульский — о. Сергию Булгакову (30.01.1926). Архив Сергиевского подворья. Неопубл. Подчеркнуто К.В. в тексте.

¹⁵ Кассиан (Безобразов), епископ. Указ. соч. С. 15.

¹⁶ Слово епископа Кассиана о Мочульском, произнесенное на панихиде в Сергиевском подворье // Русская мысль. 2 апреля 1948. № 51.

¹⁷ Зайцев Борис. Дух голубиный // Русская мысль. 9 апр. 1948. № 52. С. 3. Оpubл. с сокращениями как предисловие к книге о Белом (Париж, YMCA-Press. С. 5–9).

¹⁸ Заседание об аскетизме и христианской культуре. Братство Святой Софии: Материалы и документы (1923–1930). М.: Русский путь; YMCA-Press, 2000. С. 62.

¹⁹ Зайцев Б. Указ. соч. С. 8.

²⁰ См., напр., статью Мочульского «Кризис воображения» (Звено. 1927. № 2).

²¹ См., напр., статью Мочульского «Кризис означает суд» (Новый град. 1935. № 10).

²² Г.П. Федотов — С.Б. Пиленко (матери Марии) // ВРХД. 1992. № 166. С. 154.

Р.С. Клячкина

Слово на собрании друзей К.В. Мочульского в Париже в связи с его кончиной в 1947 году

Я вас попросила сегодня прийти, чтобы рассказать вам о моей последней встрече с К.В. Я у него пробыла девять дней: с 21 по 29 февраля. Через три недели, 21 марта, как вы знаете, он умер.

Эта последняя моя встреча была самой значительной из всех моих встреч с К.В. Она мне дала богатство, с которым мне хочется поделиться с его друзьями.

Все мы, когда мы думаем об умерших близких людях, стараемся отбросить все ненужное, второстепенное, что мешало нам в них, мы запоминаем, сохраняем в нашей душе то, что было в них настоящего, ценного, вечного. К.В. еще при жизни — перед смертью — воплотил этот свой образ, он выявил то, что в нем было наиболее личного, что в нем было образом и подобием Божиим, он как бы избавился от всего того оппортунистического, что накладывает на каждого из нас жизнь. Этот его образ вечный, и таким он останется в моей душе. Мне кажется, что нельзя иметь полного представления о К.В., если не знать, как он умирал.

Все мы знали, например, о деликатности К.В., о его страхе обидеть кого бы то ни было, о его готовности соглашаться с собеседником. Помнится, Николай Александрович Бердяев говорил: «Когда К.В. говорит “да”, меня это тревожит». Эта мягкость могла казаться преувеличенной, могла быть воспринята как слабохарактерность, недостаток мужества. Перед смертью эта его деликатность как бы кристаллизовалась, очистилась — источником ее уже не могло быть отсутствие мужества, источником ее была только любовь.

Весь персонал санатория — доктора, сестры, даже простая прислуга, — чувствовали превосходство К.В. Они глубоко ценили деликатность и мягкость К.В. Одна сестра сказала мне: «Si tous les malades étaient comme Monsieur Motchoulsky,

on aurait le soir les jambes moins fatiguées»¹. Он никогда не звонил. Как бы он ни страдал, как бы ему не было неудобно, тяжело, он тихо лежал и терпеливо ждал, пока кто-нибудь придет. Те из вас, кто тяжело болел или у кого болел кто-нибудь из близких, понимают, что это значит — никогда никого не позвать, какое это предполагает мужество. Сестра его мне сказала, что на весь санаторий — в нем сто больных — он один такой терпеливый.

Все из нас знают, какую нежность проявлял к друзьям К.В. Нам эта нежность могла казаться иногда преувеличенной, могла даже слегка раздражать. Его нежность перед смертью избавилась от того, что французы определяют словом «surfait»², — в ней уже никак нельзя было уловить никакой сентиментальной ноты. Когда я приехала, в первый день моего приезда К.В. стал говорить о том, как он счастлив и благодарен мне. Чувствуя, что этого тона не выдержу, я ему сказала: «Давайте не будем умиляться, я ведь могу разреветься». Он мне ответил: «Я вам скажу, что думаю, и больше не буду. Дадим друг другу слово, что мы будем строги, даже суровы».

Слово свое он сдержал. В каком-то смысле он был суров.

Рома Клячкина

В день моего отъезда из Парижа в Камбо я получила от К.В. письмо. Он писал: «В глазах одной дамы, которая пришла известить меня из отеля и которая не видала меня 2 ½ месяца, я прочел испуг. Вот этого вашего испуга я боюсь. Но я вас никогда не обманывал. Я очень ослабел и изменился».

Под влиянием этого письма в поезде, везущем меня в Камбо, я все время подготавливала себя к этой встрече, старалась заранее овладеть своим волнением, представляла себе мысленно его худое, изможденное лицо и приучала себя к нему. Несмотря на это, когда я открыла дверь в комнату, где лежал К.В., и увидела на подушке его лицо, я почувствовала сильный шок. Это было лицо человека уже не в этом мире. Это мое первое впечатление впоследствии, при ближайшем контакте с К.В., только усилилось. К.В. жил уже не в этом мире: он жил на грани двух миров.

К.В. был скелетически худ. Форма черепа ясно обрисовывалась, лицо было восковое. В этом лице мертвеца жили интенсивной жизнью глаза. В них преобладали два выражения: темные, устремленные в одну точку, они наполнялись мучительной тоской и страданием, они как бы искали выхода. Это выражение сменялось другим: глаза становились светлыми, молодыми, даже веселыми, они загорались светом и счастьем. И как ни тяжело было выносить его тоскующий взгляд, еще труднее, почти невозможно, — я не могла, опускала глаза — было вынести выражение света и счастья на этом измученном, скелетическом лице. Думалось: это отблеск того божественного света, которого смертный человек вынести не может.

К.В. был чрезвычайно слаб, его слабость трудно себе представить нормальному человеку: он уставал от каждого движения, от каждого слова. Большею частью он лежал с закрытыми глазами — я сидела в его комнате, поодаль: он не любил, когда я уходила — читала или писала. Иногда он звал меня и тихим, прерывающимся голосом, несколько раз вбирая воздух между словами, говорил мне о своих мыслях и переживаниях. Слова его показались мне настолько значительными, что я решила их записывать. Записывала я их не в то время, когда он говорил, а большей частью вечером, когда он был особенно усталым и дремал. Я садилась за стол и записывала то, что он говорил в течение дня, старалась запи-

сывать как можно точнее, вспоминала его выражения, так что если записи эти не дословны, то, во всяком случае, очень точные. Все те слова его, которые я буду приводить, взяты из этих записок.

К.В. считал этот его период жизни очень значительным. Он говорил:

— В прошлом году, когда мне было лучше, гораздо лучше, чем сейчас, я скучал, потому что не мог жить творчески. Теперь, когда я больше ни на что не способен, я не скучаю. Теперешний период самый значительный в моей жизни: он творческий.

У К.В. не было безразличия к жизни, о котором пишут в книгах (например, у князя Андрея), он очень интересовался друзьями и страдал оттого, что связь с его друзьями с каждым днем прерывается все больше. В день моего приезда он написал свое последнее письмо. Потом, очень скоро, он не мог самостоятельно читать письма, слабость его настолько увеличивалась, что он не мог распечатать письмо. Это его очень удручало.

Он говорил:

— Вокруг меня был целый мир, с которым я был душевно связан, — нити постепенно обрываются. Странно, что для меня этот мир связан, но после меня он распадается — мои друзья между собою не связаны.

Поэтому я думаю, что он бы очень радовался нашему сегодняшнему собранию.

В жизненном плане К.В. очень интересовали его книги. Появление «Достоевского»³ было для него большой радостью и волнением. Он был удивлен количеством писем, которые он получал из разных стран света.

Он говорил:

— Я получаю со всех сторон письма с благодарностью за «Достоевского». Когда писал его, никогда не думал, что найду такой отклик. Милость Божия — человек делает самую малость, а получает так бесконечно много.

Он прибавил:

— Я счастлив, что столько людей откликнулось на «Достоевского». Но как мало людей, которые воспринимают мысль, как вы ее задумали.

К.В. жил уже частично и другом мире. Он это сознавал и старался мне объяснить это:

— Когда я переехал в санаторий и доктор сказал, что надо лежать, не вставая, я с тоской думал о том, как я буду проводить длинное время дня. Я видел перед собою часы: 9, 10, 11, 12, два часа, три часа... и меня охватывал ужас: как я буду все это время переносить. И все оказалось иначе: время обыкновенное для меня не существует, я живу в другом плане, там время другое, оно не давит.

— Мне очень тяжело сегодня, нет воздуха, нечем дышать, но духовно я счастлив. Есть две равнодействующие параллельные силы: дух и плоть, можно одновременно страдать во плоти и быть счастливым духовно.

К.В. перед смертью примирился со страданием, он как бы разрешил проблему страдания, которая его мучила всю жизнь.

— В каком я был в прошлую зиму низким духовном состоянии, когда твердил как дятел: почему мне такая несправедливость, почему другие люди могут жить, работать, писать книги, а мне послана такая ужасная болезнь? Но ведь если так рассуждать, весь мир — это чудовищная несправедливость, и прежде всего распятие.

— Поверьте мне, надо воспринимать все это, как мудрость, высшую мудрость: так надо. Нам мешает кусок... — К.В. мучительно искал слово, чтобы лучше выразить свою мудрость, но не мог его найти. — Он прибавил: кусок... это все не так.

— Когда мне очень плохо, я тихо молюсь Христу и Богородице. Бог меня не оставляет, Он всегда со мной. Но вот встает вопрос: а страдание, как же Бог его допускает? Бог не хочет моего страдания, Он страдает вместе со мной.

— Подумайте, что было бы, если бы был один природный мир — люди поедали бы друг друга. Люди создали любовь,

Бог пришел в мир, и получилось страдание. Но лучше страдание, чем темный мир.

К.В. мало говорил на интеллектуальные темы, ему это было трудно. Только один раз, когда после мучительного припадка ему стало вдруг хорошо, он попросил рассказать о парижской интеллектуальной жизни. Речь зашла о статье Адамовича, в которой он говорит о том, что Н.А. в своей книге «Русская идея» забыл о Пушкине. К.В. сказал:

— Адамовичу можно возразить: Пушкин — представитель русской культуры, но не выразитель русской идеи.

— Гете не выразитель немецкой идеи, но в этом счастье немецкой культуры.

Разговор перешел на Толстого, которого К.В. очень не любил, на «Анну Каренину», которую К.В. очень любил.

— Анна Каренина — царица земная, ей дана власть над плодами, зверьми, людьми. Толстой убил Анну, я его за это ненавижу, он моралист. Я его возненавидел за «Крейцерову сонату».

— А Наташа?

— Наташу он не убил, но ради своей морали превратил в самку.

В этот же вечер он сказал:

— Как я бы хотел написать книгу о Чехове. Но уже не напишу.

Были у К.В. минуты страшной тоски, когда он долго задыхался, сердце у него болело. Он раз тихо сказал:

— ...Все-таки какая ужасная вещь, этот переход...

Эти минуты он преодолевал молитвой. Он много молился.

— Иногда мне бывает так плохо, что я и молиться не могу. Но потом скажешь: «Пресвятая Богородица, спаси нас», «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного» — и... свет.

— Вот я сейчас подумал, что исполняю Его волю, и испытал счастье. Только плоть немощна, и это трудно переносить, в особенности по ночам, это мученье.

К.В. проводил ужасные ночи. У него были кошмары; утром, когда я приходила к нему, он рассказывал об этом. Его мучило, что он не мог отличить реальности от снов: «Я хотел, чтобы Вы были со мною, и я мог бы спросить: было это или не было?»

— Станный мне сегодня ночью снился сон: на каждое дыхание нормального человека мне нужно были три. Кто-то стоял возле меня и за каждое дыхание велел платить.

Несмотря на страдания и слабость, К.В. не терял чувства юмора. Однажды, когда я сказала, что поклоняюсь его смиренности и терпению, он сказал, улыбаясь:

— Если бы я в таком состоянии скис, я не был бы автором «Достоевского» и «Блока». Вот я и держусь, как за хвост собаки, со всех сил: хочешь не хочешь, а выпустить нельзя — скандал.

В одну из таких минут он сказал:

— Все в жизни должно кончаться улыбкой; если же само так не кончается, человек может так кончить. Вы согласны?

— Да, если это возможно.

— Может быть, и нельзя, умирая, улыбаться, но внутренне человек должен улыбаться.

К.В. был мужественен и не боялся.

— В болезни есть страдание и, что, может быть, еще хуже, есть страх страдания. Бог настолько милостив ко мне, что страха у меня больше нет, остались только сами страдания. Раньше, когда начинались удушья, я боялся задохнуться, а теперь я больше ничего не боюсь.

У К.В. не было безразличия к жизни. Он остро любил природу, в особенности солнце и цветы. Он не мог насмотреться на стоящие в вазе в его комнате камелии, которые он особенно любил. Он смотрел на косой луч на стене, который

посылало заходящее солнце с особенно острой любовью, как человек, который знал, что скоро его не увидит, — так живые не смотрят. Однажды, когда я вернулась после прогулки, он сказал:

— Вот еще одно чудо: все от меня уходит, а любовь не убывает. Если бы Вы знали, когда Вы уходите, какая любовь переполняла и озаряла меня. Я смотрел на луч солнца на стене, мой любимый луч заходящего солнца...

— Вот видите, казалось бы, мне так плохо: беспредельная слабость, удушье, как поешь — желудочный кашель, жар, и все же радость, радость, что мне дано в последние часы любить.

Накануне моего отъезда К.В. было особенно тяжело. Он был в полубессознательном состоянии, почти непрерывно лежал с закрытыми глазами. Вдруг он позвал меня, открыл глаза и сказал почему-то по-французски:

— *Ecoutez ce que je vais vous dire: j'ai très bien respiré maintenant, pas comme je dis d'habitude «je vais mieux», mais vraiment, cette fois j'avais l'impression que l'air se promenait librement dans mes poumons. Je me sens calme, tout-à-fait calme, mais ce n'est pas le calme d'ici, c'est le calme de l'autre monde⁴.*

К.В. вспоминал с любовью и благодарностью о митрополите Владимире, который посетил его в Камбо, — его умиляла простота митрополита Владимира, его смиренная, непоколебимая вера. Он рассказывал в шутивно-ласковом тоне:

— Я спросил митрополита Владимира, простенького, не ученого, не философа, не метафизика: а как переход от жизни к смерти, там, за чертой, мытарства, хождение по мукам?

Митрополит Владимир ответил сердито:

— Ах нет, там свет, из тьмы прямо в свет.

— А как же грехи? Грешники тоже прямо в свет?

— Грехи? Покаются, и Бог простит, все простит — и они в свет.

К.В. тихо прибавил:

— И я так думаю — за чертой... свет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Если все больные были бы, как господин Мочульский, у нас бы к вечеру меньше болели ноги» (*фр.*).

² Чересчур (*фр.*).

³ Книга вышла в 1947 г. в издательстве YMCA-Press. См. печатаемую ниже переписку К.В. с разными лицами, связанную с выходом этой книги.

⁴ «Послушайте, что я Вам скажу: мне очень хорошо сейчас дышится, не так, как я обыкновенно говорю «мне лучше», но действительно на этот раз мне казалось, что воздух свободно гуляет в моих легких. Я себя чувствую спокойным, совсем спокойным, но это не здешний покой, это покой потустороннего мира» (*фр.*).

Переписка К.В. Мочульского и Д.И. Лаури¹

К.В. Мочульский – Д.И. Лаури

17 ноября 1947
Hotel Bellevue
Cambo (B.P)

Дорогой друг Дональд Иванович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: когда выйдет моя книга², не откажите разослать 18 моих авторских экземпляров лицам, которых список я прилагаю. Конечно, почтовые расходы поставьте на мой счет.

Так как из-за болезни я не могу написать посвящений, то будьте так добры, вложите в книги карточки со словами «от автора». Как мне ни грустно, но пока придется ограничиться этим.

Относительно «Service de presse», я уверен, что у Вас имеется список лиц, которым Вы посылаете Ваше издание.

Я припоминаю:

русские журналисты:

- 1) G. Fedotoff с/о «Новый журнал», Нью-Йорк,
- 2) G. Adamovitch, «Русские новости», Париж,
- 3) Prof. Rev. p. V. Zenkovsky, 93 rue de Crimée, 19;

французские профессора:

- 1) Labry, prof. de la littérature russe à la Sorbonne,
- 2) André Mazon, prof. de la Littérature russe au Collège de France,
- 3) Pierre Pascal, prof. de la littérature russe à l'Ecole des langues Orientales.

Сердечно и искренне,
К. Мочульский

16 декабря 1947
Sana Beau lieu
Cambo

Дорогой друг Дональд Иванович!

Я боюсь, что скоро надоем Вам своими письмами. Мой друг, поэт и журналист Юрий Константинович Терапиано, состоит сотрудником Нью-Йоркской «Русской газеты»; он хорошо знает и любит мою книгу о Достоевском и давно хочет написать о ней отзыв. Мне бы это было очень приятно. Нельзя ли послать ему один экземпляр, как «Service de presse»?

Второе предложение исходит от проф. Nakkel'я³, которого Вы, вероятно, знаете. Он предлагает дать отзыв и устроить переводы в Германии и Голландии. Можно ли ему тоже сделать «Service de presse»? Посылаю Вам на прочтение его письмо ко мне.

Крепко жму руку,
Ваш К. Моуч.

12 января 1948
Sana Beaulieu
Cambo

Дорогой друг Дональд Иванович!

Простите, что вторично возвращаюсь к вопросу, о котором Вам уже писал. Я послал Вам для «Service de presse» список имен французских профессоров, пропагандирующих русскую литературу и необыкновенно полезных для распространения наших книг (P. Pascal, V. Kontchalovska, Labry, A. Mazon). Мне хотелось бы узнать, кому из них Вы послали «Достоевского»? Среди французов было русское имя прот. В. Зеньковского. Получил ли он тоже мою книгу? У меня не сохранился список авторских экземпляров: знаю только, что три человека на подарок откликнулись. Если у Вас есть список, пришлите мне копию.

Вчера получил очень любопытное письмо от жены сына Достоевского⁴. Также просит книгу. Посылаю Вам это письмо и предоставляю Вам решение.

Простите. Что утомляю Вас просьбами. Заранее благодарю,
Ваш искренне,
К. Мочульский
Доктор лечит мне сердце, и мне немного лучше.

Д.И. Лаури – К.В. Мочульскому

14 января 1948
Prof. K.V. Motchoulsky
Sana Beaulieu
Cambo

Мой дорогой Константин Васильевич!

Я получил Ваше письмо от 8 января, которое, должно быть, пришло одновременно с моим от 9 января, в котором я прилагаю Вам список лиц, которым мы отправляем экземпляры Вашей книги⁵.

Что касается желания, выраженного госпожой Достоевской, среди 20-ти авторских экземпляров есть еще один, и, если хотите, мы можем переслать его ей. Пожалуйста, дайте знать о Вашем решении.

Прилагаю список лиц, которым мы отправили авторские экземпляры, руководствуясь Вашими указаниями.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш, Дональд Лаури

К.В. Мочульский – Д.И. Лаури

19 января 1948
Sana Beaulieu
Cambo

Дорогой Дональд Иванович!

Получил Ваше письмо, в котором Вы пишете, что уже прочли 100 страниц моей книги и находите ее fascinating. Меня это так тронуло и обрадовало, что мне захотелось поскорее Вас поблагодарить. Позвольте ввести Вас в круг моих

близких друзей и послать Вам карточку с посвящением. Я очень счастлив, что в наше трудное время моя дорогая книга все-таки продается!

Мое здоровье немного лучше, надеюсь, что весной будет еще лучше.

Ваш К. Мочульский

Д.И. Лаури – К.В. Мочульскому

19 января 1948
Prof. K.V. Motchoulsky
Sana Beaulieu
Cambo

Мой дорогой Константин Васильевич,

Вам будет интересно узнать, что наш литературный комитет в прошлую пятницу решил напечатать Вашу книгу о Блоке. Поскольку невозможно публиковать книги одного и того же автора с коротким интервалом времени, «Блок» будет опубликован не раньше следующей осени, но я подумал, что Вам приятно и обнадеживающе будет узнать об этом уже сейчас.

С наилучшими пожеланиями,
Искренне Ваш,
Дональд Лаури.

21 января 1948
Prof. K.V. Motchoulsky
Sana Beaulieu
Cambo

Мой дорогой Константин Васильевич,

Только что получил от Вас письмо от 15 января – оно должно было пересечься с моим, отправленным 16 января, в котором я предлагал Вам отправить вдове сына Достоевского оставшийся авторский экземпляр.

Я был глубоко тронут Вашим посвящением и был бы рад включить его в мой экземпляр Вашей книги. Но этот экземп-

ляр я получил из печати, следовательно, я не нуждаюсь в еще одном экземпляре из Вашего списка. Мы будем Вам признательны за Ваши указания по этому поводу.

Все наши друзья были счастливы узнать, что Ваше здоровье идет на поправку, и мы надеемся, что к весне Вы будете чувствовать себя еще лучше.

Искренне Ваш, Дональд Лаури.

К.В. Мочульский – Д.И. Лаури

23 января 1948 г.
Sana Beaulieu
Cambo

Дорогой Дональд Иванович!

Я очень рад, что Ваш комитет решил напечатать «Блока». Это для меня большое удовлетворение. И, конечно, в первую очередь я благодарю Вас.

Что касается госпожи Достоевской, то я согласен послать ей мой последний авторский экземпляр. Пожалуйста, сделайте это, и будьте добры, возвратите мне ее письмо.

Сердечно Ваш, К. Мочульский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из архивов УМСА-Press. Д.И. Лаури – ответственный от международной УМСА по делам издательства УМСА-Press и помощи русским эмигрантам в первые послевоенные годы.

² «Достоевский» (УМСА-Press, 1947).

³ Гаккель Алексей Густавович (1892–1951) – литературовед, историк, автор книг об иконе (1943), Достоевском (1950), преподобном Сергии Радонежском (1956), переведенных на русский, испанский и французский языки. Отец священника Сергия Гаккеля.

⁴ Екатерина Петровна Достоевская (1886–1958) – жена Ф.Ф. Достоевского, невестка и помощница А.Г. Достоевской. Эмигрировала во время Второй мировой войны во Францию.

⁵ Список, содержащий 18 имен, включает Н.А. Бердяева, еп. Кассиана (Безобразова), архим. Киприана (Керна), Ф.Т. Пьянова, G. Walter (переводчик К.В.), С.В. Медведеву, Р. Клячкину, С.Б. Пилленко (мать матери Марии (Скобцовой)), М.Л. Кантора, Б.К. Зайцева, Л.А. Зандера, Ф.Т. Спасского и др.

Письма К.В. Мочульского А.М. Ремизову

Письма К.В. Мочульского А.М. Ремизову написаны с 1924 по 1931 годы и свидетельствуют о тесном общении меж критиком и писателем в 20-е годы. Среди многих друзей Ремизова Мочульский согласился стать членом Обезьяньей Великой и Вольной палаты (Обезволтал), созданной Ремизовым в виде пародии на литературные общества того времени.

Редакция «Вестника» выражает благодарность Русскому центру в Амхерст за предоставленную публикацию писем.

Открытка
10 февраля 1924
Remizov
59, rue Chardon Lagache
Paris, XVI

Дорогой Алексей Михайлович,
я сегодня видел Шюзвилля¹ — он зайдет за мной во вторник, и мы к 9 часам будем у Вас.

Список передам и обезполпреду английскому напишу.
До скорого свидания. Сердечный привет Серафиме Павловне.

Любящий Вас К. Мочульский.
P.S. Видел сегодня Челищева² — он перед Вами в великом страхе: в чем-то провинился и мучается, бедный.

Дорогой Алексей Михайлович, 1924
Кавалера I степени с львовым усом
обезьяньей Великой и Вольной Палаты
Константин Мочульский

Донесение

Согласно Вашего приказа, доведено мною было до сведения М. Винавера³ о Вашем желании поместить в «Звене» («Chainon») фельетон (или несколько) о встречах Ва-

ших с писателями земли Русской, на что последовала резолюция: «Алексея Михайловича Ремизова просить неотступно и торопить безотлагательно». Ждут не позже воскресенья. Если много — разделите на несколько фельетонов, все будет напечатано и во французской монете уплачено. В самом скором времени и сам к Вам прибуду: Аглицкий обезьян о Вас статью написал (по-аглицки) — скоро напечатает.

О «Временнике» написал. Bataille в библиотеке роется: «новых людей» ищет. Серафиме Павловне поклон. Теперь я с усом — есть на что мотать.

Ваш К. Мочульский.

Это мой знак — львовый ус.

Дорогой Алексей Михайлович,

Сегодня получил повестку из Institut Slave: просят прийти в понедельник за жалованьем. А Лозинский⁴ уже сегодня получил (у меня bourse⁵ — оттого позднее). Передал Вашу рукопись, а первую просил Вам послать. Уезжаю в понедельник — уже не смогу до отъезда к Вам зайти, но в сочельник (русский) обязательно будем вместе. Смешной был франко-русский комитет тогда: Шюзевилю Ваши мальчики не понравились: говорил, невежливые и гордые, что университет кончили.

А мне нравятся, хоть и большевики. Перевод мы кончили. Chuzeville обещает половину денег до Рождества, а дру- гую при выходе книги.

Ну, желаю Вам счастливо оставаться и меня не забывать. Князь приезжает 21-го, так что скоро увидите. Мне назначил свидание на «Свято-Лазаревском вокзале»⁶.

Ну, дорогой Алексей Михайлович, да хранит Вас Бог. Серафиме Павловне скажите, что я ее нежно люблю (только четверых человек люблю так крепко).

Кавалер К. Мочульский

Устриц так захотелось...

Monsieur Alexis Remizov
120 bis, av. Mozart
6 Villa Flore, XVI

[1925]

Дорогой Ал. Мих.,
Ваши рисунки — чудо. Я в восторге. Статью завтра отнесу в редакцию.

Приеду и принесу книги в четверг между 5–6 после обеда. Я уезжаю в деревню восьмого — и столько дел, что просто хоть погибай.

А погибать весной не хочется.

Серафима Павловна меня забыла, а я по ней скучаю и всегда о ней думаю.

Итак, до четверга!!

Ваш любящий и хвостом честь отдающий. Кавалер Мочульский.

P.S. Читали «Автобиографию Звена»?

[1927], б. д.

Дорогой Алексей Михайлович,
недавно вернувшись из Палестины, я нуждаюсь в некотором отдыхе после утомительного путешествия и потому прошу Вас позволить мне прийти к Вам не в среду, а в четверг. Принесу Вам свой новый рассказ, в котором отразились мои впечатления от Святой Земли. Если ничего не ответите, значит можно. Тогда к 9 вечера в четверг буду у Вас. Сердечный привет дорогой Серафиме Павловне. К. Мочульский.

[1927]

Мой дорогой Алексей Михайлович,

Что означает «Господи и прочее?» Так и не понял. Мне очень грустно, что я не смогу прийти к Вам сегодня: завтра у меня лекция и нужно учиться.

Приду в понедельник 7-го принесу Серафиме Павловне о Жорж Занд: простите, что так опоздал. Наши Вам и Сер. П.

кланяются. Читайте Вашу книгу — и как только кончу, напишу о ней — очень мне нравится⁷. Ваш К. Мочульский.

Открытка [1927]

Дорогой Алексей Михайлович,
я свою вину чувствую: давно не заходил и за книжку не поблагодарил. Так был завален работой. Приеду к Вам, только не сегодня (никак не могу), а в воскресенье в 5 часов, если позволите.

Очень соскучился по Вас и по Серафиме Павловне.
Ваш любящий К. Мочульский.

Открытка, 28.07.1927

[Штемпель из Милана]

Дорогой Алексей Михайлович,
простите, что уехал не попрощавшись, столько было хлопот. Вот если бы Вы и Серафима Павловна были со мной в этом картезианском монастыре — Вы бы порадовались... Я очень доволен своим путешествием и счастлив, что оно только началось. Здесь очень жарко и светло — не то что в Париже. Напишите мне по адресу: Signore Professore N. Ottokar, Via della Robbia 47 Firenze. Для меня.

Привет нежный С.П. Ваш К. Мочульский.

[1928]

Дорогой Алексей Михайлович,
прочел Ваш некролог С.В. Лурье⁸ — и вот наш вечер опять был — и так навсегда останется — вечным.

Я был очень болен, потом, поправившись, поехал в Брюссель смотреть на Manneken-Piss (самое святое у брюссельцев; когда были немцы, комендант приказал тому мальчику надеть штаны, но ночью штаны украли — и так бывало каждую ночь, а теперь он стоит голенький и делает свое дело без обиняков — просто — прямая струйка). Я хочу Вам почтить Кольцова⁹; напишите: в сочельник ли или в воскресенье.

Только ответьте поскорей; если в сочельник будут чужие, — я бы лучше в воскресенье.

С Новым годом!

Добрые Серафима Павловна и Алексей Михайлович — дай Вам Бог радости.

Я Вам из Брюсселя подарок привез — а ем там морских зверей — *caricoles* и сырые мидии (*moules parquées*).

Обнимаю Вас

К. Мочульский.

[1928]

Alexis Rémisov
120 bis avenue Mozart
5, Villa Flore
Paris, XVI

Дорогой Алексей Михайлович,
ну и сон!

Читал Лозинскому, а мамаше его не читал — она очень впечатлительная? и я опасуюсь.

А насчет «перетычки» в моей жизни — так это постоянно. Но что «автор» сидит, прикрывшись платком? Это очень хорошо.

Не пришел к Вам в воскресенье — помешали, очень хотелось. Читал в «Очаге» о Соллогубе, так просто все плакали и обнимались — такой успех.

Теперь — 5 апреля — о Блоке в Тургеневском обществе, на иголке. Вот уж подлинно, не ждал не гадал (нрзб.), не лекцию читать. Что бы Кессель¹⁰ на это сказал.

Третьего дня с Адамовичем и Шюзвилем ходили к *Sacré Coeur*¹¹, ночью. Умора одна с этими славянскими душами. А Шюзвиль ухаживает за Зинаидой Николаевной. Хороши Ваши «почки на каштанах», только напоминают они что-то совсем из другого. А может, так оно и получается — у Вас на то глаз.

Подружился с Роциным¹² — он все ждет сборника рассказов, где бы Вы, он и я; я сказал, что дело на мази. У Вольфсона был — вас вспоминали и кланялись. Когда же мы увидимся? На той неделе со среды свободен.

Напишите.

P.S. Г. Иванов въелся в Ходасевичей — ужасно.

Серафиме Павловне — сердечный привет

К. Мочульский

13.11.1931

Monsieur A. Remizov
3 bis, av. J.-B. Clément
Boulogne s/Seine

Дорогой Алексей Михайлович,
ну вот — на душе легче стало. Вчера отправил Якорю Платоновичу заметку о Ремизове (чуть-чуть изменив Ваш текст и подписав собственным именем; первый раз в жизни — плагиат и гонорар получу за чужое). Медлил я потому, что *Le Mois*¹³ на меня навалились всей своей тяжестью (700 страниц!).

А теперь — легче стало. Мой летний отдых (принято говорить: *mes vacances mouillées*; или: *oh la, la! Quel sale temps!*) все же принес мне большую пользу: 1¼ месяца я ни с кем слова не сказал — одиночество вещь вначале горькая, а в конце — сладчайшая.

Читал про себя в «Сатириконе»¹⁴ — сначала обиделся, а потом увидел, что это не я, а Козлик, и успокоился.

Когда Вы приедете?

Monsieur Remisov
3 bis, av. J.-B. Clément
Boulogne s/Seine

Дорогой Алексей Михайлович,
догадался, что люстик — это *loustic*, что означает:

- 1) *militaire qui cherche à faire rire ses compagnons*¹⁵;
- 2) *farceur en général*¹⁶.

Я думаю, что Б (нрзб.) употреблял его во втором смысле. *Militaire* — уж очень не подходит. Очень мне было хорошо у Вас в воскресенье — какой-то Вы были особенный.

Жду схемы. Ваш К. Мочульский

Б. д.

Дорогой Алексей Михайлович, милый друг!

От Вишняка через 2 недели доставить отзыв о Ремизове.

Я прочел *Три серпа* (оба тома), а теперь читаю *По карнизам*¹⁷.

О чем еще писать? Схема становится *très urgent*¹⁸.

Приходил Корсак¹⁹, книжки подарил; да не могу я о нем писать — ничего в книжках нет, а человек хороший.

Выбирайте день на будущей неделе, чтобы я у Вас от 7½ до 12 — лежа разговаривать. Хотите вторник 17-го? Серафиме Павловне — привет. К. Мочульский

Б. д.

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша схема опоздала: я уже отослал статью в «Совр[еменные] зап[иски]»²⁰. Написал только о: 1) Образе Н. Чуд., 2) Три серпа, 3) По карнизам. О других — места не было.

О Корсаке так и не написал — хватит с него и Осоргина²¹.

Выздоровливайте и отдыхайте — привет Серафиме Павловне. Le Mois заедает жизнь; сейчас даже и сказать не могу, когда к Вам приеду.

Ваш К. Мочульский

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Chuzeville — один из главных переводчиков русской литературы в эти годы.

² Челищев Павел Федорович (1848–1937) — живописец, график. В эмиграции с 1920 г., с 1923 г. жил в Париже, в 1934 г. переселился в США, а с 1950 г. обосновался в Италии.

³ Винавер Максим Моисеевич (1862–1926) — общественно-политический деятель, публицист. В эмиграции с апреля 1919 г. Соредактор газеты «Звено». Два года спустя К.В. Мочульский писал в некрологе «Памяти М.М. Винавера» о его роли в редакторском коллективе «Звена»: «Мы не были связаны программами, наши взгляды часто расходились; его мнение как-то незаметно нас объединяло. Увлечение, с которым М.М. руководил журналом, заражало нас» (Звено. № 195. 1926).

⁴ Лозинский Григорий Леонидович (1884–1942) — литературовед, брат поэта и переводчика Михаила Лозинского. В эмиграции с 1922 г., жил в Париже. Преподавал в русской гимназии.

⁵ Стипендия.

⁶ Saint-Lazare — вокзал в центре Парижа.

⁷ Речь идет о книге Ремизова «Взвихренная Русь». Рецензия Мочульского появилась в «Звене» № 219 от 10 апреля 1927 г., с. 2–3.

⁸ Лурье Семен Владимирович (1867–1928) — литературный критик, поэт. В эмиграции с 1919 г., жил в Париже. Некролог Ремизова опубликован в № 1 «Звена» за 1928 г.

⁹ К.В. Мочульский был известен в кругах русской эмиграции как прекрасный чтец русской классики. Он читал не только на собраниях, но и на семейных вечерах.

¹⁰ Кессель Жозеф (1898–1979) — французский писатель русского происхождения.

¹¹ Известный парижский собор на Монмартре, построенный в XIX веке.

¹² Рошин Николай, наст. фамилия Федоров; другой псевдоним Днепров (1892, Смоленск — 1956, Москва) — прозаик, журналист, участник Первой мировой войны и Белого движения. В эмиграции жил во Франции, многие годы — у Бунина. С 1942 г. — участник французского Сопротивления, с 1944-го — член французской компартии, в 1946-м принял советское гражданство и вернулся в СССР.

¹³ Литературный ежемесячник, возникший в Париже в начале 1931 г., посвященный новинкам культуры во всем мире и уделявший внимание русским темам.

¹⁴ «Сатирикон» — еженедельный журнал, издававшийся под редакцией М.Г. Корнфельд с 1931 г. в Париже (вышло 28 номеров).

¹⁵ Военный, который смешит своих товарищей (*фр.*).

¹⁶ Шутник (*фр.*).

¹⁷ Речь идет о двух повестях Ремизова, двухтомнике «Три серпа» (изд. Таир, Париж, 1927) и «По карнизам» (Белград, Русская библиотека, 1929).

¹⁸ Очень срочной (*фр.*).

¹⁹ Корсак, настоящее имя — Венъямин Валерианович Завадский (1884–1944) — прозаик, поэт, участник Первой мировой войны и Белого движения, эмигрировал в 1920 г. С 1922 г. жил в Париже.

²⁰ К.В. Мочульский. Ал. Ремизов. «Образ Николая Чудотворца», «Московские любимые легенды. Три серпа», «По карнизам» // Современные записки. 1932. № 48.

²¹ М. Осоргин (Михаил Иванович Ильин (1878–1942)) — прозаик и литературный критик, редактор литературного отдела газеты «Дни»; опубликовал ряд рецензий на книги Корсака «Забывшие» (Современные записки. 1928. № 36), «У красных» (Современные записки. 1930. № 44), «Под новыми звездами» (Современные записки. 1933. № 52).

Письма К.В. Мочульского Н.А. Бердяеву

Мой новый адрес:
72, rue Michel-Ange
Paris XVI

Дорогой Николай Александрович, очень обрадован Вашим любезным предложением¹ и, конечно, принимаю его! Предлагаю Вам на выбор пять тем (каждая для 1 лекции).

Русские темы

1. Возникновение русского религиозно-философского сознания (Чаадаев и Иван Киреевский).

2. Религиозная трагедия Гоголя. (Психологическая загадка Гоголя. Болезнь его. Мистик ли Гоголь? Подвижничество и одержимость.)

Общая тема

3. Религия и культура. (Проблема религиозной культуры. «Зло» культуры. Русские культуроборцы. Попытки разрешения этого вопроса на Западе. Возможно ли «оправдание» культуры?)

Западные темы

4. Религиозная жизнь Франции (два типа французского религиозного сознания: Шарль Пэги и Леон Блуа).

5. Духовные искания современной Франции (творчество Андрэ Жида).

6. Путь святости для «малых душ» (личность и жизнь Маленькой Терезы, Младенца Иисуса).

Прошу Вас выбрать из этих тем 2–3 (не больше, т.к. к весне я всегда бываю перегружен работой) и сообщить мне Ваш выбор². Общая тема (№ 3) в тоне Вам известных моих выступлений, но до упразднения культуры и чистого мракобесия все же я не дохожу! Может быть, у Вас есть темы, которые Вам кажутся более насущными и интересными: если я к ним подготовлен, я с удовольствием последую Вашим советам. Буду очень рад повидаться с Вами, надеюсь, что Вы за лето хорошо

отдохнули и теперь вполне здоровы. Я вчера только вернулся: месяц отдыхал в Cannes: там было чудесно. Когда начинаются Ваши лекции? Сердечный привет Вашей супруге.

Искренне уважающий Вас К. Мочульский

23 июня 1945 г.

Дорогой Николай Александрович!

Здесь, под сенью лесов сосновых, мы объединились: Софья Вениаминовна³, Тер-Погасьян⁴ и я. Я очень доволен местом и продовольствием и, кажется, поправляюсь. Часто вспоминаем Вас и строим планы на осень. Михаил Матвеевич мечтает о русском издательстве — продолжении дела И.И. Фондаминского и обещает издавать Ваши книги и мои. Я получил письмо от Извольской, она говорит о новом журнале «La troisième heure»⁵ и просит прислать статью. Я это сделаю, когда вернусь в Париж, здесь у меня ничего нет под рукой. Состав сотрудников довольно странный. Манциарли⁶, Бакст и Казем-Бек. Почему Казем-Бек⁷? Нужно спросить у Элиты Величковского⁸. (Я считаю, что правильнее писать Элита, а не Элита, т.к. это с французского élite.) Я здесь написал уже три новых главы по 60 страниц о Блоке: есть надежда, что осенью книгу кончу. Она будет значительных размеров, но я утешаю себя тем, что это — первая история русского Ренессанса. Как Вы поживаете? И как работаете? Напишите, пожалуйста, все о себе. Как здоровье дорогих Лидии и Евгении Юдифовны? Очень по Вас соскучился. В Богословском институте меня сократили — перевели на 1200 фр. в месяц, т.е. на два кило масла. Об этом писал мне Зеньковский.

Сердечный привет
Ваш К. Мочульский

1 декабря 1946

Hôtel Bellevue
Cambo (B.P.)

Дорогой Николай Александрович!
Вам трудно себе представить, какую радость Вы мне доставили Вашим письмом. Только здесь, в вынужденном оди-

ночестве, я вполне понимаю, как много мне давало общение с Вами, как тесно я был связан с Вами и интеллектуально, и духовно. Когда я писал свою книгу о Блоке, я всегда думал о том, как я буду читать ее у Вас, — и ваше живое, временами страстное отношение к моей работе вдохновляло меня. С какой радостью и благодарностью вспоминаю я наши интимные обеды: Вы, Евгения Юдифовна, Софья Вениаминовна, Ромочка⁹ и я — и потом мои чтения. Мне кажется, что не будь Вас, я не мог бы написать Блока...

Я не жалею о своей жизни в Камбо; я больше не страдаю физически, здоровье мое поправляется, обстановка прекрасная, но все-таки: быть вырванным из парижской жизни, из круга друзей, из той духовной атмосферы, в которой я привык работать, быть обреченным на одиночество и на относительную праздность — все это очень тяжело.

Я не могу продолжать писать о символистах, т.к. у меня здесь нет книг и мне не велено переутомляться. Читаю Флобера и Ренана, которых нашел в библиотеке отеля, изучаю со скуки баскский язык (страшно интересно!) и исправляю корректуры моего «Достоевского». Надеюсь, что к Новому году книга появится.

Вы пишете, что принадлежите к людям, ищущим бурь. Это — то, что я в Вас особенно люблю. Когда я прочел о том, сколько Вы прочли лекций в Швейцарии, сколько пишете и сколько задумали написать, я был просто поражен Вашей энергией, неослабевающим вдохновением и неугасающим огнем. Господь Вам дал великий дар — и Он пошлет Вам силы для исполнения всех Ваших замыслов.

Спасибо за добрые слова обо мне: мне еще более печально, что я не могу участвовать в работе общества духовной культуры, я человек смиренный и совсем не воинственный, но судьбу свою принимаю с трудом и плохо понимаю. Это — не карамазовский бунт, а просто горестное недоумение. Когда-то Вы мне вскользь сказали, что идею Промысла понимаете совсем по-другому. Надеюсь в Ваших новых книгах найти ответ на этот вопрос. Евгения Юдифовна думает, что мы переживаем эпоху богооставленности. Согласны ли Вы с ней? Я был счастлив узнать, что в Швейцарии Вас слушало 14 наций и что в Кламаре у Вас бывает много иностранцев. Это

интереснее, чем эмиграция, которая находится в состоянии окончательного разложения.

Как-то весной, еще до моей болезни, Вы сказали мне, что УМСА-Press принципиально согласна издать мою книгу о Блоке. Я слышал, что П.Ф. Андерсон в Париже. Если Вам представится случай, скажите ему, что в этом году 25-летие со дня смерти Блока и что я очень был бы ему благодарен, если бы он начал печатать «Блока» тотчас же по выходу «Достоевского». Рукопись переписана на машинке и готова к печати: она составляет приблизительно половину книги о Достоевском (500 стр. на машинке). Мне так было приятно прочесть о Вашей высокой оценке моего «Блока». Повторяю, что книга вдохновлена Вами. У меня уже закончена третья книга, которую думаю назвать «Пророк русского Возрождения: Андрей Белый». Книга меньше Блока и полна «гениальных безумств». Она завершает картину эпохи и является необходимым дополнением к книге о Блоке. Нужно будет и ее когда-нибудь издать¹⁰.

Ромочка, вероятно, уже говорил Вам, что Payot¹¹, у которого сгорел склад бумаги, не может «pour le moment» издать мои книги о Достоевском и Соловьеве, но согласен уступить свое право на французское издание другому издателю. Мой переводчик Welter взялся его отыскать, Ромочка со своей стороны имеет какие-то планы; посмотрим, что из этого выйдет. Но я что-то расписался — все равно письмо не заменяет личной беседы с Вами, которой мне так недостает.

Сердечный привет Евгении Юдифовне.
Сердечно любящий Вас К. Мочульский

13 марта 1947

Hôtel Bellevue
Cambo (B.P.)

Дорогой Николай Александрович!

Благодарю Вас за Ваш чудесный подарок — Вашу книгу¹². Я читаю ее с большим увлечением и нахожу ее очень значительной и нужной. В эти смутные дни, когда так мучительно думать о трагической судьбе нашей родины, Ваша книга многим поможет, многих ободрит, многим объяснит загадку русского духа. Я считаю Вашу мысль о поляризованности

русской души необыкновенно плодотворной. Страна, в которой любовь к свободе достигала такого огненного напряжения — начиная с Радищева, через Достоевского и кончая автором «Свобода и рабство человека»¹³, — эта самая страна «игом рабства клеймена» — от татарского ига до Сталина — всегда рабство, всегда деспотизм, всегда насилие, всегда «народ безмолвствует». Это ужасно — это очень трудно пережить... Мне было особенно интересно прочитать Вашу главу о символизме¹⁴ — считаю ее блестящей. О многом хотелось бы поговорить, на кое-что возразить, но откладываю это до лета, когда надеюсь, наконец, Вас увидеть. Мой «Достоевский» застрял из-за забастовки. *Nabent sua fata libelli*¹⁵. Фагум моей книги очень тяжелый — с 1942 года то немцы, то французы мешают ее появлению¹⁶... Евгения Юдифовна очень меня балует: на днях я получил от нее плитку шоколада и очень ее оценил. Пожалуйста, передайте ей мои самые нежные приветы.

Мое здоровье значительно лучше. Я уже могу много гулять. Искренне любящий Вас, К. Мочульский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о предложении прочесть цикл лекций в Религиозно-философской академии, организованной Н.А. Бердяевым в Париже (бульвар Монпарнас, 10) наподобие петербургских религиозно-философских собраний начала века.

² В итоге Мочульским были прочитаны: «Трагедия Гоголя» (10 марта 1935 г.), «Католическое возрождение во Франции. Поль Клодель. Леон Блуа» (11 и 18 июня 1935 г.), «Франциск Ассизский» (17 декабря 1935 г.), «Св. Серафим Саровский» (14 января 1936 г.), «Мистический опыт Владимира Соловьева» (10 мая 1936 г.), «Св. Тереза из Авилы» и «Святой Иоанн Креститель» (2 и 9 февраля 1937 г.).

³ Медведева, впоследствии мать Елизавета, — близкий друг К.В. Мочульского и матери Марии, продолжившая впоследствии «Православное дело».

⁴ Общественный деятель в эмиграции.

⁵ «Третий час» (*фр.*) журнал выходил в Нью-Йорке с 1946 по 1954 г. под ред. Е.А. Извольской, А.С. Лурье, И.В. Манциарли, В.С. Яновского. Вышло шесть номеров. В № 1 за 1946 год были опубликованы воспоминания К.В. Мочульского о матери Марии.

⁶ Манциарли Ирма Владимировна (ум. в 50-е гг.) — теософ, журналист, в эмиграции жила сначала в Индии, затем в Париже.

В 1930–1932 гг. — соредатор журнала «Числа». В начале 40-х гг. переехала в Нью-Йорк. Умерла в Париже в 50-е гг.

⁷ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) — глава партии младороссов (царь и советы). Переехал в 1941 г. в США, а в 1956 г. стал советским патриотом, вернулся в Советскую Россию, где стал работником Московской Патриархии.

⁸ Величковский Анатолий Евгеньевич (1901–1981) — поэт, прозаик, эмигрировал в 1919 г., жил во Франции.

⁹ Р. Клячкина. См. «Рассказ о последней встрече с К.В. Мочульским».

¹⁰ Книга вышла в издательстве YMCA-Press в 1948 г.

¹¹ Французское издательство, в итоге издавшее книгу Мочульского «Dostoevsky. L'homme et l'oeuvre» только в 1963 г. (в переводе Gustave Welter).

¹² «Русская идея» (Париж, 1946).

¹³ «О рабстве и свободе человека» — труд Бердяева, изданный в Париже в 1939 г., переведенный на английский (1939), французский (1946), голландский (1947) языки при жизни автора, а впоследствии и на итальянский (1952), немецкий (1957), испанский (1955) и японский (1954).

¹⁴ Десятая глава «Русской идеи» посвящена культурному ренессансу в XX веке и включает размышления о его «литературном источнике», с освещением творчества Д.С. Мережковского, Вл. Соловьева, Вяч. Иванова и др. русских символистов.

¹⁵ Книги имеют свою судьбу.

¹⁶ Книга окончена в 1942 г., но опубликована была только в 1947 г.

Публикация Н.А. Струве и Т. Викторовой

*К 125-летию со дня рождения
Б.К. Зайцева*

**О «Дальнем крае», «Путниках»
и их «Голубой звезде»**

*Переписка Бориса Зайцева, Натальи Соллогуб
и о. Павла Грибановского
(1965–1992)**

23. Грибановский – Зайцеву. 15 октября 1968 года

15 окт<ября> 1968 г.

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович, только что получил и распечатал Вашу книгу. Доставили радость. Большое, большое спасибо.

Работаем вовсю. Времени в обрез. Юрий Павлович Иваск далеко, на юге США, и его не хватает. Привык я разговаривать с ним, высказывать свои сомнения, делиться мыслями. Хочется надеяться, что все же к следующему году он вернется.

Наши погромы и разбои как будто затихли. Сейчас на всех снимках, на всех кино-телеэкранах состязаются между собой кандидаты. Они ждут выборов, и каждый уже садится, вероятно, перед зеркалом в кресло и видит себя президентом. Высказывания их друг о друге иногда оставляют же-

дать лучшего. Понятия об этике у них более чем скромные. О кандидате Демократической партии как-то было сказано, что попал он в эту категорию путем совсем особым: только потому, что вовремя наполнял стаканы водой и аккуратно чистил пепельницы в Белом доме. Этим и заслужил повышение – номинацию. Что же я должен буду думать, если сегодня вычистив хорошо все пепельницы, завтра он окажется главой могущественнейшей страны? Таковы времена, таковы нравы.

Со студентами читаем в этот триместр (и разговариваем, конечно) «Киру Георгиевну» **Виктора Некрасова**. В след<ующем> триместре, зимой, будем работать над «Раковым корпусом» Солженицына. Я так захвачен этой книгой, что ничего не могу говорить: должен остыть. Г. Адамович якобы сказал, что это, как ему кажется, лучшая вещь в двадцатом веке. И вот такому писателю затыкают там рот, вырывают из рук перо.

Мои парижские друзья-школьники совсем обо мне забыли, не выжмешь из них ни строчки. Верным корреспондентом оказался только др. **Л. Балзанов**. Каждый второй месяц получаю от него письмо. Он тоже наш «шавильский мальчик», но лет на пять меня младше.

Как поживает весь «дом в Пасси»? Все ли здоровы, все ли в порядке? Всем сердечный привет и наилучшие пожелания. Галя все грозитя Наташе написать. Но сейчас занята она сверх всякой меры. В конце месяца у наших дам церковный базар, и Галя, к моему (и к своему) огорчению, председательница сестричества. Все вечера к нам никто не может дозвониться: или ей звонят, или звонит она. Заниматься невозможно.

С начала ноября будет она свободнее.

В сентябре был в Калифорнии. Навещал сестру, друзей. Проветрился. Наговорился и «навстречался» до того, что едва дышал. Сев в автобус междугородного сообщения, спал почти все семнадцать часов пути. Только так и отдохнул.

Красивый строится у нас в Сан-Франциско собор. Уже началась внутренняя роспись. Расписывает отец архимандрит Киприан, монах-художник-иконописец из Св.-Троицкого нашего монастыря, что в Джорданвилле. Стиль древнерусский, с некоторой оглядкой на древнесербское.

* Окончание. Начало см. в № 192.

Публикация, вступительная заметка и примечания О.А. Ростовской.

Жена шлет всем привет. То же делаю и я. Большое спасибо за подарок. В библиотеке я об этом говорил, но, кажется, книга Ваша у них есть. Дай Бог радости.

Глубоко Вас уважающий, преданный Вам
П. Грибановский

Некрасов Виктор Платонович (1911–1987) – прозаик, автор знаменитой повести «В окопах Сталинграда» (1946). Повесть «Кира Георгиевна» была опубликована в «Новом мире» в 1961 г. С 1974 г. в эмиграции во Франции. С 1975 по 1982 г. заместитель главного редактора журнала «Континент».

...*Как поживает весь «дом в Пасси»* – до октября 1971 г. Зайцев вместе с семьей дочери жил в особняке в парижском районе Пасси (avenue des Chalets). «Дом в Пасси» – роман Зайцева, действие в котором происходит в 1920-е гг. (Берлин, изд. Парабола, 1935).

Балзанов Л.Г. (р. ок. 1917–?) – врач, общественный деятель. В 1936 г. – генеральный секретарь Национального союза русских студентов в Париже.

24. Грибановский – Зайцеву. 14 декабря 1968 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович, сердечно поздравляем Вас, детей и внуков с наступающим Новым годом, с наступающим Рождеством Христовым. Дай Господь сил, здоровья, исполнения желаний и радостей, радостей («всегда радуйтесь»).

На этих днях у Вас Тургеневский вечер. Очень хотелось бы оказаться в числе слушателей, да, к сожалению, далеко – ни на каком такси не домчишься.

Сейчас у наших студентов экзаменационный период, а с понедельника уже каникулы: в классы вернемся 6 января, как раз в канун нашего Рождества. За эти месяцы накопилось много хозяйственных дел. Ими и надо будет заняться. Но помимо занятий хозяйственных, неизбежны и литературные. Надо «грызть гранит». У истории литературы свои тайны, частая перемена литературных вкусов. Под чьим влиянием эти вкусы создаются? Создают их Пушкины, Гоголи и Тютчевы, или это результат общих усилий и творцов, и особо чутких критиков? Почему в известные периоды пропадает интерес к поэзии?

На все это в книжках есть ответы. Но, боюсь, они слишком просты. Иногда ларчик открывается совсем не так просто. Писарев мог смеяться над Пушкиным потому, что был силен в слове, а может и потому, что в то время Пушкиным не интересовались: никому не было нужно его отстаивать, некому было его защитить. Теперь же, наоборот, и Пушкин, и Гоголь – иконы, которых не коснись – заключают.

По Парижу и парижанам скучаю. Так бы и помчался. «Три раза правда». Мои парижские сверстники безнадежно молчат. Буду их расшевеливать. Молчит почему-то и Юрий Павлович [Иваск].

Надо написать бездну поздравлений, и вот начинаю с Вас.

Жена шлет Вам и всей Вашей семье самые теплые пожелания. Присоединяюсь к ней и я.

Будьте здоровы и радостны.

Глубокоуважающий [глубоко уважающий (зд. и далее)]
и преданный Вам П. Гриб[ан]овский
14 дек<абр> 1968 г.

Продолжает ли Наташа молиться Богородице о России? Вот бы нам всем так, постоянно, хотя бы раз в день.

25. Зайцев – Грибановскому. 3 января 1969 года

3 января 1969 г.

Дорогой Павел Викторович, сердечно приветствую Вас с супругою – с Новым годом и праздником Рождества Христова. Письмо Ваше получил, спасибо за память, думаю, что и Вы получили уже теперь мою надгробную плиту, книгу «Река времен». (Последний рассказ «Река времен» был написан за несколько месяцев до кончины Веры, когда в здоровье ее произошло резкое ухудшение и стало ясно, что развязка близка. Я был в очень нервном настроении и писал рьяно). Так оно и вышло. Она умерла довольно скоро, и я – с тех пор – 4 года – не написал ни строчки «беллетристики» – не выношу этого слова, а другого нет или не могу найти.

Сейчас живу тихо и незаметно. В семье нашей главное событие – предстоящая свадьба: Миша женится на **Кате Лопухиной**, 27 апр<еля> 1969 г. («Богу содействующу»). Они

уже помолвлены. Невеста очень милая девушка, отпрыск интеллигентной аристократии русской. Сейчас они целой компанией молодежи сидят где-то в глуши Massif Central, Миша должен писать докторскую работу.

Знаете ли, что на Афоне был пожар? Сгорела (видимо) значительная часть русск<ого> **Пантелеймонова монастыря!** Я написал по этому случаю нечто в «Р<усской> м<ысли>», если получаете газету, прочтете, если нет, пришлю. Кажется, это пойдет в Рождественском №.

Устраивал наш Союз **вечер Тургенева** – 150 лет со дня рождения. Мы с Адамовичем разворачивались, мне пришлось работать в обоих отделениях.

Будьте здоровы, дорогой, равно и супруга Ваша (имя знаю, а отчество забыл!).

Всего доброго

Ваш Бор. Зайцев

Соллогуб (урожд. Лопухина) Екатерина Михайловна (1947–1993) – жена М.А. Соллогуба.

Пантелеймоновский монастырь – Старый Нагорный Руссик был основан в XI в. К началу XX в. крупнейшая на Афоне русская православная обитель.

...на Афоне был пожар... – статья Зайцева «Афон» (Русская мысль. Париж. 9 янв. 1969).

...вечер Тургенева... – вечер Союза русских писателей и журналистов в Париже, посвященный 150-летию со дня рождения И.С. Тургенева, состоялся 15 декабря 1968 г. в зале Русской консерватории им. С. Рахманинова. Зайцев вел его не только как старейший из русских писателей, но и как председатель Союза. Статья Зайцева «Тургенев. Вступительное слово на вечере Союза русских писателей и журналистов 15 декабря 1968 г.» была опубликована в газете «Новое русское слово» (Нью-Йорк. 1969. 5 янв.). Во втором отделении Зайцев читал главу из своей книги «Жизнь Тургенева».

26. Грибановский – Зайцеву. 26 января 1969 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович, из Парижа было целое обилие писем. В том числе одно от Вас, одно от Наташи. Спасибо.

27 апреля, «богу поспешествующу», будем радоваться Вашей радостью. Здесь в середине пятидесятых годов я был знаком с одним из Лопухиных. Мы вместе с ним обучали русскому языку военную молодежь. Забыл я его имя, забыл, как величают, – вечная моя слабость. Милый, скромный человек. Теперь, вероятно, отец очень многочисленного семейства. В то время прибавления бывали каждый год, и за время нашего знакомства молодой поросли было уже трое. Сейчас они где-то в южной Калифорнии.

С Вашей Наташей у нас общие литературные вкусы. Мне тоже больше всего в последнем сборнике нравятся «Путники», «Звезда над Булонью» и «Река времен».

У меня оказался даже второй экземпляр, так как волею судеб пришлось писать краткую рецензию в один из журналов, выходящий где-то на восточном побережье. Писать по-английски – процесс мучительнейший. Именно приходится из себя выжимать. Текст, по написании, надо обязательно отдавать на «прочес». Неизбежно приходится убирать, подрезывать в английском тексте русскую бахрому, придавать английской моей фразе недостающую ей английскую же стройность. А тут еще извольте быть предельно кратким. Мне, разумеется, казалось, что я в этом преуспел, а милая дама-«корректор», проверяя мои три с излишком страницы, очень тактично удерживала готовый вырваться вздох огорчения. И толком не разберешь: не то слишком длинно, не то слишком уже коряв английский. Вероятно, и то и другое. Ведь это только учитель привыкает сносить в устах студентов «порчу» родного языка, и на «челе его высоком» действительно ничего не отражается. Во всяком случае, финальная корректура еще в процессе «отбивания» на машинке, и все писание попадет к месту назначения с опозданием недель на семь.

О втором экземпляре заговорил потому, что послал его старому доброму знакомому, что разбитый параличом лежит в одном из инвалидных домов под Сан-Франциско. <...> Так вот, он в восторге от «чудной книги» и уже четвертый раз ее читает. Кормится ею. Посылаю теперь ему Пришвина: пусть насладится запахом полей российских и положит рядом с Вашей.

Мы здесь тоже «увлекаемся» Солженицыным, подобно парижанам. Но «мы» — это мы с Галей, да университетские, да еще мои студенты, с которыми сейчас читаем «Раковый корпус». Что же касается местной русской колонии, то сказать об этом ничего не могу. Может, они о нем и не слышали. Но местным аборигенам Солженицын уже знаком. О нем, о его вещах уже писалось в прессе, в передовицах. Так что о нем знает вся страна. Судя по сегодняшней газете, его «В кругу первом», которого с нетерпением жду, сейчас одна из нескольких книг «нарасхват» (здесь это называется «бест сэлэр»). Все это, разумеется, в переводе. Знаю, правда, и нескольких русских, что — безумцы, безумцы — читали, читают тоже по-английски.

Нет, я не могу сказать, что Солженицыным я увлекаюсь. Это не то слово. Слишком оно «общежительно»-обыденно, слишком говорит о чем-то недостаточно глубоко, быстро преходящем. Не знаю, как лучше сказать. Если бы не боялся я позы, если б доверился моим настроениям, то мог бы сказать, что священнодействую. Хотя это слишком «через край», слишком непростительно громко.

Посмотрите, какой спокойный, почти тихий голос. Разве что временами дрожит от негодования, горечи и... от любви. А силы, что в иерихонской трубе, рушащей стены. И эти стены неизбежно будут падать и падут. Он говорит о том, что жива Россия, и он сам — самое яркое доказательство и отражение этой сохранившейся несмотря ни на что жизни, от которой все мертвое, все раковое и коростное обязательно в конце концов отвалится.

Простите, пожалуйста, обилие восклицаний. Эта несдержанность в чувствах не так показатель плохого вкуса, как отражение моей русско-славянской возбудимости. В каждом русском за рубежом, еще больше, вероятно, «не за рубежом», очень много сейчас травматического, и малейшее прикосновение к этой области сразу вызывает крики.

Спасибо за предложение послать Ваш очерк об Афоне. Мы «Русскую мысль» получаем, и я уже очерк прочитал. И как всегда, обогрелся. Из той же газеты узнали об успехе Тургеневского вечера и порадовались Вашим трудам. Вспомнил сразу и госпожу **Греч**, и ее спутника жизни. Хотелось бы еще их услышать.

Надо кончать и собираться на покой. Поздно уже. Завтра понедельник. У нас впервые за много лет настоящая зима. Морозы невелики, но снега непривычно много. Глаз это ласкает, но на колеса машины надо натягивать цепи и таракать на них по дорогам. И от этого тарактения и тряски ощущение ласки пропадает. Хочется, чтобы снег поскорее стал. А он лежит и лежит. Сердечный привет от нас обоим всей Вашей милой семье, всем Вам.

Дай Бог радости и сил.

Глубокоуважающий и всегда благодарно
вспоминающий Вас
П. Грибановский
26 января 1969 г.

Глубокий поклон отцу Стефану.

Греч (урожд. Кохинаки) Вера Мильтиадовна (1893–1974) и ее муж Павлов Поликарп Арсеньевич (1885–1974) — бывшие артисты Московского художественного театра. В 1922 г. после гастролей в Америке и Берлине остались в эмиграции. На Тургеневском вечере 15 декабря 1968 г. Греч читала отрывок из романа «Дворянское гнездо», Павлов — рассказ «Бежин луг».

27. Зайцев – Грибановскому. 24 апреля 1969 года

24 апр<еля> 1969

Дорогим Грибановским: Воистину Воскресе!

Заокеански приветствую, хоть и запоздало, со светлым Праздником, дай Бог всего доброго. А Вы пожелайте тоже добра молодой паре: 27 апреля свадьба моего внука Миши. Женится на Кате Лопухиной, девушке очень милой. Буду ждать правнука. Наташе много хлопот «предпраздничных». Но ничего не поделаешь: «все для войны», как говорили в 1914 году. А тут — для дела мирного.

Мира и благополучия и Вам обоим желаю. Юрию Павловичу [Иваску] привет. (Его небольшая штучка напечатана недавно в «Русской мысли».)

Дружески Ваш

Бор. Зайцев

28. Грибановский – Зайцеву. 1 июня 1969 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович. Прочитал сегодня Ваш «Реквием», добрые Ваши слова об ушедшей О. Самыловой. Вечная ей память! Покойной я не знал, но обменялся с ней раз письмами, получил разрешение снять микрофильм с ее диссертации о Вас и Вашем «Глебе». Своей работой о Вас она мне не помогла; помогла дружески-теплым письмом, закончив его пожеланием помощи Божьей. Я как-то никак этого тепла не мог забыть. Не забыл и ее просьбы – не трогать Вашей «Италии», о которой она также собиралась писать. Вот, я и не трогал.

Отложив мою работу, сразу же послал ей письмо в Yole, ибо писала она мне – году в 65-м – именно оттуда. Ответа, разумеется, не получил и был уверен, что письма она не получила. Понимал, что она не может не ответить. Зная, что ей нужна библиография о Вас, пытался найти ее адрес, писал общим друзьям в San Francisco, и все напрасно. Нужные сведения поступили сегодня от Вас. Но теперь библиографии ей не надо, нужны ей молитвы. Будем, с Божьей помощью, молиться.

Что с ней было? Рак? Такой молодой ушла.

Слежу за Вашей активностью по газете. Не так давно был вместе с Вами на «Вечере поэзии»: мысленно, конечно.

Как живете Вы и все Ваши – дети и внуки? Всем сердечный привет от нас обоих. Вам от жены. Дай Бог радости.

Жму руку. Глубокоуважающий Вас П. Грибановский,
протоиерей
1/VI-69

...Прочитал сегодня Ваш «Реквием»... — памяти О.И. Самыловой
Зайцев посвятил эссе «Requiem» (Русская мысль. 1969. № 2876).

29. Грибановский – Зайцеву. 1 августа 1969 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович, поздравляю Вас с Днем ангела. Дай Господь здоровья, радости. Всю Вашу семью – с дорогим именинником. Наша

жизнь без перемен. Лето хорошее. Дождя – что необыкновенно – мало. Иногда печет солнце, и на солнцепеке можно поваляться на песке и потом купаться в озере. Кстати, оно совсем недалеко. Правда, резвости поубавилось, и теперь все держусь поближе к берегу: без твердой почвы под ногами чувствуешь себя как-то неуверенно. Лет 25 назад этой уверенности было больше.

На днях получил 95[-й] номер «Нового журнала». Читаю. Очень интересны письма Вашей «Веры». Ваша «Вера» была человеком большой веры, большого человеколюбия. Запомнилось для меня близкое – разговор ее с владыкой в Шавиле. Может, было это в нашем шавильском пансионе. Бывали ли Вы там иногда с супругой? Вас в шавильском окружении я очень хорошо помню; Вас, Шмелева, Кульмана, Ладыхенского, «братьев» Кедровых. Других – нет. Время – его прошло сорок лет и даже больше – заволкло все туманом.

Вы уже знаете, что Юрий Павлович [Иваск] нас покинул. Он теперь ординарным профессором в университете в Амхерст, в штате Массачусетс. Мы без него отчасти осиротели. Не хватает его приветливости, не хватает и его эрудиции.

Как проводите лето? Едете ли куда-нибудь на деревенские просторы, вон из объятий жаркого и душного летом города? Впрочем, я так привязан к Парижу, что согласен даже и на духоту. Чувствую это потому, вероятно, что здесь чистого воздуха изобилие и мы живем, как на даче. Зелени много и в самом городе, а за городом, где мы обретаемся, ее и еще больше. Дышится легко.

В середине августа жду из Парижа друзей, одноклассницу с мужем: будут «туристировать» по Америке и обещали заехать на неделю к нам.

В сентябре, даст Бог, поедem с Галей в Канаду, в национальный парк-заповедник, далеко и высоко в горах. Говорят, очень красиво – ни в сказке сказать ни пером описать. Буду снимать, благо, получил от жены давно обещанный подарок – новый японский фотоаппарат.

Галя шлет привет и поздравления Вам и всей семье. Теплый привет всем и от меня.

Жму руку. Дай Бог радости.

Глубокоуважающий Вас
П. Грибановский
1 авг<уста> 1969 г.

...письма Вашей «Веры»... — повести Зайцева «Повесть о Вере» и «Другая Вера» были опубликованы в «Русской мысли» (1967. 14, 17, 19, 21 янв.) и «Новом журнале» (1968. № 92; 1969. № 95, 96; 1970. № 98, 99) соответственно. В их основе — многолетняя переписка Веры Зайцевой и Веры Буниной.

Кульман Николай Карлович — см.: Вестник РХД. № 192. Примеч. 33. С. 366.

Ладыженский Владимир Николаевич — см.: Там же. Примеч. 4. С. 364.

...«братьев» Кедровых — имеется в виду вокальный квартет Кедровых, в состав которого в 1920-е гг. входили братья Константин Николаевич Кедров (1877–1932) и Николай Николаевич Кедров (1871–1940), основатель квартета.

30. Грибановский – Зайцеву. 31 декабря 1969 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович. Поздравляю Вас с всю Вашу семью с Новым годом — он вот-вот наступит — и с Рождеством Христовым. Дай Господь здоровья и радости, радости!

Мы уже третью неделю отдыхаем — «каникульствуем». Впрочем, кто-то сказал, что настоящий отдых — это перемена занятий. Поэтому, оставив студентов, отдыхаем. Занялся ремонтом дома; решил в одной из комнат устроить себе кабинет: боюсь, первый в жизни. Кроме того, багаж мой, увы, легко объять, и все время нужно его пополнять, т.е. учиться и учиться. Вот и учусь. Это тоже отдых. Жена шлет всем Вам новогодне-Рождественский привет.

Будем радоваться.

Ваш П. Грибановский, протоиерей

31 дек<абря> 1969 г.

31. Грибановский – Зайцеву. 6 апреля 1970 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович! Не могу молчать. Прочитал Ваше «Письмо»: только вчера

вечером толком взялся за журнал. Надеюсь, адресат прочитает. Прочитает и согреется. Тяжело и холодно ему там. Много в нем травмы, и поэтому неизбежно подчас памфлетное, журнальное.

Вполне согласен с Вами: «Раковый корпус» выше, чем «В круге первом». И как прелестна Вера Гангарт. Ведь здесь так легко пересластить, сделать из человека куклу. Может быть, образ недописан. Ну, так что ж. Если слишком «допишешь», то ведь, пожалуй, как бы и умертвишь его. Я полушутя-полусерьезно говорю студентам о том, что Гангарт — моя новая любовь, что я к ней равнодушен и потому прошу обходиться с ней нежно. Были у нас Татьяна Ларина, Лиза Калитина, Сонечка Мармеладова, Наташа Ростова, а теперь есть еще и Вера Гангарт. Может, это и преувеличенно и преждевременно, но мне почему-то так кажется.

<...> Да, автор не упоминает Христа. Но Он там. Не заблокирован, а по-настоящему, прикровенно. Могущие видеть — да видят. Тут, и во многом, во многом, он большой художник. Если увидимся, даст Бог, хотелось бы с Вами об этом поговорить.

А журнальное — это болезненный рефлекс. Чересчур сдвлена атмосфера. Слишком и душно и больно, и временами человек не может удержаться и не крикнуть во все горло или хотя бы простонать: художника пересиливает страдающий человек. Это неизбежность, это наша российская трагедия.

Разумеется, и Достоевский страдал и тоже пережил каторгу. Но это же все цветочки. Да и страдания его не без отдушин, а послекаторжное — все его и «карамазовское», и «мышкинское» — это ведь мучения его внутренние. А вот каково теперь. Вот от боли теперь и кричит человек. Ему извне и душу и плоть рвут — тут поневоле не сдержишься и крикнешь. Потому что БОЛЬНО, очень больно. И здесь жизнь прожить — не поле перейти. А каково там.

Но великое спасибо (простите за «громкое» слово) Вам за это письмо. Согрели и порадовали не только его, но и нас всех, Ваших и его читателей и почитателей. В этом письме звено. Оно соединяет нашу разорвавшуюся было литературу, ее историю, воедино. Оно скрепляет эту связь. Дай Бог Вам и ему здоровья и сил.

Привет всем Вашим.

Христос Воскресе!

Глубоко уважающий Вас

П. Грибановский, протоиерей

Будем радоваться.

6 апр<еля> 1970

«Письмо к Солженицыну» Зайцева было опубликовано в «Вестнике РСХД» (1969. № 94).

32. Зайцев – Грибановскому. 6 ноября 1970 года

6.XI.70

Дорогой Павел Викторович, большое спасибо – «**Чехова**» получил, и хотя это теперь уже прошлое, все же приятно. Да с самим Чеховым у меня в прошлом только хорошее и связано – скромная, без крика и саморекламы, но настоящая Россия. Как рано умер! И как искренно мы его оплакивали, даже Бунин. (Был в деревне, поехал верхом на станцию за почтой и из газеты узнал о кончине. Возвращался шагом и всю дорогу плакал. А нельзя назвать его легкоплавающим.)

Далеко Вы живете, очень далеко. Но Бог даст, увидимся еще, только ждать надо, и вернее, уже не на этой квартире – тут остаемся года полтора. Доживешь ли еще?

Пока живы – всего доброго. Вам и супруге Вашей дружески
Бор. Зайцев

...«Чехова» получил... – Грибановский пересылал Зайцеву экземпляры его книги «Чехов. Литературная биография».

33. Зайцев – Грибановскому. 3 января 1971 года

3.I.71

Дорогой Павел Викторович, с Рождеством Христовым, Вас и супругу Вашу дружески приветствую. Мира душе и бла-га всячески желаю. Храни Вас Бог.

Мы, слава Богу, пока благополучны. Мне через месяц 90 лет! Сказать по совести, никогда не думал, что доживу до такого возраста. Но это не от меня зависит. Сил меньше, вижу хуже, хожу тише, задыхаюсь при ходьбе больше. В общем же Господь милостив. Чувствую себя неплохо (т.н. «самочувствие»). Наташа капитан корабля, корабль держит свой курс – последний год, с осени надо переселяться (Андрей по годам и глазам в отставке). Пека, младший внук, уже инженер, получил место в Медонской обсерватории по технической части (звездочетом не будет), старший читает в Arts et Métiers какую-то «социальную науку» – все-таки их детей уже не увидишь на кафедрах.

Всего доброго, еще раз!

Дружески Ваш

Бор. Зайцев

34. Зайцев – Грибановскому. 6 января 1971 года

6.I.71

Дорогой Павел Викторович, сердечный привет Вам и супруге Вашей, поздравление с Рождеством Христовым и Новым годом! Дай Бог всего лучшего. (Плохого не пожелаю.) «Здравия, во всем благого поспешения» – откуда это, не знаю, но пишу как пожелание нередко.

Мы пока живы и благополучны. 11 февраля мне исполняется 90 лет! И цифра кругленькая, и хочется до нее дожить – цели никакой, а просто хороша цифра. Сто – это уже курьез, почти смешно, репертуар разных азербайджанцев, кавказцев и т.п.

Шиляева выпустила свою диссертацию о моих биографиях (Тургенев, Жуковский, Чехов) – отдельной книжкой в издательстве «Волга» (Нью-Йорк). Это первая книга о моем писании. Но читать вряд ли кто будет (2½ человека).

Будьте здоровы, дорогой Павел Викторович, собирайтесь в наши края. В Италии-то есть что посмотреть. Вот я Испанию прозевал, теперь жалею, да уже поздно. Впрочем, у меня никогда не было постоянного заработка. Покойный **Алексей Толстой** говорил: «Борька, Борька, ты дурак. И Вера дура. Вы всегда будете нищими». И несмотря на хорошую

последнюю (не нашу) квартиру, тут Вера в 1965 г. и скончалась и в которой жить нам у Наташи и Андрея осталось ровно год — Алешка правильно определил.

Итак, привет обоим, от нас всех

Ваш

Бор. Зайцев

Шилева Ариадна Семеновна — американский профессор-славист, исследовательница творчества Зайцева, автор докторской диссертации «Борис Зайцев и его беллетризованные биографии» (1969) и ряда статей, посвященных писателю (см.: Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк. 1970. № 4; Новый журнал. Нью-Йорк. 1972. № 106). Часто бывала в доме Зайцевых в Париже.

Толстой Алексей Николаевич (1882/83–1945) — прозаик, драматург, поэт, публицист. С 1919 г. за границей, с октября 1921 г. жил в Германии. В 1923 г. возвратился в СССР. Б.К. Зайцев посвятил А.Н. Толстому очерк «Дни. Братья писатели. [Об А. Толстом]» (впервые: Новое русское слово. 3 августа 1947. № 12883).

35. Грибановский — Зайцеву. 4 февраля 1971 года

4 февр<аля> 1971

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Константинович, поздравляем Вас с днем рождения, с девяностолетием. Дай Вам Господь здоровья, сил и светлых духовных радостей. Для всего зарубежья, для нашей литературы да и для всей России этот день — большой праздник. На него откликнутся Ваши читатели и в России, и в разных далеких и близких местах нашего российского рассеяния. Будут, разумеется, торжества и в Париже. Как жаль, что я не могу там быть и лично крепко пожать Вам руку и по-сыновьи Вас расцеловать.

Наташе, Андрею Владимировичу и всему младшему поколению наши самые радостные поздравления с новорожденным.

На этих днях послал я Вам наш скромный, согревающий подарок. Вы получите его, увы, с опозданием. Примите его, пожалуйста, как скромное выражение наших самых теплых чувств.

Жизнь у нас идет без перемен: все учим и учимся. «Аз есмь в чину учимых». Вот в этом-то «чине» мне до конца и оставаться. Хороший это «чин».

На днях неожиданно пережил далекое прошлое, мои детские годы в Болгарии. Там в первом классе гимназии, в 25[-м] году, как-то ходили мы в кино и смотрели две серии кинокартины «Нибелунги». Восторгам моим тогда не было конца. Впечатление было настолько сильным, что до сего времени память уберегла целый ряд отдельных сцен. И вот эти «Нибелунги» показывали у нас недели две тому назад в университете. Представьте, память мне не изменила. Некоторые сцены сохранились даже до мельчайших подробностей. Но многое другое, менее «броское», было, разумеется, забыто. Но, увы, впечатлений детства не повторилось. Я не ерзал на стуле, не бежал вприпрыжку из кино домой и не делился, задыхаясь от восторга, своими впечатлениями с товарищами. Я даже находил недостатки, мне даже кое-что пришлось не по вкусу. Впрочем, смотрел с большим интересом и высидел три часа с половиной. И не знаю уж, что заставило меня там сидеть, то ли художественная сила постановщика, то ли воспоминания о моих детских, мальчишеских впечатлениях, никак уже более не повторимых.

Еще раз теплый Вам привет и самые сердечные пожелания от нас обоих.

Дай Бог радости.

Глубоко Вас уважающий
П. Грибановский, протоиерей

36. Зайцев — Грибановскому. 13 июня 1971 года

13.VI.71

Дорогой Павел Викторович, — запоздалая благодарность за память, за приветствие дружественное. Все это теперь уже *очень* прошлое, не взъщите с медлительного старца. Девяностолетний завтрак был очень веселый, и кормили военные хорошо (я ведь считаюсь и прапорщиком запаса, выпуска 1917 года!). **Ло Гатто** говорил по-русски и по-итальянски, **Гранжар** болтал с Наташей, кажется, большинство

осталось завтраком довольно («Дом Белого Воина» — это я-то, шляпа, туда же, «белый воин»!).

А в общем, жизнь идет как всегда, ни шатко ни валко. В этом особняке — последняя осень. Надо перебираться не в банковскую квартиру. Да нас теперь и не много: мальчики оба женаты и живут отдельно, в маленьких квартирках. Грустно, конечно, но неизбежно. Так было в 1932 году и с самой Наташей. Мы с Верой покойно очень оплакивали ее «улет», хотя самому браку весьма сочувствовали — ничего не поделаешь. Но теперь оба — и Миша, и Пека — работают в Париже, видятся с родителями часто.

Я мало что делаю. Перечитываю классиков, будто прощаюсь в последний уже раз, а связано это с молодостью и даже детством (отец много читал мне и сестрам вслух, особенно Гоголя и Диккенса (Пиквик). Вообще же чувство «в последний раз» не покидает меня. Да и пора... Вполне пора.

Приветствую Вас и супругу Вашу через «моря и океаны», дай Бог силы, бодрости и работы ладной. По-моему, Вы выбрали себе по душе. Помню, как мне было не по душе все инженерское, Горные институты, технологии, даже Московский университет — и как стало естественно, когда начал кропать первые рассказы.

Будьте здоровы, всего доброго.

Ваш Бор. Зайцев

Ло Гатто говорил по-русски и по-итальянски... — Ло Гатто Этторе (1890–1983) — славист, пропагандист и исследователь русской литературы. Друг Зайцева, Муратова, Осоргина. Один из первых переводчиков Зайцева (в 1923 г. перевел на итальянский его рассказ «Сестра», в 1924 г. — рассказ «Смерть» и др.). Автор очерка «Борис Зайцев и Павел Муратов».

Гранжар (Granjar) Анри (1900–1979) — французский литературовед-славист, тургеневед; профессор русского языка и литературы в Рене, затем в Лилле, с 1960 г. профессор Сорбонны. В декабре 1968 г. выступал на торжествах, посвященных 150-летию со дня рождения Тургенева.

...это я-то, шляпа... — ироничная оценка Зайцевым своей военной карьеры — учебы в школе прапорщиков при Александровском военном училище и короткой военной службы (1917), которая отражена им в очерке «Мы, военные...» (Записки «шляпы») — «Моск-

ва» (впервые: Народопрствство. М., 1917). К слову «шляпа» Зайцев дает сноску: «Слово жаргонное. Означает безнадежно “штатского” и нерасторопного человека».

Так было в 1932 году и с самой Наташей... — 6 марта 1932 г. Наташа Зайцева вышла замуж за Андрея Владимировича Соллогуба.

37. Грибановский — Зайцеву. 17 июня 1971 года

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Константинович, получил Ваше письмо и очень, как всегда, обрадовался. Поздравляю Вас и Наташу с Андреем Владимировичем — со свадьбой Пети, а самим «молодоженам» — совет да любовь.

Давно собирался писать, да тут была предэкзамениционная пора, поэтому и тянул. О свадьбе же узнали мы только в середине мая, получив официальное оповещение с большим опозданием. Все равно поздравлять было поздно.

Сейчас у нас каникулы. Поэтому сегодня занялся ремонтом дома. Буду красить стены. Здесь все надо делать самим: труд маляра ничуть не дешевле профессорского.

Преподавать в летней школе не буду. Получил скромную стипендию и буду заниматься — читать классиков и все, что можно достать, о русском романтизме. Раздобыл для этого два тома **И. Замотина** и есть кое-что и от советских литературоведов. Надо бы и писать, но это довольно трудно, ибо слишком я разбрасываюсь.

Жаль, что нет поблизости Ю.П. Иваска. Наши молодые профессора — люди знающие. Они очень усидчиво работают. Хорошие профессионалы. Но как-то нет горения, не чувствуется воодушевления; не искрятся они. Вот поэтому Ю.П. и не хватает.

От Ю<рия> П<авловича> по наследству досталась мне девица-аспирант, и пишет она диссертацию о «Поэме без героя» Ахматовой. Хочет «заработать» магистра. Мое же знакомство с Ахматовой было очень, очень слабое. Поэтому пришлось взяться за ее поэзию и за поэму. Работы было много, и это еще одна причина моего молчания. Все, что есть об этой поэме, я прочел. И все, что есть об этой поэме, я прочел. И все это все-таки не вскрывает и десятой доли того, что скрыто в этой криптопоэме-симфонии. Удивительно интересно.

В сентябре мечтаю побывать в Нью-Йорке, а заодно по-видать и Ю<рия> П<авловича>. Никогда на том берегу не был. Там у меня друзья. Туда же перебирается на днях моя сестра. Будет там ведать «Бюро путешествий».

По Парижу скучаю. Неповторимый город, во всяком случае — для меня. Один его вид вызывает много воспоминаний. Не знаю, когда даст Бог там еще раз побывать. Едва ли ранее <19>73 года, а то, может быть, и в <19>74-м. Но до этого надо еще дожить. Впрочем, надо дожить и до завтрашнего утра.

Сердечный привет от нас обоим детям и внукам. **Софья Михайловна Зернова** писала Гале, что Наташа много сейчас делает для приюта. Бог на помощь.

Жму руку. Дай Бог здоровья, радости.

Глубокоуважающий Вас

П. Грибановский

17 июня 1971 г.

Замотин Иван Иванович (1873–1942) — литературовед. В 1908–1916 гг. — профессор Варшавского, позднее Донского и Минского университетов, с 1929 г. — член-корреспондент АН СССР. Исследователь русского романтизма 20–30-х гг. XIX в.

Зернова Софья Михайловна (1899–1972) — общественная деятельница. Дочь М.С. Зернова, бывшего Московского головы. С 1920 г. в эмиграции в Югославии, затем во Франции. В 1935 г. создала в Париже Центр помощи русским беженцам. Основала Русский детский дом (размещался сначала в Вильмуассоне, с 1954 г. — в Монжероне, под Парижем).

38. *Зайцев – Грибановскому. 3 ноября 1971 года*

3.XI.71

Дорогой Павел Викторович, пишу Вам с новой квартиры, где мы (Соллогубы и я) живем. Только что переехали. Кв<артира> веселая и светлая, размеры несоизмеримые с прежней, но вполне достаточные: три комнаты, одна *очень* большая, две небольших — Соллогубам и мне. Пока еще полухаос, но скоро все рассосется. Место — 15-й аррондисман, около метро Cambone, 6-й этаж, но лифт и из окон много

небес. Эта осень здесь очень солнечная, т<ак> ч<то> при огромных окнах приходится даже защищаться от света (при моих слабых глазах в особенности). Но все это пустяки. Важно то, что жизнь прожита, надо теперь прилично ее закончить. Посмотрим. Будем надеяться.

Родился у меня правнук. Сын Миши, старшего из молодых Соллогубов. Я его еще не видел, говорят — сильный и здоровый мальчик, назвать родители хотят **Матфеем**, в честь апостола (я бы назвал попроще, но ребенок не мой, а ихний).

Литературные дела слабы. Все же 12 декабря Союз наш писательский собирается устроить вечер Достоевского (Адамович, **Паскаль**, Никита Струве и чтение отрывков — еще неизвестно что). Поживем — увидим.

Ну вот-с. Рад был бы повидать Вас и супругу Вашу, но раньше лета рассчитывать нельзя, не знаю, соберетесь ли и летом в наши Палестины. Все-таки собирайтесь! Не вечно сидеть в Вашем Kirkland'e.

Сердечный привет обоим!

Ваш Бор. Зайцев

P.S. По случаю приезда Брежнева ко мне приходила полиция, сначала требовали, чтобы я дважды в день к ним являлся для прописки и доказательства, что не брошу бомбу. Согласились сами приходиться ко мне дважды в день. Все это попало во французс<кие> газеты, они высмеяли свою префектуру (была заметка в «*Aurore*», «*Le dangeres patriarche*»). А из-за этой заметки *умные русские* звонили на Dagu: какой патриарх появился? Хотя **Мацнев** назвал мою фамилию и профессию.

...назвать родители хотят *Матфеем* — *Матвей Михайлович Соллогуб* (р. 1971), правнук Зайцева, доктор химических наук.

Паскаль Пьер (Петр Карлович) (1890–1983) — филолог-славист, создатель школы славистов-русистов во Франции. Заведовал кафедрой русского языка в Школе восточных языков (профессор), с 1950 г. почетный профессор Сорбонны, почетный вице-председатель Института славяноведения, почетный председатель Тургеневской библиотеки. Кавалер ордена Почетного легиона.

Мацнев Габриэль (Гавриил) Николаевич (р. 1936, Париж) — журналист, писатель. Из семьи эмигрантов. Сотрудничал в газете «Монд», других французских изданиях. Автор более двадцати книг. В 1960–1970-е гг. участвовал в церковной жизни. Один из инициа-

торов создания на французском телевидении программы «Православие» (Emission «Orthodoxie»). Автор упоминаемой Зайцевым статьи в газете «Аугоге».

39. Грибановский – Зайцеву. 26 декабря 1971 года

Глубокоуважаемый и Дорогой Борис Константинович, снова пора поздравить Вас с Новым годом, с Рождеством Христовым. Дай Господь здоровья, радости, исполнения желаний Вам, детям, внукам – всем.

Сейчас сидел над планом 15-го аррондисмана, рассматривал, где Вы живете. Это же прямо в центре российского рассеяния. На Конвенсион – там Берги, на Жавель – **Жорж Росс**. Все очень знакомые места. С удовольствием бы там очутился, походил бы по парижским улицам, повидал бы знакомых. Но на всякое хотенье есть терпенье. Мне бы вот вынь да положь. Ан и нет: сиди и жди у моря погоды. Ну что ж, подождем и погоды. Хуже будет, если вдруг окажется непогода. Дал бы Бог погоды, вот и будет радость.

Мы сейчас каникульствуем. Снова в классы и аудитории третьего января. На Рождественское богослужение придется отпрашиваться. А все потому, что не дома. Всю жизнь, в конце концов, в палатках, всегда «в пути». А если даже и не палатки, а капитальный дом, то все равно, при всех удобствах и окружающей сердечности, только «как дома». Это и значит, что будь как дома, но не забывай, что ты в гостях.

Впрочем, у меня портится характер, и я начинаю поскуливать. Беспричинно поскуливаю.

Вот 19-го (6-го) было велелепое торжество: день святителя и чудотворца Николая и наш престольный праздник. Приезжал наш архиепископ Сан-Францисский и Зап<адно>-Американский. Было торжественно, светло, радостно.

Вот этого радостного света от всего сердца желаем и Вам, и всем Вашим.

Глубоко уважающий Вас П. Грибановский
26 дек<абря> 1971

Росс (Ross) Георгий (Жорж) Ричардович (1911–1988) – известный в Париже деятель скаутской организации.

40. Грибановская – Соллогуб. 9 февраля 1972 года

9.II.72
Seattl

Дорогая Наташенька. С большим огорчением узнали **о смерти Бориса Константиновича...** Наташенька, простите, ни утешать, ни выражать соболезнования я не умею. У меня просто нет подходящих слов. Знаю, что Вам тяжело, но может быть, Вам немножечко станет легче, что Вы и Ваша семья в вашей горе не одни, я уверена, что тысячи оплакивают уход в лучший мир Бориса Константиновича. Как-то не верится. Оба наши приезда в Париж были тесно связаны с Борисом Константиновичем, и я просто не представлю Париж без Вашего папы. Вы, конечно, представляете, как огорчен Павлик. Так как он Вашего папу просто благодетель и говорит, что никогда не испытывал так много тепла ни с кем, как в присутствии Бориса Константиновича. На все воля Божья. Надеемся, что Ваш папа не болел и не страдал, как бедная Софья Михайловна [Зернова]. О ее смерти я узнала из Нью-Йоркской газеты. Великая была женщина! Так грустно от всех этих новостей. <...>

Наташенька, я прилагаю чек на 10 дол. Для Русского дома. Пожалуйста, передайте, и если сможете, сообщите, кому мне посылать эти деньги. Раньше я посылала Софье Михайловне.

К сожалению, у меня не все хорошо со здоровьем. Совершенно случайно я обнаружила на шее шишки – величиной с горошек, сделали анализ, и они оказались злокачественными. <...> Врачи меня утешают и говорят, что этот сорт опухоли хорошо поддается лечению кобальтом и у меня не запущено. Ни печень, ни легкие не задеты, также кости.

Ну, как Бог даст. У Господа Бога все возможно.

Бедному Павлику много досталось из-за меня. Он сейчас пишет некролог о Борисе Константиновиче в газету «Русская жизнь» в San-Francisco. Пришлем Вам вырезку из газеты.

Храни Вас Господь
Галина Грибановская

Борис Константинович Зайцев скончался в Париже 26 января 1972 года.

41. Грибановский – Соллогуб. 19 февраля 1972 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, эти дни все вспоминаю встречи с Борисом Константиновичем. Думал, что даст Бог хотя бы еще раз повстречаться. И вот случиться этому было не суждено.

Мое знакомство с Вашим папой всегда казалось мне ничем не заслуженной наградой. И было в этом, как мне кажется, что-то провиденциальное. Первая встреча в <19>27-м – вторая в <19>67-м. Тогда я был мальчишкой. Но почему-то вот сохранил программку концерта с групповой фотографией, на которой вместе с **Булобашем** и **М. Спиридович** стоит и Борис Константинович. А теперь, в <19>67-м и в <19>70-м, уже зная Бориса Зайцева – писателя, я ближе, лучше узнал Бориса Зайцева – человека. Это знакомство всегда будет согревающим воспоминанием.

Вероятно, «Русская мысль» посвятила или посвятит целый номер памяти Бориса Константиновича. То есть не «вероятно», а непременно. Если вдруг у Вас окажется лишний экземпляр, пришлите мне его, пожалуйста. Буду глубоко признателен.

Из «Русской жизни», что в Сан-Франциско, я получил письмо с просьбой срочно написать статью в память Бориса Константиновича. Писал торопливо, и потому статья могла бы быть лучше. Кроме того, как и полагается в эмигрантской газете, «вскрывались досадные опечатки». Но все же вырезку посылаю, в Вашу папку материалов о папе.

Хотелось бы мне как-то издать мою книгу, вероятно, первую и последнюю в жизни. Но пока не получается. <...> В скором времени, надеюсь, все же выйдет, по-русски, **сборник статей под ред<акцией> проф<ессора> Н. Полторацкого**. Предполагалось, что основной там будет статья о зарубежной рус<ской> литературе, написанная Борисом Константиновичем. Не знаю, написал ли он ее. Должна быть и моя статья – сжатый список с моей диссертации.

Надеюсь, что письмо застанет Вас в добром здоровье. Дай Вам Бог утешения и духовных радостей. Привет детям.

В Париже побывать еще надеюсь, но едва ли в след<ующем> году. <...> Если черкнете, скажите, пожалуйста, кому

теперь, после кончины Софьи Михайловны, посылать взносы на Монжерон.

Искренне Ваш

П. Грибановский

19 фев<раля> 1972 г.

Булобаш – возможно, *Булобаш (Boulubach) Николай Павлович* (1880–1963; пох. на кладб. St.-Germain-en-Laye, scien) – полковник, художник, общественный деятель. Председатель Объединения бывших воспитанников Киевского военного училища, член Особого комитета помощи русским комбатантам.

Спиридович Маргарита Александровна – певица, исполнительница цыганских романсов. До эмиграции жена генерала жандармерии А.И. Спиридовича, начальника личной охраны Николая II. С 1920-х до конца 1930-х в Париже выступала с концертами, в том числе с цыганским хором М.Л. Толстого. В 1927–1929 гг. была инициатором концертов и обедов в пользу детского приюта в Шавиле. В 1937 г. переехала в США.

...сборник статей под ред<акцией>... – «Русская литература в изгнании». (Сборник под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, изд. Питтсбургского университета, 1971). Включена статья Грибановского «Борис Константинович Зайцев».

Полторацкий Николай Петрович (1921–1990) – литературовед, профессор Мичиганского и Питтсбургского университетов.

42. Грибановский – Соллогуб. 21 марта 1973 года

Дорогая Наташа, давно Вам не писал, ни разу, кажется, после последней поездки в Париж. В прошлом месяце получил сборник статей по поводу пятидесятилетия зарубежной литературы и... «потекли воспоминания». Вспоминал Бориса Константиновича, наши встречи и снова слушал записанные тогда ленты. Жалею, что пользовался тогда подаренным мне аппаратом, толком его не проверив. Правда: «дареному коню в зубы не смотрят», но все же запись оставляет желать лучшего: очень много неистребимых шумов, и это мешает.

Все мечтаю издать мою диссертацию о «Путниках» Бориса Константиновича. Посылал в «Мутон». Они обычно издают все связанное как-то со славянством. Проф<ессор> Скуневельт, главный редактор, ответил, что интересно, но «материал и его трактовка не согласуются со страте-

гией издательства». Мешает, видимо, религиозная окраска. <...>

А читающих по-русски и впрямь мало. На днях ругался довольно громко и нельзя сказать, чтобы очень прилично: мой добрый знакомый сказал мне, что читает Солженицына — по-английски. Русскую книгу и не знает, где достать, да и дорого. Ну как тут не выйти из себя! В этом отношении «популяризирует» русскую книгу Викт<ор> Петр<ович> **Камкин**. <...> Только теперь вот он создает свою типографию и будет печатать каким-то фотопроцессом книги, которые будут обходиться много дешевле. Кстати, он, если не ошибаюсь, обратился с просьбой и к Вам, хочет издать некоторые рассказы Бориса Константиновича. Было бы так хорошо, если бы Вы нашли возможным дать на это Ваше согласие. Прибыли от этого дела микроскопические (если они и бывают), а все же появится на рынке доступная эмигрантск<ому> читателю книга Б. Зайцева.

<...> Хотелось бы заняться парижской (Франция) жизнью Бориса Константиновича и его творчеством этого периода. И поподробнее. Живо еще много современников, с которыми можно говорить. Важны и Ваши воспоминания — если бы Вы могли хотя бы кое-что записать! Даже при отсутствии доступа к архивам БК, и то много можно было бы собрать ценного материала. Правда, я не знаю, какова была воля Бориса Константиновича относительно его архивов, но если бы можно было, с Вашего разрешения, в них заглядывать, то это было бы еще интереснее. Однако, повторяю, это даже не планы, а только мечты.

Хлопоты с диссертацией как-то связаны и с этими мечтами: пояись моя работа на местном книжном рынке, у меня сразу был бы повод просить субсидий для дальнейшей работы над наследием писателя.

Мечты это и потому, что Галя продолжает лечиться.

Как здоровье (глаза) Андрея Владимировича? Как сыны? Порадовали ли Вас внуками и внучками? Сердечный всем привет от нас обоих. Если черкнете, буду рад.

Привет Парижу. Вот город, который всегда со мной. Ножу его с собой в сердце, в мыслях. Часто вижу во сне. Не преувеличиваю. Если не суждено вернуться домой, в Россию, хотел бы кончать свою жизнь в Париже, или под Парижем.

Дай Бог всего хорошего. Будем радоваться. Жму руку.
Сердечно Ваш
П. Грибановский

21 марта 1973 г.

Камкин Виктор Петрович (1902–1974) — книгоиздатель, книготорговец, библиотекарь, книголюб. С 1952 г. жил в Вашингтоне, к началу 1970-х владелец крупнейшего русского издательского и книготоргового предприятия «Kamkin Victor Inc.».

43. Грибановский – Соллогуб. 12 января 1974 года

Дорогая Наташа, очень обрадовали письмом-открыточкой. Примите ответный привет Вам и Андрею Владимировичу, привет, правда, запоздалый, но неизменно теплый. Дай Бог здоровья и дальнейших радостей-утешений в детях и внуках.

Часто Вас обоих вспоминаю. Чту доброй памятью и Бориса Константиновича. Но почти никому не писал. Много было работы. К тому же готовил доклад на тему — «Зарубежная русская критика о Борисе Зайцеве». Критика эта растянулась на добрые 50 лет, а мне было отведено 20 минут. Вот как хотите, так и поступайте. А ведь надо же было выжать из всего материала что-то главное, важное. Получилось всего одиннадцать печатных страниц. Говорил, опуская все фамилии, не упоминая источников. Вернее, даже не говорил, а очень вятно читал. При «говорении» неизбежны паузы, то есть, при данных условиях, недоступная роскошь. Потому-то и читал. И то издержал лишние пять минут. У нас всего много, а времени, как видите, в обрез.

Доклад был в Чикаго, на съезде «Америк<анского> общества преподавателей славянских и восточно-европейских языков». Теперь, стараниями Ю.П. Иваска, при Обществе существуют две «сессии»: на одной говорят о русской зарубежной поэзии, на другой — о зарубежной литературе. Доклад прошел как будто успешно: благо, читался по-русски.

Я послал копию в «Новый журнал». (Надо было бы лучше послать в «Возрождение»). Если **Р<оман> Б<орисович>**

Гуль напечатать откажется, тогда пришлю Вам – в Ваш архив – копию.

Какое впечатление производит на вас **Синявский**? Хороший он лектор? Что он талантлив, в этом не может быть сомнений. Я мало еще его читал, но его «Мысли врасплох» впечатление оставили. Я сам бы не прочь был его послушать. Мне Женя Берг писала, что он с женой у них был. <...>

Бывает ли у Вас по-прежнему отец Стефан Книжников? Если увидите, передайте ему большой привет, попросите благословить заочно. Я еще его помню по Бараково. Это в Болгарии. Там находился большой по тем масштабам лесопильный завод Балабанова, где работало много русских офицеров, в том числе и мой покойный отец. Был там и о. Стефан – молодой тогда подпоручик. Встретившись с ним в 1967 г., узнал только его глаза. Остальное было неузнаваемо. А он меня и вообще бы не узнал, не знай он заранее, что я и есть тот самый «Павлик Грибановский», которого офицерская молодежь, а в том числе, вероятно, и он, закармливали болгарскими сладостями; а я потом от этого страдал животом.

<...> Читал книгу **Г.Е. Озерецковского**. Слышал от Жени, что появление книги вызывало в русском Париже бурю... и скорее негодования, чем восторга. Читали ли эту книгу Вы? О написанном можно судить по-разному. Но несколько опешил, прочитав написанное о Б<орисе> К<онстантиновиче>. Этим написанным напортил он только себе самому. И нехорошо, и неправда. Жаль.

Галя шлет Вам обоим (детям и внукам) сердечный привет. Я следую ее примеру. (Всегда и во всем. Впрочем, не во всем). Дай Бог радости. Жму руку.

Сердечно Ваш
П. Грибановский

12 янв<аря> 1974

Гуль Роман Борисович (1896–1986) – писатель, критик, мемуарист, редактор. Учился на юридическом факультете Московского университета, участвовал в мировой и гражданской войнах. С 1919 г. в эмиграции в Германии, с 1933 г. во Франции. В 1950 г. переехал в США. С 1959 г. член редколлегии «Нового журнала», с 1966 г. его главным редактором.

Синявский Андрей Донатович (псевд. Абрам Терц) (8 октября 1925, Москва – 25 февраля 1997, Фонтене-о-Роз, под Парижем, похоронен на местном кладбище) – писатель, литературовед, литературный критик, правозащитник. В 1966 г. был осужден за публикацию своих произведений за рубежом, провел шесть лет в Мордовских лагерях. В 1973 г. был выслан, поселился под Парижем. Преподавал русскую литературу в Сорбонне, профессор. Основатель (вместе с женой М. Розановой) и редактор журнала «Синтаксис». Выпустил в Париже книги «Голос из прошлого», «Прогулки с Пушкиным», «Спокойной ночи» и др.

Озерецковский Геннадий Евгеньевич (1895–1977, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа) – литератор, педагог, специалист по социальным наукам, профессор. Автор книги «Червь земли» (Париж, 1969). В письме Грибановского речь идет о первом томе двухтомного сочинения «Малая Россия. Русский блистательный Париж до войны» (1973). Том II «Малая Россия. Война и после войны» был издан в 1975 г.

44. Грибановский – Соллогуб. 26 февраля 1974 года

Дорогая Наташа, благодарю Вас за письмо. Да, увы, не знаю, когда попадем в Париж: много всяких «но». А хотелось бы чрезвычайно. <...> Посылаю с этим письмом подлинный текст доклада. Как увидите, сокращений не так уж и много. В основном в «Русской мысли» отбросили отзывы отрицательного характера. Едва ли это нужно делать: на земле нет ни совершенного, ни совершенных. Минусы, хотя бы и маленькие, неизбежны. Достоинства художника, ценности его достижений они не умаляют. <...> Впрочем, на «Русскую мысль» я не сетую. Очень благодарен им, что доклад напечатан, что упомянуто о сокращении. Да, как Вы и сами увидите, доклад невелик. <...>

Мне Г.Е. Озерецковский писал о французе, специалисте по русской литературе и, в частности, знатоке произведений Бориса Константиновича. Как-нибудь соберусь и напишу ему [Озерецковскому]. Кстати, на днях в «Русской мысли» был отчет о бывающих у него в Медоне литературных собраниях. Знакомы ли Вы с ним? Женя [Берг] писала мне, как вы все, старые парижане, нападаете на него – сердитесь – за его последнюю книгу. <...>

Дай Бог Вам всем благополучного появления на свет ожидаемого младенца. Сердечный привет от нас обоим Вам и Андрею Владимировичу и детям с внуками.

Будем радоваться. Жму руку.

Сердечно Ваш П. Грибановский

26 фев<раля> 1974

...Писал о французе, специалисте по русской литературе... – по всей вероятности, имеется в виду Рене Герра (р. 1946) – французский славист, профессор, коллекционер. Опубликовал работу «Борис Константинович Зайцев. Библиография» (редактор Т.А. Осоргина. Париж, 1982).

45. Грибановский – Соллогуб. 13 марта 1975 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, надеюсь, это письмо застанет Вас в добром здоровье, в радостном расположении духа. Спасибо, Наташа, за письмо. Получил давно. Давно собираюсь отвечать. Но собираться это одно, а приступить к делу – другое. В учебное время мало времени. А сейчас зимний триместр уже почти закончен, студенты вот-вот начнут экзаменоваться, и работы у меня поубавилось. А впереди еще двухнедельный перерыв: значит, будет время отдохнуть, можно будет уделить хотя бы часы на переписку с моими корреспондентами, которых (как это хорошо!) становится все больше и больше.

Как дети? Как внуки? Надеюсь, растут «родителям во утешение и Церкви и отечеству (новому) на пользу». Мы окружаемся если и не детьми, то все же родственниками. Сестра с мужем, ликвидировав свою недвижимость в районе Сан-Франциско, переселились в наши края, обзавелись домиком совсем рядом с нами – пешком десять минут (хотя и есть предательская горка, которая в наши годы (тоже увы!) замедляет движение.

<...> Не покидает меня мечта приехать к Вам и, с Вашего разрешения, поработать над архивом Бориса Константиновича, написать о его жизни и творчестве в эмиграции. В будущем это важно будет для истории эмиграции. В будущем

русские люди должны будут знать о русском художественном творчестве в эмиграции, о сохранении и умножении русской культуры за пределами отечества. И мне бы хотелось принять хотя бы маленькое участие в отражении этих трудов. Однако на это нужна стипендия, во-первых, и полное выздоровление Гали, во-вторых. Пока она здорова. Болезнь ее под контролем, не ощутима. Но все-таки каждый месяц надо ходить к доктору, каждые три месяца просвечиваться. Если, даст Бог, все будет благополучно, то лишь к концу <19>76 года это докторское внимание к ней может быть ослаблено, и только тогда можно будет думать о поездке, хлопотать о стипендии. Но тогда мне могут сказать: «Вы, батенька, слишком уж стары, чтобы тратить на вас деньги». Да и первая книга моя о Вашем батюшке до сих пор под спудом. Имеется копия в нашей библиотеке здесь, в университете, да в библиотеке Конгресса. Желаящие всегда, за минимальную мзду, могут получить микрофильм. Камкин было совсем собрался печатать, но, увидев толщину, усомнился в возможности прибыть и пошел на попятную. Одним словом, на всякое хотение есть терпение. <...>

Приближается пост. Искренне желаю Вам провести его «безнаветно от всякого зла противна». Дай Бог. Дай Бог радостно встретить Светлое Христово Воскресение. Будьте здоровы и радостны. Привет от нас обоим Вам обоим со всеми чадами и домочадцами.

Жму руку. Сердечно Ваш П. Грибановский

13 марта 1975

46. Грибановский – Соллогуб. 8 сентября 1975 года

Дорогая Наташа, спасибо за письмо, за ответ. Все отлично. Скорого ответа я и не ожидал, да и торопиться некуда, а если и есть куда, то просто нельзя, ибо пока еще целый часосток (очень частый) из всяких «но», и на каждом из них по-прежнему знак вопроса. Относительное прояснение наступит, думаю, следующей осенью, тогда и начну обрабатывать моего принципала, который, кстати, сам сейчас в таком же, академическом, отпуску и роется где-то в российских архивах древнерусской литературы. Тоже что-то пишет.

Вернется он в сент<ябре> след<ующего> года, тогда и начну с ним разговор. (Впрочем, все дело в делах семейных, а не служебных.)

<...> Пишу коротко, чтобы Вы не были «смущены», и потому несколько сумбурно: только что приехал с Галей из Ванкувера, где провели у друзей несколько дней. Потом напишу обстоятельнее.

«Континент» читаю. Ничего особенного. Мой профессор с ними встречался. Милые, говорит, люди, но все же маловато культуры. Впрочем, что касается «Континента», то тут некоторая расплывчивость неизбежна, ибо слишком широкие круги втянуты в сотрудничество и, видимо, просто нельзя заострять проблемы. К Синявскому равнодушен. Вот именно «с вывертами», и читаем был больше потому, что был гоним. Очерк же его в первом номере «Континента» оставил пренеприятнейший осадок.

А Солженицын — это несомненно — послан России Богом. Здесь его выступления комментировались по-разному, но все же след оставлен неизгладимый. Того же размаха, но уже в мире Церкви о. Дудко. Прочитал книгу его бесед «О нашем уповании». Читали ли? Кстати, что у Вас о нем слышно? Какова его судьба?

Сердечный привет от нас обоих Вам, Андрею Владимировичу и жму руку.

Дай Бог здоровья и радости.

Ваш П. Грибановский
8 сентября 1975

Дудко Дмитрий Сергеевич (1921–2004) — православный священнослужитель. Будучи слушателем Московской духовной академии, был арестован и провел восемь лет в лагерях (до 1956 г.). Священник с 1960 г. Проповеди о. Дмитрия распространялись в самиздате. Был арестован в 1980 г., под давлением властей выступил по телевидению с осуждением прежней деятельности, обосновывая этот шаг как акт личного смирения. Освобожден, получил приход в провинции.

47. Грибановский – Соллогуб. 24 мая 1976 года

Воистину Воскресе Христос! Дорогая Наташа, спасибо за письмо. Ответный привет пасхальный Вам и Андрею Владимировичу. Надеюсь, эти несколько строк застанут Вас обоих и всю Вашу семью здоровыми и радостными.

«Вестник» получил. Спасибо. Я так и не удосужился сравнить мои тексты с тем, что напечатано. В конце концов, не так уж это и важно. Напечатано — ну и отлично. Что же касается сокращений, то, по-видимому, все редакторы склонны этим заниматься, особенно если автор из начинающих и ничем себя не зарекомендовал. Жаль, впрочем, что Никита <Струве> опустил несколько строк о паломничестве Императора Александра Первого. Может, не хотел говорить об этом читателю в Советском Союзе. Впрочем, потопки нашей интеллигенции (не военной) до сих пор еще «избегают» всего царского, всего с царским именем связанного. Поэтому я чрезвычайно удивился (приятно был удивлен), прочитав в последнем «Континенте» (№ 7), что Император Александр Второй, оказывается, был очень хороший царь. (Ну, слышано ли такое дело!) Слава Богу. Это значит лед действительно ломается и весна не за горами (или что-то весеннее).

Когда-то наш Н. Карамзин говаривал, что он верноподанный русского царя, но «эстетически» он республиканец; и вот мне, вероятно в подражание Карамзину, хочется сказать, что я верный гражданин страны демократической, но эстетически я монархист. Впрочем, это никак не меняет моего отношения к «Вестнику». Сейчас (во всяком случае, для меня) это лучший журнал, издающийся на русском языке, и таким его сделал, несомненно, Никита Струве. И за это ему «исполать». <...>

Дело же с поездкой в Париж несколько осложняется. Сейчас, на «подступах» к отставке, хочется (лучше поздно, чем никогда) обеспечить себе скромное и все же безбедное существование и как-то поэтому «утучнить» свой сберегательный счет (какая проза!). Но все-таки побывать в Париже хотелось бы, хотя бы еще разок. Но если и доживем, то побываем едва ли ранее начала 1978 года.

Сердечный привет и добрые пожелания Вам обоим, всем Вашим чадам и внукам от нас обоих.

Сердечно Ваш

П. Грибановский, протоиерей
24 мая 1976 г.

... «Вестник» получил... — Грибановский П. Борис Зайцев о монастырях // Вестник РСХД. 1976. № 117.

48. Грибановский – Соллогуб. 24 января 1977 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, Ваше письмецо застало меня в госпитале, уже после сделанной мне 11 января довольно длительной операции. На Крещение вернулся домой. Еще очень слаб. Хирург говорит, что для полного восстановления сил понадобится еще не менее шести недель. Лечения никакого не надо. Нужны лишь будут ежегодные проверки (рентген).

Поздравляю с сыном — доктором экономических наук. Теплые ему поздравления и пожелания.

<...> Думаю уйти «на покой» в июне 1978 года. Чему посвящу остаток жизни, если Бог даст долготу дней, — еще не решил. Последний год совсем забросил литературу и много читал по истории Церкви. Чрезвычайно интересно. Мои занятия со студентами русским языком все в том же положении. Как всегда, и в этом году у меня прибл<изительно> 20 студентов. Разбиваю их на три группы и разговариваю. Говорим о прочитанном. Пишем. Сейчас читают Чехова. Правда, они читают, а я сижу дома. Но меня заменяют коллеги. Я успел довести до конца осенний триместр. Вся моя пертурбация началась в конце декабря, под самый конец рождественских каникул.

Еще раз спасибо Вам обоим за память и добрые пожелания. Были мы искренне рады. Сердечный привет сынам с семействами их. Привет всем общим знакомым.

Дай Бог здоровья и радости. Галя шлет привет и добрые пожелания.

Сердечно Ваш

П. Грибановский, протоиерей
24 янв<аря> 1977

Поздравляю с сыном — доктором экономических наук... — в 1976 г. Михаил Андреевич Соллогуб защитил докторскую диссертацию в Университете «Париж-1».

49. Грибановский – Соллогуб. 6 апреля 1977 года

Христос Воскресе! Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, примите радостные наши поздравления со Светлой Пасхой, со Светлым Христовым Воскресением. Дай Господь радости. Надеюсь, это письмо застанет Вас и всю семью — детей и внуков — здоровыми и радостными.

У нас пока все благополучно. Уже вторую неделю, с начала весеннего триместра, преподаю. Устаю мало. Да и отдыха было вполне достаточно: отлеживался и отдыхал без малого три месяца.

<...> С удовольствием (с радостью) читаю «Вестник», с меньшим — «Континент». В последнем как-то нет ничего отстоявшегося — тесто бродит и как будто поднимается, а как-то испечется хлеб — на то указаний пока не видно. Но уж хорошо и то, что бродит, и бродит всюду. Думаю, бродит подспудно и в России. Надеюсь, что заявления нашего Джими Картера как-то помогут раздуванию отдельных, еще друг с другом плохо связанных костров-очагов. Но самое главное, чтобы Церковь могла жить без правительственной опеки. Разумеется, опека куда лучше гонений, подобных нынешним; но и опека тоже мешает жить. И жива будет Церковь, очистится и оживет и Россия.

Когда читаешь «Рус<скую> мысл<ь>», окунаешься в какой-то мере в Вашу жизнь, во что-то такое с детства знакомое-знакомое.

Пора кончать. Поздно. Галя, уходя спать, просила передать привет: сказал, что пишу Вам. Вот и передаю.

С добрыми пожеланиями всей семье

Сердечно Ваш

П. Грибановский, протоиерей

6/IV.77

50. Грибановский – Соллогуб. 31 декабря 1977 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович! Поздравляем с Рождеством Христовым, с Новым, 1978 годом. У нас все, слава Богу, в порядке. Галя готовится к выходу в отставку, что произойдет в будущем апреле. Я предполагал последовать за ней в июне, но после беседы с моими принципалами решил задержаться еще на год. В остальном как будто без перемен. Разве что умножаются морщины, дают чувствовать себя немощи – физические; о душевных уж и не говорю.

Число представителей третьей волны эмиграции у Вас быстро растет. Не знаю, как «волна первая» к ним относится. Наши военные – а их, увы, остается так мало – к «третьим», кажется, не благоволят. Слишком различны мировоззрения. И то правда, что младшим друзьям моего покойного отца – тем, кто еще Божьей помощью жив, – уже подкапывает под 80. Я к ним с детства привык, и без них, вообще без окружения русских офицеров, жизнь уже не та. Вам, штатским, это не совсем, видимо, понятно. Думаю, вопреки всем недостаткам военной школы, военного воспитания, все же эта школа вырабатывала очень стойких, верных, положительных людей. Людей крепкой дружеской спайки и преданности всему тому, что было поставлено воспитателями «во главу угла» их жизни.

<...> Как здоровье о. Стефана? Я слышал, что он хворает, что его поместили в один из старческих домов. Если увидите, передайте дружеский привет, попросите молитв.

Кстати, у Вас одним из таких домов ведаёт некто **Зербина**. Если не трудно, дайте мне его адрес. Буду признателен. Я с ним когда-то учился в русской гимназии в гор. Шумене, в Болгарии. Представляю себе, что он меня даже и не помнит, ведь я был в первом, а он в седьмом. Хочу ему написать. Я собираю фото – всякие «момента» детских и юношеских моих лет. Карточки я отдаю переснять и затем – само собой разумеется – возвращаю их владельцам.

При случае – черкните. Всегда рад Вашим записочкам, даже и торопливым. Все никак не могу примириться, вернее, освоиться, с фактором времени. Даже как-то не могу себя убедить в том, что мы, например, знакомы уже вот-вот скоро – одиннадцать лет. Невероятно. Хотелось бы хотя бы

еще разок побродить по парижским улицам, повидать знакомые лица, с детства воспринятые стогны града сего. Думать об этом буду не ранее выхода в отставку, то есть не ранее июля 1979 года. Впрочем, это и далеко и близко. Разве что раз оглянуться, вот и все.

Жму руку. Дай Бог радости.

Ваш П. Грибановский, протоиерей

31 дек<абр> 1977 г.

Зербино Андрей Дмитриевич (1903–1982) – инженер. В 1962–1978 гг. многих лет был директором Русского дома в Ментоне (деп. Приморские Альпы).

51. Грибановский – Соллогуб. 10 декабря 1979 года

Дорогая Наташа, поздравляем Вас и Андрея Владимировича с Рождеством Христовым. Христос рождается – будем его славить. Дай Бог радости, здоровья в 1980[-м] Новом году. Простите, давно не писал. С 29/IV-79 началась новая жизнь – был рукоположен во иереи. Сейчас служу в храме Всех Российских святых в гор. Burlingame – предместье San-Francisco. С Университетом расстался – ушел в отставку, пополнил ряды пенсионеров. Пенсионерка и Галя. Переезжать было трудно. Во-первых, отрыв от насиженного места; во-вторых, отрыв от друзей. Правда, и здесь немало знакомых еще по Китаю.

Сейчас занят больше, чем был до отставки. Прихожан не менее 250, а я один. Пока все, слава Богу, хорошо. Если увидите Жоржа Росс, скажите – я благодарю его за письмо и рвусь ему писать.

В Париж также рвусь. Авось к осени вырвусь, но пока – ничего определенного.

Привет праздничный от нас и наши добрые пожелания всем.

Храни Господь.

Ваш – священник П. Грибановский

10-23/XII-79

52. Грибановский – Соллогуб. 10 августа 1980 года

Дорогая Наташа. Давно Вам не писал и также давно ничего от Вас не слышал. Как поживаете? Как Андрей Владимирович? Каюсь, еще и дальше продолжал бы молчать, да очень даже «властно» напомнили о Вас письма И. Бунина Борису Константиновичу, что напечатаны, кажется, в № 136 «Нового журнала». Сразу все в памяти прояснилось и захотелось в Париж.

Как дети и внуки? Сейчас август: Париж, значит, пуст, и эта записочка едва ли Вас обоих там застанет.

Бурлингем – городок уютный, и здесь, к счастью, не жарко, но совсем под боком аэропорт и поэтому шумновато, да и керосинным перегаром иногда потягивает. И хорошо еще, что иногда.

Жена шлет привет. Авось, говорит, в следующем году съездим (в Париж), а если не съездим, то съезжу я (авось).

Привет дружеский и от меня – Вам обоим и всей Вашей так быстро растущей семье.

Дай Бог здоровья, радости. Жму руку.

Сердечно Ваш

свящ<енник> П. Грибановский

10/VIII-80

53. Грибановский – Соллогуб. 31 декабря 1980 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович! Сердечно поздравляю с Рождеством Христовым. Дай Бог здоровья, дай Бог почувствовать или даже прочувствовать Светлый Праздник, и этого, думаю, для всех нас будет вполне достаточно.

Тут же ожидает нас и Новый год. Когда бы его ни ждали, по-новому или по-старому, он все равно будет **НОВЫМ** и что-то новое нам принесет. И вот каким бы это новое ни было, будем просить нарождающегося Господа, чтобы ОН помог нам всегда радоваться.

Все рождественское невольно связывается с ангельской хвалой – «Слава в вышних Богу». Ее мы поем за каждой всеобщей, и почему-то в эти как раз моменты память развивает свой теперь такой длинный свиток. Едва лишь услышу

этот с детства усвоенный напев, как вижу уже себя десятилетним мальчишкой. Мы стоим в храме, очень по обстановке скромном. Это часть здания-склада. Потолка нет. Вверху только плохо отесанные балки, упирающиеся в крышу. Под ногами из таких же досок пол. Слева завеса из грубого брезента. Она отделяет другую половину склада, где теперь устроены классы ручного труда и лепки. Впереди белый иконостас. Все скромно, бедно, но вылизанно-чисто. Результат трудов гимназисток и учительниц. Храм-скиния в пустыне эмигрантских скитаний.

Служба вечерняя недлинная. Разве что полтора часа. Но мы, мальчишки, в томлении: для нас это бесконечность. И вот начинается славословие, и мы знаем, что скоро конец и после службы нас поведут на ужин. Мы не кадеты, но почти все мы дети бывших кадет, и потому аппетит у нас кадетский. После ужина, раз это не Великий пост, будут танцы. Правда, нас, малышей, скоро погонят спать, но мы все же посмотрим, как танцуют, иногда до полуночи, старшие гимназисты и гимназистки. Иногда растанцевавшиеся в полночь могут запеть в адрес воспитателей:

Танцевать нам хочется (хочеча)

лам-ца-дрица-а-ца-ца.

Этот мотив был тогда очень навязчив, и припев этот глупый не сходил с языка. И как-то директор наш, А. Бейер, слушая припев, вышел на авансцену и громко пропел в ответ:

завтра потанцуется –

лам-ца-дрица-а-ца-ца.

Все весело долго смеялись и пошли спать.

На рождественских каникулах перед танцами давался спектакль. Ставили их по очереди все классы театрально-художественного кружка, где были незаурядные таланты, – и декораторы, и актеры, и даже авторы-драматурги.

Таким образом бурная несерьезность и молодое кипение входило в русло серьезности и обогащалось и умственно, и душевно. Обогащалось и духовно, ибо сейчас, при обращении взглядов в прошлое, невольно видишь, как и церковные службы, и в них Великое, Ангельское славословие, вносили во все это свою окраску и свой свет, указывающий нам путь и завершительный предел этого пути. И Господь, как когда-

то на свадьбе в Кане Галилейской, освящал всю эту молодую жизнерадостность Своим незримым присутствием.

Таковы воспоминания. Вернее — незначительный в них отрывок. Было это и давно, и совсем недавно, и все же более полувека тому назад. Шумен — в далекой, и во времени, и в пространстве, Болгарии. Русская гимназия, расположившаяся в казарменном здании старой военной больницы.

На днях побывал в Сиэтле, в прошлом уже не столь далеком. Повидал друзей и добрых знакомых. Впрочем, только малую их часть. На всех не хватило бы ни времени, ни сил. Поездка сняла всю позолоту воспоминаний, до сих пор яркую на восприятиях более давних. Может быть, в прошлое возврат хорош только мысленный. Кто это знает?

Ну, вот и весь мой праздничный сказ. Еще раз — дружеские теплые пожелания радости, призыв бережно хранить позолоту воспоминаний. Да оно и нетрудно, ибо это единственная форма позолоты, которая от времени становится только ярче. Но пусть все же нас, с Божьей помощью, радует не прошлое, а настоящее. Христос рождается — будем ЕГО славить.

Позолоту в воспоминаниях сохраняет только «мой» Париж, сколько бы я туда ни возвращался. Париж, и в Париже — Шавиль и его Общежитие для русских мальчиков, — это лучшие моменты моего далекого отрочества и совсем безусой еще юности, куда, разумеется, возврата нет. Но даже и в Париж не знаю, когда и прилетишь, ибо в наступающем году нужно будет избирать новое место жительства, с приходом помалочисленнее. Здесь, в Бурлингеме, народу много, и мне, ослабевшему после всех моих перетурбаций, уже это не по силам. <...> Поэтому прошу у Владыки перевода или обратно в Сиэтл, или куда-либо на север от Сан-Франц<иско>, где намечаются две вакансии. Решения еще нет, да срочно его и не требуется, да и не будет, пока не появится мне замена. Но когда будет замена, это только Бог знает. Пока же стараюсь пастырствовать очень и очень потихоньку. А Париж — далекое будущее.

Спасибо за письмо. Рад был получить, в последний день уходящего года. Понимаю Ваши горести, но и радости вижу. Вон какое обилие молодой поросли Господь Бог Вашим де-

тям посылает. Сколько бабушке и дедушке и забот, и радостного умиления.

<...> Да, действительно, в наступающем 1981 году — столетие со дня рождения Бориса Константиновича. Надо, чтобы ни Союз писателей, ни «Русская мысль» там у Вас об этом не забыли.

Литературу — пожалуй, можно сказать — забросил. Вот молодежь уже теперь занята организацией Всезарубеж<ного> Съезда молодежи. Будет в Сан-Фр<анциско> в конце июля б<удущего> г<ода>. Дают 40 минут, просят читать о Достоевском. <...> Я же все стараюсь увильнуть. Я священник и *должен* вести собеседования с прихожанами на тему о нашей вере, о Церкви. <...> Да и какой я литературовед. Это так, стечение обстоятельств. В молодости увлекался математикой, бредил химией. Да где там! И мечтать нельзя было. Не по карману было. Останься я еще во Франции в 1930 году, вместе со всеми Вами, еще что-нибудь, м<ожет> б<ыть>, и вышло, а в Китае — где уж там: никакого просвета и никаких возможностей.

Галя шлет привет и поздравляет. Вам обоим и ВСЕМУ семейству самые добрые пожелания к Праздникам. Рабов Божьих Бориса и Веру всегда за проскомидией поминаю.

Дай Господь здоровья и сил.

Жму руку.

Сердечно Ваш

священник П. Грибановский

31 дек<абря>1980 г.

(Иду на новогодний молебен)

54. Грибановский — Соллогуб. 29 апреля 1983 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович. Христос Воскресе! Дай Господь радости Вам и всем Вашим. Если ничто неожиданное планов не изменит, то будем в Париже утром 17/V. На первые дни, а м.б. и на все три недели, остановимся у милых Верг'ов. Будем рады встретиться и побеседовать. Надеемся застать всех Вас в добром здоровье — пасхально радостными. <...> Мой б<ывший> профессор Ю.П. Иваск уже думал было поехать, да так и не собрался: трудно сры-

ваться с места, да и лететь боится: никогда не летал. А на паром — нет времени у меня. Оно, что и говорить, «от хорошей жизни», как говорят, «не полетишь». Но все же как не воспользоваться самым что ни на есть блеском нашей технологии, нашей современности.

Мечтаю ходить по Парижу, ходить и ходить, насколько это возможно в моем возрасте, насколько позволит мой артрит (в коленях особенно).

Дай Бог радости пасхальной. Привет от жены. Храни Господь,

Жму руку.

Ваш П. Грибановский, пресвитер

4.29.83

55. Грибановский — Соллогуб. 6 октября 1987 года

Дорогая Наталия Борисовна, примите наш общий дружеский привет Вам, Андрею Владимировичу и Всей семье — с потомством. Собирался Вам даже звонить на Ваши именины, но от «информации» ничего не добился, а справиться у Жоржа Росса не подумал. Звонил ему третьего дня. Спасибо за привет. Обрадовал-порадовал он меня новостью о том, что русские люди на родине наконец-таки знакомятся с русским писателем Борисом Зайцевым. Но издадут ли там все?

Кстати, в этом году исполнилось 20 лет и нашему с Вами знакомству. Незабываемые парижские три месяца — часто вспоминаю. Хотелось бы еще, хоть разок, пройти по парижским улицам. Но стал тяжел на подъем. Я бы еще мог, загрузив чемодан моими лекарствами, отправиться в Ваши края, но Гале, с ее стершимися позвонками шеи, нужна еженедельная терапия. <...>

Надеюсь, Вы все здоровы и Богом хранимы. Посылаю Вам **вырезку из советской газеты**, получил на днях от брата. Всем будет небезынтересно ее прочитать. Посылаю и фото нашего нового храма, где служу.

<...> Будьте здоровы и радостны.

Галя шлет Всем привет. Я тоже.

С добрыми к Вам чувствами и хорошими воспоминаниями о всех Вас

П. Грибановский, пресвитер

6 окт<ября> 1987

...вырезку из советской газеты — видимо, речь идет о публикации О.Н. Михайловым очерка Б.К. Зайцева «Леонид Андреев» (Литературная Россия. 14 августа 1987).

56. Грибановский — Соллогуб. 31 марта 1989 года

Дорогая Наташа — Наталия Борисовна, надеюсь, это письмо застанет Вас и Андрея Владимировича в добром здравье, в бодром состоянии духа. Дай Бог.

Начать надо было бы с пасхального приветствия, ибо до Пасхи написать едва ли соберусь — поэтому: Христос Воскресе! Пошли Господь радости Воскресения Вам обоим и всей Вашей семье.

Нам обоим «перевалило» за 76. Силы уже не те. Правда и то, что живем — не тужим, как можем Господу служим. Впрочем, служу не регулярно, ибо быстро устаю.

<...> На днях, разбирая мои полки, еще раз перечитал письма пок<ойного> Б<ориса> К<онстантиновича> и решил Вам их переслать. Будем еще жить столько, сколько Богу угодно, но все же это наследство, о котором нужно в первую очередь подумать. Мы уйдем, и эти письма полетят в мусорную корзину. А у Вас должен быть весь литературный архив Б<ориса> К<онстантиновича>. Думаю, и для будущего биографа, и для издателя эти письма в какой-то мере могут пригодиться.

В последнем письме Б<орис> К<онстантинович> пишет, что у него родился правнук Матвей. Это значит, что этому Вашему внуку уже пошел 18-й год. Поди, вот-вот лицей кончит, ежели еще не кончил. А потом надо думать, что у Михаила и Петра Андреевичей появились еще дети. В <19>83 году, когда мы у Вас в последний раз были, Вы что-то об этом говорили, но, увы, я теперь, подобно Вашему папе, много забываю.

После кончины на Покрова Жоржа Росса осталось у меня пустое место, которое временами очень и очень дает о себе знать. Не хватает его писем. Мы с <19>70-го, и особенно

после 1983-го, очень активно переписывались и даже изредка, увы, предельно кратко, разговаривали по телефону. Привет Бергам.

Галя шлет Вам обоим и всей семье дружеский привет.

Дай Бог здоровья, утешения в сынах и внуках и радости, радости, в данном случае – пасхальной.

С добрыми к Вам чувствами и глубоким почтением

П. Грибановский, пресвитер

31 марта 1989 г.

57. Грибановский – Соллогуб. 15 июля 1989 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, рад был письму. Сердечно благодарю за поздравление. У нас это храмовый престольный праздник. Приезжал Владыка; сослужило ему пять священников (с ними и аз, грешный) и три диакона. Потом парадный обед. Речей было минимум – это уже достижение. На обеде было человек 300.

Да, о письмах Вы мне писали. Но это ничего: во-первых «масло каши не портит», а во-вторых, я почти постоянно делаю то же самое. Все собираюсь начать писать письма под копирку или делать ксерокопию (что проще). Но это значит, что потом, садясь за письмо очередному другу-корреспонденту, надо перечитывать старые копии, а это уж невыразимо скучно. Лучше уж так. А ежели повторишь что-то из интересных событий, так это только удовольствие – и пишущему, и читающему. <...>

Сынам и их женам и чадам самые добрые пожелания. Ваш перечень имен вложил в поминальник, и за каждой литургией все поминаются, даже если я сам и не служу. А это случается очень часто, а все моя «жаба»: на слабые теперь ее атаки все-таки приходится, как говорят, отходить «на заранее подготовленные позиции».

Писал брату в СССР. Собираюсь послать ему свою диссертацию: там все же собрано много сведений, и какому-нибудь исследователю они могут сослужить службу. А здесь, после смерти, она попадет в мусорный бак. Иваск говорил, что вступление «никуда не годится», советовал выбросить; ну а диссертация-де «вполне обстоятельная».

Что-то слишком разглагольствовался. Виноваты приятные воспоминания трехмесячного общения с Б<орисом> К<онстантиновичем> и с Вами в 1967 году. Пора кончать. Галя шлет большой привет, дружеский. То же делаю и я. Самые добрые пожелания, Вам, чадам и их чадам. Храни Вас Господь.

Сердечно Ваш

П. Грибановский, пресвитер

15 июля 1989 г.

58. Грибановский – Соллогуб. 9 февраля 1990 года

Дорогая Наталья Борисовна, привет Вам и Андрею Владимировичу самый теплый. Стремился поздравить Вас всех с прошедшими уже праздниками (перед праздниками, разумеется), но, полный благих намерений, я никак не могу провести их в жизнь, а если и провожу, то всегда с большим опозданием. <...>

А теперь я хочу поздравить Вас с появлением на свет Божий в Советском Союзе (свет-то Божий ведь и там тоже) «**Голубой звезды**», книги, которую Вы, я уверен, от издательства получили. Первая книга там, для русского читателя, за 70 лет. Правда, всего 100 тыс<яч> экземпляров, но для СССР это даже очень много. Солоухина – «Смех за левым плечом» – тоже издали таким же тиражом. Для Бориса Константиновича это очень радостное событие: старый русский писатель вернулся на родину. Книга исключительно изящно издана. Трогательны виды старой Москвы на форзацах. Тепло написана вступительная статья **А. Романенко**. Одним словом, – поздравляю.

Не знаю, читали ли Вы в Париже ежемес<ячную> газету «Литературный Иркутск». Выходит в количестве 10 тыс<яч> экз<емпляров>. Сотрудничает целый ряд писателей. Мне знакомый только вчера прислал из С<ан>-Ф<ранциско> ксерооттиски газеты за март и за дек<абрь> прошлого года. К сожалению, при копировании ему пришлось уменьшить размер, отчего шрифт стал трудным для долгого чтения. Даже новые очки, специально для чтения, не помогают. Через 15–20 мин<ут> чтения глаза начинают болеть и приходится делать «передышку». Как эти пишущие люди, во главе

с **Распутиным**, вопреки десятилетиям зажима, могли сохранить в сердце такие чувства и в мыслях такую ясность и память о том, что такое для них, для нас всех, Россия.

<...> В эти последние дни, включая и прошлый понедельник, мы, не отрываясь от телевизора, следили за всем там происходящим. Монолит как будто дает трещины. Что будет дальше – гадать не берусь. <...>

Сердечный привет всему семейству. Служу я редко, но данный Вами список внесен, куда следует, и все имена за каждой Проскомидией неизменно поминаются.

Помоги Вам Господь. Жму руку. Будем радоваться.

Жена шлет теплый привет.

Искренне Ваш

П. Грибановский, пресвитер

9 фев<раля> 1990 г.

Зайцев Б.К. Голубая звезда: Повести и рассказы. Из воспоминаний / Сост., предисл. и коммент. Александра Романенко. – М.: Моск. рабочий, 1989.

Романенко Александр Данилович (р. 1932) – критик, литературовед.

Распутин Валентин Григорьевич (р. 1937) – русский писатель.

59. Грибановский – Соллогуб. 30 апреля 1990 года

Христос Воскресе, дорогие Наталья Борисовна и Андрей Владимирович. Дай Бог постоянной пасхальной радости.

Мы оба чрезвычайно тронуты и сердечно благодарим за книгу **«Осенний свет»** со смелой припиской **Прокопова**. Пишет с большим теплом, как, впрочем, и Романенко в книге «Голубая звезда», вышедшей на год раньше, в 1989-м, в изд<ательстве> «Московский рабочий».

Да, медленно, но верно возвращается Борис Константинович на Родину, которой «дышал и для которой писал». Радует сейчас этому светлая его душа. Что происходит в России, трудно сказать. «Гласность», как видно, преуспевает, но **Горбачеву** хочется и чистоту «социалистических риз» сохранить, и капитал приобрести. То ли и сам он того хочет, то ли вынуж-

дают обстоятельства, то есть заматерелые коммунисты, которым и с властью расставаться жаль, да и тепленьких местечек и всяких там чиновных льгот оставлять не хочется. Всего отсюда, издалека, никак не разобрать. А хотелось бы.

В середине мая ждем к себе на три недели племянницу из Челябинска. Ей сорок лет, дочь моего двоюродного брата, который с 1929 г., после смерти его мамы, сестры моей покойной мамы, был всегда с нами и с нами же в 1930 г. уехал на Восток. А в 1947[-м] отправился из Шанхая в Советский Союз, где и учился и женился, и вот произвел двух детей. Старшая не то экономист, не то бухгалтер высокой квалификации, а младший – горный инженер. У обоих дети. Посмотрим, что она расскажет. Пока же и без ее рассказов ясно, что полки магазинные пусты, с продуктовыми посылками дело дрянно: в прошлом году, бывало, и в два месяца доходили, а теперь, с января, мы и сестра послали уже четыре, и о них пока ни слуху ни духу.

Все, что писал о Б<орисе> К<онстантиновиче>, и еще два моих очерка «Л.А. Раневская» и «Странный иностранец», что были в прессе, отправил брату в Россию. Авось все о Вашем папе кому-нибудь там из исследователей-литературоведов и пригодится. А если всему отправленному суждено покрываться «пылью веков», так пусть уж пыль эта будет русской пылью.

Еще раз – крупнейшее «Спаси Бог» за книгу и память. Прислали ли Вам «оттуда» «Голубую звезду» с предисловием Романенко? Оно еще более теплое.

Жена шлет дружески-пасхальный привет. Я следую ее примеру.

Надеюсь, это письмо застанет Вас обоих и всю Вашу семью здоровыми, радостными, преуспевающими. Храни Вас всех Господь (за проскомидией поминаем неизменно).

Всегда с добрыми к Вам чувствами с теплыми о Вас всех воспоминаниями

П. Грибановский, пресвитер

30 апр<еля> 1990 г.

Б.К. Зайцев. Осенний свет. Повести и рассказы / Сост., предисл. и коммент. Тимофея Прокопова. – М.: Сов. писатель, 1990.

Прокопов Тимофей Федорович – литературовед, критик.
Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) – в 1990-м – Генеральный секретарь ЦК КПСС.

60. Грибановский – Соллогуб. 30 марта 1991 года

Дорогая Наталья Борисовна, простите, как-то не дописал мое к Вам последнее письмо. Что-то помешало.

Как все предисловия сов<етских> изданий Б<ориса> К<онстантиновича> З<айцева>, очень теплое, радостно согревающее. Жаль, что, работая над «Афоном» и вообще собирая материал о Б<орисе> К<онстантиновиче>, я пропустил **Г. Федотова**. Правда, он социалист, но все же социалист христианский. Его статьи очень всегда глубоки и интересны. У меня был сборник его статей «Чеховского издательства». Юрий Пав<лович> Иваск (увы, покойный) Федотова очень почитал, под его руководством готовился к защите доктората.

Мне о Париже остается только мечтать. Как уже говорил, очень стал немощен. От разговоров устаю быстро, а ежели разговор серьезный, то это волнует, приходится принимать мое «успокоительное». Мы с Вами, кажется, ровесники – появились на свет Божий одновременно с романом «Дальний край» (1912 г., да?). Я уже многое забываю. Читаю мало: трудно сосредотачиваться из-за обилия поглощаемых пилюль. На днях перечитывал «Далекое». Рад был узнать из письма Вашего корреспондента (подпись неразборчива), что выйдут в свет и зарубежные работы Вашего папы.

Вас всех, по Вашему списку, всегда поминаю. А если меня и нет, то мой распухший помянник всегда на жертвеннике. Новый настоятель или диакон, во время проскомидии, всегда поминают, молятся. Я дома поминаю Андрея и Наталью со чады и внуки. Помолитесь обо мне, о нас, ибо «...верую, Господи, помоги моему неверию». Человек есмь. Надо добавлять «и **болящую Екатерину**». Дай Бог нам всем, и старикам, и тем, что помоложе, крепости и сил, веры. Еще раз – со Светлой Пасхой!

Христос Воскресе. Воистину Воскресе Христос!

Ваш П. Грибановский, пресвитер

30 марта 1991 г.

Федотов Георгий Петрович (1886–1951) написал рецензию на книгу Зайцева «Афон» (*Федотов Г. Борис Зайцев. Афон // Современные записки. 1930. № 41*).

...*болящую Екатерину* – в этот период Екатерина Михайловна Соллогуб была тяжело больна.

61. Грибановский – Соллогуб. 25 марта 1991 года

Христос Воскресе, дорогие Наталья Борисовна и Андрей Владимирович! Радостный пасхальный привет Вам обоим и всей семье.

Сердечно признателен за Ваше, Наташа (ой, Наталья Борисовна), письмо и за вкладыши.

Кате (не знаю отчества) рано болеть. Помогите Господь. Моя Галя тоже больна. У нее началась желтуха. Все самые современные машины рака не показали <...>, ну а когда вскрыли, то оказался рак поджелудочной железы. <...> Все под Богом ходим. Я тоже по-своему кисну. Быстро устаю. Уже больше года не служу, и в янв<аре> сего года был официально зачислен в «заштат». Меня заменил очень хороший молодой священник, здесь родившийся.

<...> Думаю, Вы помните, в 1972 году проф<ессор> Ник<олай> Полторацкий (Питтсбургский) издал книгу – зарубежная критика о зарубежн<ых> русских писателях. Там был и мой очерк – сравнит<ельно> краткие выжимки из диссертации. В прошлом году ему был звонок из Ин<ститута> мир<овой> лит<ературы> из Москвы. Они задумали издать книгу там. Начались переговоры. Две трети писавших ушли в лучший мир, и он опрашивал нас, оставшихся, согласны ли мы. Все согласились. Знаю, что переговоры велись, но в какой стадии все дело теперь, никто из нас не может сказать, ибо в окт<ябре> прошлого года он внезапно скончался в Петербурге. Был у нас на кадетском съезде, а потом поехал в Россию. В канун смерти читал доклад, более двух часов отвечал на вопросы. А потом захотелось ему подняться на колокольню св. Исаакия. Вернулся к себе в отель, лег спать, а наутро его нашли мертвым – сердце, видимо, не выдержало напряжений. Погребли его на клад<бище> нашего

Св.-Троицкого монастыря, что в штате Нью-Йорк. Думаю, он на три-четыре года моложе меня. Очень был деятельный. Собирал материал по истории Белого движения. Собирался писать. Господь решил иначе.

Мы сейчас нигде не бываем. Не под силу нам приемы друзей, тем более у нас самих. Ходим только на богослужения. С Божьей помощью, дух ежели и не очень силен, то все же крепок, а плоть, как и положено ей в нашем возрасте, — немощна.

Еще раз сердечное спасибо за все. Теплый привет от нас обоим Вам с Андреем Владимировичем и всем детям и внукам. Храни Господь.

25 марта 1991 г.

Ваш П. Грибановский, пресвитер

62. Грибановский – Соллогуб. 20 декабря 1991 года

Дорогие Наташа и Андрей Владимирович, поздравляю Вас с Новым годом и с наступающим Рождеством Христовым. Пошли Господь Вам и всем Вашим детям и внукам здоровья, радости. Оборачиваясь назад во времени, как-то не могу поверить, что в марте исполнится четверть века нашему знакомству и моей «работе» с Борисом Константиновичем. Как я ему, бедному, беспардонно надоедал и как, вопреки этому, старец-писатель был ласков и снисходителен ко мне и, конечно, по сравнению с ним, к моему невежеству в области литературы.

Не знаю, можно ли писать об этом в поздравительном письме, но эта осень унесла много жизней. Ушла Галя, на 6 дней ранее, в России, ее подруга детства и общий друг нашей молодости. Ушла наша Женя [Берг], мой троюродный брат в Иркутске и еще, еще и еще.

Воистину мы в «призывном возрасте». Никуда не хожу. Завтракаю раз в неделю по очереди у Галиных подруг — наших друзей, моих охранителей. Завтракаю иногда у сестры. Она для меня и готовит, и все приносит мне на дом. Время коротаю с моими собаками, а основной «выход» в субб<оту> и в воскр<есеень> — в храм. Но уже два года не служу. Вне моих сил, и 20 янв<аря> с. г. был официально уволен «на покой».

<...> Слежу за событиями в России. Впервые за всю мою сознательную жизнь получил оттуда письмо с обратным адресом — РОССИЯ и впервые на экране теле увидел наш флаг. Надо за Россию усердно молиться. Каяться. Наши предреволюционные предки тяжело перед Богом грешили. Мы отдали на растерзание палачам Помазанника Божья, и все мы виноваты.

Будьте здоровы и радостны. Если, Наташа, черкнете, буду очень рад. Чувствую себя не особенно. Быстро устаю. Максимальная прогулка полчаса.

С добрыми ко всем ВАМ чувствами и пожеланиями

П. Грибановский (пресвитер на покое)

20/XII-91

...ушла Галя... — Галина Николаевна Грибановская скончалась 4 октября 1991 г.

63. Грибановский – Соллогуб. 25 июня 1992 года

25 июня 1992

Дорогая Наташа, сердечно благодарю за письмо. Низкий дружеский поклон Андрею Владимировичу и ВСЕМУ семейству. Весь список Ваших детей и внуков у меня имеется с 1989 г. Вы тогда прислали. Не забываю. Часто думаю о Вашей больной [Е.М. Соллогуб]. Знаю, как ей тяжело. В 1972 г., ранней весной, Галя проходила через такие же испытания. Старалась скрыть от меня свои мучения, редко жаловалась. Но на днях я нашел ее записную книжечку, где по датам она отмечала боль после каждого вливания. Тогда врачи (после лечения) сказали, что она застрахована, во всяком случае, на пять лет. Она же, слава Богу, с начала своей болезни прожила 20. Ушла от меня 4 октября, а знали мы о предстоящем ей уходе уже с января 1991-го. <...> Да, 7 июня 1935 г. я вел ее под венец, а 7 окт<ября> 1991[-го] я ее хоронил. Такова воля Божья.

Поздравляю с наступающим Днем рождения. Вам 80 вот-вот, а мне осенью. В завершительный период нашей жизни у каждого свой путь и свои недуги. Будем просить Господа помочь нам принять все, что ЕМУ будет угодно нам послать.

Относительно же Вашего рождения, я все еще помню, что появление Ваше на свет совпало с выходом романа «Дальний край». С удовольствием вспоминаю три месяца, проведенные нами в Париже четверть века т<ому> н<азад>. Теперь Мишу и Пеку так и не назовешь: почтенные отцы семейства и выдающиеся специалисты — каждый в своей области, Михаил и Петр Андреевичи. Вот и их дети, старшие, во всяком случае, успели уже вырасти и созреть для самостоятельной деятельности. Время не стоит.

Никуда не езжу. Мой радиус передвижения за рулем 10–15 миль. Это все. В Сан-Фр<анциско> на кладбище возит сестра. Она же мне приносит замороженное жаркое и супы. Раз в неделю езжу к ним завтракать. И, по очереди, еще к двум совсем близким соседкам, нашим с Галей друзьям. (Кажется, уже об этом писал.)

Да, интересно побывать в России. Будь я в силах, обязательно съездил бы в Санкт-Петербург, родной мой город, не минуя, разумеется, близкого мне и тоже в какой-то степени родного Парижа. Пока что Россия стоит перед будущим неизвестным. Боюсь, никто не может сказать, что там случится завтра. Россия... «у ней особенная статья, в Россию можно только верить». Хорошо бы еще освободиться от опеки Запада. Эта опека может дорого России обойтись.

Помоги Бог Вам обоим, Вашим сынам и внукам. Кате особенно. Да, да, священников тоже МОЖНО обнимать. Обнимаю и я, и еще троекратно Вас обоих целую, благо что не успел за пасхальный период с Вами похристосоваться. Рад назваться Вашим другом.

Постоянный Ваш доброжелатель и друг

Сердечно Ваш

П. Грибановский,

пресвитер (на покое с янв<аря> 1991 г.)

Пишите!

* * *

В 1994 году Наталия Борисовна отправила П.В. Грибановскому большое благодарственное письмо с ответным пожеланием опубликовать его переписку с отцом «в оба конца», а я вложила небольшую записку с некоторыми вопросами «по персоналиям». Вскоре из Америки пришел ответ:

4 мая 1994

Дорогая Наталия Борисовна, сегодня пришло Ваше письмо от 16 апреля. Адресовано моему брату, отцу Павлу Грибановскому, с вложенным письмом от Ольги Алексеевны Ростовской. С большим сожалением я Вам должна сообщить, что мой братик скончался 22 февраля 1994 г. Он, бедный, долго и тяжело болел, но последние три месяца были очень тяжелыми.

<...> Буду Вам благодарна, если Вы передадите наши грустные новости Ольге Алексеевне. Если у Вас есть какие вопросы, буду рада ответить все, что я знаю. Мне по-русски легче читать, чем писать, так что извините за мои ошибки.

С наилучшими пожеланиями

Ваша Оля

Olga Rumar Santa, Roza CA, USA

Памяти Наталии Борисовны Соллогуб

Сегодня, когда уже нет с нами Наталии Борисовны Соллогуб, эту переписку читаешь с особым, щемящим чувством...

Наталия Борисовна скончалась на 97 году жизни в первый день Рождества — 7 января 2008 в своей квартире на rue Grémicourt в Париже. Ее дом был, в первую очередь, домом писателя Бориса Зайцева, где он провел последние месяцы жизни, где был его кабинет, хранился архив, библиотека, где на протяжении почти сорока лет после кончины Бориса Константиновича продолжалась литературная и общественная жизнь. Наталью Борисовну знал и любил Русский Париж, ее дом всегда был открыт для приезжавших из России и многих других стран ученых, писателей, журналистов, священнослужителей. Она помогала нуждающимся, давала приют гонимым. Русский Красный Крест и Земгор, Покровский монастырь в Бюсси-ан-От и Введенская церковь, Русская школа на rue Daru и РСХД — она везде была другом, бескорыстным и обязательным сотрудником.

О своей долгой и непростой жизни, об отце и судьбах эмиграции, Наталья Борисовна Соллогуб оставила нам удивительные устные рассказы вошедшие в книгу «Напишите мне в альбом...»...

...

Наталью Борисовну отпевали в церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы. Она похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем, недалеко от места упокоения своих родителей.

О. Ростова; редакция Вестника

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

НИКИТА СТРУВЕ

Из книги «70 лет русской эмиграции»*

Глава 11. Политическая жизнь

«Зарубежная Россия» на первых порах мыслила себя как государство, временно лишенное своей территории, на которой утвердились лжеправители, открыто заявлявшие, что они уже не русские, а интернационалисты. У эмигрантов было твердое чувство, что они не покинули нацию, а унесли ее с собой: то была эмиграция не русских, а самой России.

И в первые годы, пока новая власть не получала международного признания, это чувство толкало эмигрантов пытаться создать своеобразное подобие государства без территории. Казалось, они располагали всеми государственными признаками: унаследовали блестящий дипломатический корпус (стоит только назвать Бахметьева в Соединенных Штатах, Маклакова в Париже, Саблина в Лондоне), бывшие консульства и посольства оставались в их распоряжении; в рядах эмиграции находились четыре бывших премьера: двое — царского правительства, двое — Временного (В. Коковцев,

А. Трепов, Г. Львов, А. Керенский), десятки министров, депутатов разных Дум и Учредительного собрания, почти все крупные представители финансового и торгового мира, двое возможных претендента на царский трон, сотни генералов и офицеров, возглавлявших еще не вполне расформированную армию. Спонтанно восстановились союзы Земгора, общественные и профессиональные организации, союзы журналистов, адвокатов и др., образовался синод епископов, продолжили свою деятельность все существующие политические партии (за исключением, разумеется, большевиков) — словом, налицо были все составные части государства, но без самого существенного элемента — территории.

Вопреки язвительным намекам Тэффи, политическая жизнь эмиграции, естественно, была интенсивной, по крайней мере в первое десятилетие. Но, лишенная непосредственных точек применения, она выражалась прежде всего, если не исключительно, в словопрениях, протекала в многочисленных собраниях, породила разнообразную и богатую прессу. В области же действий она была неизбежно ограничена и неплодотворна: советская власть неуклонно набирает силу, политические акции эмигрантов разбиваются о глухие стены, что обескуражит очень многих. В тридцатые годы политическая жизнь слабеет и уступает место творчеству в области культуры. А Вторая мировая война поставит эмиграцию перед роковой дилеммой: если против Сталина, то неизбежно с Гитлером; если против Гитлера, то неизбежно со Сталиным, из которой выпутаться будет нелегко, что снова приведет к розни и разделениям.

Политический спектр

Всякая политическая жизнь, в любых условиях, подвержена диалектическому закону разделения и объединения. В зависимости от условий преобладает то одно, то другое. Казалось, сплоченная общей бедой, имея против себя всесильного и беспощадного врага, эмиграция должна была бы объединиться без большого труда. Но это не произошло. Причины этой неудачи различны.

В первую очередь, политический спектр эмиграции был крайне разнообразен и контрастен. Что могло быть общего

* Первая часть второй главы из готовящегося издания русской версии книги «70 ans d'émigration russe», Fayard, 1995. Первую главу см. в № 191 «Вестника».

между сторонниками старого режима, считающими молодую русскую демократию виновной в Октябрьской революции, и различными левыми партиями, даже если они и стали после революционных событий более умеренными? Объединяют общие действия, а они были крайне редки или тупиковы, споры же в безвоздушном пространстве неизбежно разделяют. Часто приписывают политические разделения в эмиграции русскому неорганизованному, анархическому характеру. Но вряд ли это верно. История показывает, что все политические эмиграции, к какой бы стране они ни принадлежали, подвержены закону раздробления, усугубленному разлагающим фактором времени. Чем больше затягивается эмиграция, тем безнадежнее ее объединение.

На самом левом фланге спектра находились меньшевики, оставшиеся принципиальными марксистами. После Октябрьского переворота они сохраняли полуофициальный статус, пытаясь образовать легальную оппозицию большевикам. Но накануне Кронштадтского восстания власти арестовывали до 2000 членов меньшевистской партии. В 1922 году, после объявления голодовки, около десяти возглавителей партии получили возможность эмигрировать. Они обосновались в Берлине, где уже в феврале 1921 года Юлий Мартов (Цедербаум), легально выехавший из России, основал «Социалистический вестник», которому из всех политических изданий в эмиграции суждено было самое длительное существование: он закрылся лишь в 1963 году, когда умер один из его основателей, Р. Абрамович (Рейн), едва ли не последний меньшевик (на два года его пережил последний, исследователь и собиратель архивов Б. Николаевский). В изгнании меньшевики продолжали настаивать на том, что они против всякого насильственного свержения коммунистической власти, призывали западные державы признать ленинское правительство в надежде на скорую демократизацию режима. По отношению к коммунистам они себя считали партией «не революции, а оппозиции», что заставило «правых» меньшевиков отколоться и образовать собственную, недолговечную, группировку «Заря». В 20-х годах политическая деятельность меньшевиков была маргинальна. Но с приходом к власти Сталина они становятся непримиримыми врагами советской системы. В 1937-м, поскольку почти все

меньшевики были еврейского происхождения, им пришлось из Германии перебраться во Францию, а из Франции в 1940 году в Америку, где они, не будучи подвержены никаким национальным искушениям или иллюзиям, рьяно и последовательно разоблачали сталинизм, вплоть до того, что первыми реабилитировали власовское движение.

Социалисты-революционеры, как известно, не избегли разделения еще и в России. Лишенная своей победы на выборах в Учредительное собрание партия раскололась: левые эсеры вошли в ленинское правительство, которое их терпело до 1919 года, правые начали одними из первых вооруженную борьбу, возбуждая крестьянские восстания в Сибири, и даже возглавили одно из временных противобольшевистских правительств. В эмиграции, естественно, разделения усугубились. Левое крыло под руководством В. Чернова, однедневного председателя Учредительного собрания, защищало свою платформу в ежедневной газете «Революционная Россия», считавшейся центральным органом партии, и в толстом журнале «Воля России», органе политики и культуры. Оно «ощущало себя наследником революционного и критического народничества, как одного из основных направлений русской общественной мысли, и подчеркивало его отличие от марксизма». Но в коммунизме оно видело «искажение» демократического социализма и, не желая ограничиваться лишь критикой советского режима, ратовало за признание советской власти, стараясь стать «лицом к России». Левые эсеры поддерживали связи с социалистическими партиями разных стран и сотрудничали с социалистическим Интернационалом. В «Воле России» писали такие видные деятели международного социализма, как К. Каутский, В. Зомбарт, Э. Бернштейн и др.

Более умеренные эсеры группировались вокруг Александра Керенского, несмотря на крушение Временного правительства, не потерявшего ни своего ореола демократического лидера, ни своего динамизма. От левых эсеров его ежедневная парижская газета «Дни» отличалась большей непримиримостью по отношению к советскому режиму, да и о марксизме в нем было как-то позабыто. Но многие «правые» эсеры вовсе отошли от политики, чтобы, возродив традицию толстого дореволюционного журнала, вокруг

«Современных записок» сплотить вне или над партиями максимальное количество культурных сил эмиграции. Другие способствовали возрождению Земгора и превратили его в широкую филантропическую акцию в эмиграции (В нем были представлены все политические тенденции, за исключением крайне правых монархистов).

В 1931 году предпринимается последняя попытка объединить различные эсеровские фракции, но без успеха: с этого времени, как организованная партия, эсеры уже не существуют. Тогда же закрываются и их политические газеты: «Революционная Россия», «Дни» и даже «Воля России». Зато «Современные записки», вплоть до войны, продолжают свою объединяющую роль, но не политических, а культурных сил.

Некогда обладавшая большинством в Думах Конституционная демократическая партия была разгромлена на выборах в Учредительное собрание: было избрано всего лишь 17 депутатов кадетов против 370 эсеров! В эмиграции партия тоже подвергнется разделению и обмельчанию. Бывший ее лидер в Думе, Павел Милоков, сохранил свой авторитет над ней и в изгнании. Министр иностранных дел в первом Временном правительстве (до прихода Керенского), он тщетно пытался убедить великого князя Михаила Александровича не отказываться от переданного ему братом трона. Во время Гражданской войны он присоединился к белым, но в эмиграции, считая поражение бесповоротным, выработал «новую тактику», объявил себя «республиканцем» и создал новую партию, точнее, переименовал старую кадетскую в *Республиканско-демократическое объединение* (в сокращении *РДО*). С 1920 по 1940 год он возглавил в эмиграции ежедневную газету «Последние новости»: финансово обеспеченная, издаваемая опытными журналистами, его газета пользовалась в эмиграции наибольшим успехом (тираж ее достигал в лучшие времена 40 000), хотя, казалось бы, большинство эмиграции придерживалось скорее не республиканских, а умеренно монархических взглядов. Милоков оставался принципиально непримиримым к большевизму, видя в непримиримости «самое суть политической эмиграции, ее долг по отношению к поработенной родине». Но одновременно он считал всякую борьбу с советским режимом ненужной и приглашал эмигрантов, в ожидании неминуемо-

го в скором времени экономического Термидора, наводить мосты с Россией. Эта «платформа синтеза» ослабляла на деле принцип «непримиримости» к большевизму и наталкивала Милокова на непримиримое отношение к тем эмигрантам, кто не верил в эволюцию советского режима и желал продолжать борьбу. Часть правых или поправевших кадетов не соглашались с новой тактикой Милокова: так, сгруппировавшиеся вокруг берлинской газеты «Рул» И. Гессен, В. Набоков, Г. Ландау, А. Каминка и др. старались сочетать верность героическому Белому делу с либерализмом, одинаково открытым как к конституционной монархии, так и к республиканству. Монархисты же не могли простить Милокову его октябрьской речи 1916 года в Думе «Глупость или измена», давшей сигнал к перевороту, и считали, что он отныне изменяет делу белых. В 1922 году в Берлине покушение на Милокова стоило жизни его другу, В. Набокову, кинувшемуся его защитить от убийц.

Монархисты были еще более разделены, чем левые. Для одних восстановление династии Романовых и всего старого режима – вопрос не обсуждаемый, для других возврат к монархическому строю подчинен свободному волеизъявлению русского народа и предполагает отказ от бывших привилегий. Первые были не столь многочисленны, сколь активны и непримиримы: на монархическом съезде хозяйственного восстановления, созванном в Бад Рейхенгалле в 1921 году, был создан Высший монархический совет под руководством А.П. Крупенского, Н.Е. Маркова (Маркова II) и П.Д. Тальберга, его возглавил великий князь Кирилл Владимирович (двоюродный брат Николая II), который в феврале 1917 года брался с революционерами, а на монархическом съезде хозяйственного восстановления, созванном в августе 1924 года, самопровозгласил себя «Императором всероссийским», к чему отнеслись отрицательно вдовствующая императрица Мария Федоровна и великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич. Монархисты другого лагеря, среди которых было много либералов, стояли на «непредрешенческих» позициях, монархия для них прежде всего залог исторической преемственности. Они признавали своим вождем великого князя Николая Николаевича, бывшего главнокомандующего всей русской армии до 1915 года, затем смещен-

ного своим коронованным племянником и назначенного наместником на Кавказ, что позволило ему не разделить трагической участи почти всей царской семьи. Николай Николаевич готов принять волеизъявление русского народа, каким оно ни было, а до того времени держит себя несколько в стороне, не примыкая ни к одной группировке. Умеренные монархисты составляли в эмиграции подавляющее большинство (хотя с точностью, за неимением цифровых данных, утверждать это трудно), но они плохо организованы, распылены между разными географическими центрами (Берлин, Прага, Париж), и им не хватало конкретного, всеми признаваемого лидера. Великий князь ревниво оберегал свою надпартийность, генерал Врангель относился с большим недоверием ко всякой политике. В 1923 году вместе с Николаем Николаевичем он создал *Русский общевоинский союз* (в сокращении РОВС) с целью объединить всех участников Белого движения (эта организация, по непроверенным данным, насчитывала до 100 000 членов). Но Врангель особым постановлением запретил членам РОВСа всякое участие в политических партиях, что могло только снизить политическую активность в среде монархистов. Отчасти это привело к тому, что роль лидера «умеренных» монархистов досталась сначала не военному, а профессору и ученому, Петру Бернгардовичу Струве, всю свою жизнь разрывавшемуся между общественно-политической деятельностью и академически-исследовательским трудом. Националист в отрочестве, легальный марксист в молодости, один из создателей русской социал-демократической партии, враг народничества, но и всякого насильственного установления социализма, он едва ли не первый среди марксистской интеллигенции перешел к кантовскому идеализму, а в политике ратовал прежде всего за конституционный строй и за основные свободы, долженствующие обеспечить неприкосновенность личности. Он в 1902 году эмигрировал сначала в Штутгарт, затем в Париж, где издавал в течение трех лет оппозиционный журнал *«Освобождение»*. После революции 1905 года вернулся в Россию, был избран депутатом во вторую Думу и стал видным членом кадетской партии. Эволюция его взглядов продолжается: для него отныне главная опасность для России идет не от правительства, а от левых, которые своим «отщепенством»

подтачивают ценности культуры и нации. После Октябрьской революции он примкнул к Белому движению и в крымском правительстве Врангеля занял пост поверенного по внешним сношениям и добился признания врангелевского правительства Францией. В эмиграции он не терял своего боевого духа и в 1925 году отказался от кафедры социологии в Софийском университете, чтобы возглавить в Париже ежедневную газету *«Возрождение»*, умеренно правую, в противовес левым *«Последним новостям»*.

Противник двусмысленных предложений П. Милокова, а тем более открытых компромиссов с советской властью, П. Струве старался объединить все национальные силы эмиграции, с тем чтобы она могла говорить одним голосом и вести действенную борьбу с чужим и порочным режимом. В мирную эволюцию советской власти, будь то по экономическим причинам или под национальным давлением, он не верил. Коммунизм может быть сброшен только революционным путем, чему эмиграция способна содействовать и словом, и делом, не исключая и вооруженной борьбой. Но прежде всего было необходимо объединение.

Неудача объединительных усилий

Объединить эмиграцию пытались не раз. *Зарубежный съезд*, состоявшийся в Париже в отеле Мажестик с 4 по 11 апреля 1926 года, был в этом отношении попыткой самой значительной. Инициатива принадлежала, с одной стороны, крайне правым монархистам, которые тяготились своей изолированностью, с другой – активному участнику Февральской революции, либеральному предпринимателю Сергею Третьякову, в эмиграции председателю Торгово-промышленного союза, располагавшего немалыми средствами. Связь между этими двумя противоположными станами осуществлялась умеренными монархистами, членами Национального комитета во главе с А.В. Карташевым, а также П.Б. Струве и его сотрудниками по газете *«Возрождение»*, едва ли не созданной для этой цели. Приглашения участвовать в съезде были посланы шести левым организациям (или считающими себя таковыми), включая Милоковское РДО, но все от участия отказались. Тем не менее им было оставлено место на съезде на

тот случай, если они пересмотрят свое отношение. Их отсутствие обострило разногласия между «крайними» и «умеренными»: трения между ними обнаружались еще при подготовке того, что мыслилось чуть ли не как «Земский собор» эмиграции, предназначенный начать освобождение России.

Большие усилия были приложены к тому, чтобы съезд был действительно представительным: все 450 делегатов были избраны либо прямым голосованием, как в Югославии, где участвовало 16 000 избирателей (57 % всего местного эмигрантского населения), либо через разные организации. Еще до открытия съезда внутренние противостояния заставили С. Третьякова подать в отставку, на заседаниях же они проявились с особой остротой. Избранный председателем съезда Петр Струве, стараясь в формулировках смягчать разногласия, тщетно пытался избежать, чтобы правые не навязали съезду программу экономической и политической реставрации. Правые монархисты под предводительством Марка II вели себя агрессивно и хотели не голосованием, а простой овацией провозгласить великого князя Николая Николаевича «диктатором всея Руси» и подчинить ему перманентный орган правления, долженствующий быть избранным (судя по всему, имя великого князя было лишь предложением для захвата власти). Большинство в 15 голосов учреждение такого постоянного органа правления было отклонено: съезду оставалось лишь констатировать невозможность примирить позиции правых и центристов для выработки общей программы.

Неудача попытки придать эмиграции, хотя бы ее первой части, какое-то единое лицо имела ряд отрицательных последствий. Вражда только усилилась. Разделения распространились и на Церковь: раскол 1926 года между «евлогийцами» и «карловчанами» берет свое начало именно в этом политическом разъединении. Многие среди молодежи были возмущены неспособностью отцов объединиться, обескуражены и отошли от всякой политической деятельности.

Неудача съезда показала красноречиво, что эмиграция не может жить как подобие государства. Она обречена быть всего лишь конгломератом разрозненных и враждующих между собою сил.

Продолжение вооруженной борьбы

Мы видели, что главной заботой генерала Врангеля было сохранить цельность армии на случай, если возобновится при тех или иных обстоятельствах вооруженная борьба. В странах, их принявших (Болгария, Югославия), отряды Белой армии были, разумеется, разоружены, но им предписывалось оставаться на местах работы сплоченными и подчиняться правилам воинской дисциплины. Однако возможность Западной интервенции с каждым годом отдалялась, к тому же великий князь Николай Николаевич определенно высказывался против всякого участия эмигрантов в иностранной интервенции, случись таковая. Оставалось рассчитывать на собственные скудные силы для установления тайных контактов с противобольшевистскими движениями в самой России и готовить террористические акты наподобие тех, что в свое время расшатывали не без успеха царский режим.

Неудивительно, что первые попытки предприняли не традиционные военные начальники, в этом деле не искушенные, а левое крыло социалистов-революционеров, обладавшее богатым террористическим опытом. Правда, пыл у большинства деятельных эсеров сильно поостыл, но тем не менее один из самых решительных из них, Борис Савинков, счел возможным вернуться к конспиративной и террористической деятельности своей молодости. В 1904–1905 годах он был главным организатором удавшихся покушений на Плеве и на великого князя Сергея Николаевича; приговоренному к смертной казни, ему удалось бежать из тюрьмы в Румынию, на Западе он отошел временно от политики и занялся трудом, написал имевший успех автобиографический роман «Конь бледный». В годы Первой мировой войны воевал добровольцем в рядах французской армии, а в 1917 году вернулся в Россию, в качестве комиссара Временного правительства участвовал в подавлении выступления Л. Корнилова. После Октября стал одним из самых активных участников противобольшевистской борьбы, поднял антисоветские крестьянские восстания в Ярославле, Муроме и Рыбинске, жестоко подавленные латышскими стрелками; в 1919 году выехал за границу, во время польско-советской войны снаряжал отряды в Белоруссию; возглавил Народный союз защи-

ты Родины и свободы и с помощью польской разведки создал в России подпольную сеть. Испытанный, почти что легендарный конспиратор, он пользовался уважением Уинстона Черчилля и доверием маршала Пилсудского. Но понимали Савинков, когда возобновлял свою подпольную деятельность, что имеет дело с врагом куда более хитрым и беспощадным, чем царское правительство?

Для борьбы со столь опасным противником, располагающим и связями, и преданными сотрудниками, ГПУ выработало хитроумную тактику под названием «Синдикат-II» с целью заманить самого Савинкова в Россию. План заключался в том, чтобы убедить Савинкова, что в России существует подпольная антисоветская организация, близкая к его установкам, некие «либеральные демократы». Однако подчеркивалось: в отличие от «Союза», эта новая организация считает, что террористические акты преждевременны; тем не менее она хотела бы присоединиться к Савинкову, подчиниться ему, чтобы получить большее политическое влияние внутри страны.

Один из первых эмиссаров, посланных Савинковым, Леонид Шешен, был пойман при переходе границы и, ради сохранения жизни, согласился сотрудничать с чекистами. Через несколько месяцев в Россию был послан один из героев Гражданской войны, бесстрашный полковник Павловский: Савинков поручил ему проверить рассказы одного из представителей «либеральных демократов», прибывшего в Варшаву и убеждавшего Савинкова во все возрастающем значении организации (на самом деле это был агент ЧК). Павловский был арестован в Москве, подвержен пытке и сдался: собственноручно написал письмо о том, что ранен, но жив, укрывается где-то в подполье. Третий эмиссар, напротив, арестован не был: агенты ГПУ устроили ему поездку по России и встречи с мнимыми членами несуществующей организации. Инсценировка была прекрасной, или же посланник Савинкова был чрезвычайно наивен? Подозрений у него не возникло, и, благополучно вернувшись на Запад, он без труда убедил Савинкова, что ему необходимо самому ехать в Россию. Кое-кто пытался отговорить его от этой затеи: казалось маловероятным, чтобы мощная антибольшевистская организация могла не быть раскрытой ГПУ. Савинков отвечал: «Я должен ехать, даже если придется умереть в борьбе

с большевиками. Я покажу моим товарищам по партии, которые проповедовали террор во времена царизма, а теперь молчат, как нужно умирать за Россию».

Развязка была трагичная. Савинков пробрался в Россию в начале августа 1924 года вместе с приятелями, четой Деренталь (чья роль во всем этом деле по меньшей мере двусмысленна), все трое были арестованы тут же, в Минске, перевезены в Москву и судимы 27 августа. Савинков был приговорен к смертной казни, но помилован благодаря раскаянию и согласию написать письма своим зарубежным друзьям, в которых убеждал их прекратить всякие боевые действия и вернуться в СССР. Но через несколько месяцев, 7 мая 1925 года, Савинков, по официальной версии, покончил с собой на Лубянке, бросившись в проем лестницы... Было ли это от отчаяния, что он стал предателем, или оттого, что узнал о подозрительном освобождении госпожи Деренталь, с которой у него как будто была любовная связь? Или же просто его прикончили чекисты. Неудача Савинкова должна была бы насторожить тех военных, которые вслед за ним рвались в бой... Генерал Врангель со свойственной ему осторожностью и мудростью относился более чем скептически как к возможности, так и к действительности таких вылазок. Эмиссары, приехавшие из Советской России, не внушали ему доверия. Но его ближайший помощник, доблестный генерал Кутепов, придерживался обратного мнения. Военные его заслуги были необычайны: трижды раненый в Первую мировую войну, в феврале 1917-го он один из редких оказал успешное сопротивление повстанцам в Петербурге, потом проделал все большие походы Белой армии, Кубанское отступление (1918), прорыв на Москву (1918), защита Крыма (1920). Он горел желанием продолжать борьбу и, невзирая на советы своего начальника, создал «боевую организацию», состоявшую из 30 молодых добровольцев, готовых пожертвовать собой. Разведки соседних с СССР стран обещали ему финансовую и техническую помощь в надежде получить сведения о военных позициях Красной армии. Но прежде чем кутеповцы начали свои действия, ГПУ успело смастерить новую «контрорганизацию» под названием «Трест», наподобие «Синдиката-II», но еще тщательнее разработанную. Тактика оставалась та же: убедить через подсланных эмиссаров, что в России существует мощная

организация, на этот раз монархическая, преданная великому князю и располагающая своими людьми как в армии, так и в администрации. Так был придуман МОЦР (Монархическое объединение центральной России), во главе которого были «поставлены» бывшие генералы царской армии, такие широко известные, как военный историк А. Заянчковский или Николай Потапов (оба в свое время присоединились к большевикам, первый скорее за страх, чем по убеждению, второй более искренно, ибо с самого начала революции). В лице Александра Якушева (получившего кличку Федоров) ГПУ нашло идеального посредника: дворянин, лицеист, до революции крупный чиновник Министерства путей сообщения, затем участник антисоветского подполья, в 1921 году приговоренный к смерти, но помилованный в обмен на «услуги», семьянин, то есть, имевший заложников в России, он в течение пяти лет, благодаря уму и такту, с полным успехом исполнял порученное ему задание. Аргументация его была как две капли воды сходная с той, что развивал его предшественник, посланный к Савинкову: воздерживаться от террористических актов, чтобы не навредить организации в России; поскольку эмиграция плохо разбирается в русских делах, слушаться указаний МОЦРа, признать закономерность некоторых новых структур, как советы и т.п. Якушев неоднократно встречался с великим князем Николаем Николаевичем, с Кутеповым и с целым рядом политических деятелей эмиграции, завязал сношения даже с польской и финской контрразведками. Обыкновенно осторожный в конспиративных делах П.Б. Струве, и тот поверил в «Трест» и раздобыл через посредство чешского друга эмиграции Крамаржа весьма крупную сумму денег для передачи Якушеву. Чтобы завоевать доверие, Якушев сообщал подробные сведения о положении в России, которые лишь впоследствии были признаны либо ложными, либо не имеющими значения. В этой деятельности ему помогало до 50 чинов ГПУ... Как и в случае савинковской организации, ГПУ прибегало к поразительным инсценировкам. Так Василий Шульгин, тщетно искавший следы погибшего сына в Гражданской войне, получил возможность тайно проникнуть в Россию, чтобы убедиться в жизненности МОЦРа: он побывал в Петрограде, в Москве, в Киеве и был счастлив увидеть даже в крестьянских хатах портреты Нико-

лая Николаевича. Вернувшись, он написал восторженные впечатления от поездки и издал их отдельной книгой под высокопарным названием «Три столицы»... Шульгин был не единственным, кого ГПУ удалось провести за нос. После него были удостоены таких же блестяще устроенных поездок евразиец Петр Савицкий и родной племянник генерала Врангеля Петр Арапов: оба были счастливы найти в России себе единомышленников.

Главная задача «Треста» заключалась в том, чтобы предотвращать террористические планы эмигрантов или, по крайней мере, их обезвреживать. Бывшему участнику Белого движения и савинского Народного союза, арестованному ВЧК в 1921 году и ставшему секретным сотрудником ГПУ, Эдуарду Оттовичу Опшерпуг-Стауницу было поручено следить за действиями эмигрантской сторонницы террористических актов, племянницы генерала Кутепова бесстрашной Марии Захарченко-Шульц (урожд. Лысовой, 1894–1927). Бурная жизнь и трагическая судьба этой женщины-кавалеристки заслуживали быть запечатленными романистом или киносценаристом. Родом из провинциального дворянства, воспитанница Смольного института, потерявшая мужа в 19 лет при первых боях 1914 года, она поступила добровольцем в гусарский полк, в Гражданскую войну организовала отряды партизан для борьбы с большевиками, лишилась второго мужа во время Крымской кампании. В эмиграции со своим третьим мужем, капитаном Георгием Радковичем, она горит желанием возобновить борьбу, пусть и неравную, пусть и ценою жизни. В сентябре 1923-го они втроем, в сопровождении эмиссара от генерала Врангеля, переходят русско-эстонскую границу, пробираются через болота, где застрявший их товарищ убит пограничниками. В Москве их принимает Опшерпуг, устраивает им бумаги и поручает работать в качестве агентов связи между членами мнимого МОЦРа, русскими эмигрантами и западными спецслужбами... Не один раз Мария Захарченко возвращалась благополучно на Запад, переходя границу через тайные «окна», приспособленные ГПУ. Вместе с Якушевым она советовалась с великим князем и с Кутеповым, очевидно, не подозревая, что эти повторные поездки и переговоры имеют целью как можно дольше задержать предполагаемые теракты...

В 1925 году ГПУ удалось заманить в Россию видного агента английской разведки Сидне Рейли, который еще в 1918 году был приговорен заочно к смертной казни. После нескольких дней якобы переговоров с мнимыми членами МОЦРа Рейли в Москве арестовали и расстреляли. Чтобы замаскировать его расстрел, ГПУ прибегло к еще одной инсценировке: на финской границе в том месте, где ожидался возврат Рейли, оно учинило перестрелку, в которой последний якобы был случайно убит.

Однако длить бесконечно фикцию о существовании в России крупной антибольшевистской организации, ничем себя не проявлявшей, было нелегко, не вызывая подозрений. Тогда ГПУ как будто пошло на рискованный шаг: в 1927 году Опперпут признался Марии Захарченко в обмане, бежал с ней в Финляндию, где в газетах рассказал «всю правду», калялся и обещал загладить свою вину участием в усиленной подпольной вооруженной борьбе.

Саморазоблачения Опперпута укрепили Врангеля в его убеждении, что Кутепов, не рассчитав своих сил, попал целиком на удочку советской агентуры, и просил его отойти от дел. Но Кутепов остался глух к призыву своего начальника, наоборот, решил новыми террористическими действиями покрыть провал мнимого «Треста». Он поручил Опперпуту возглавить Союз национальных террористов. Опперпут представил ему несколько фантазмагорический план действий, включая распространение по России бактерий заразных болезней.

Роль Опперпута до сих пор остается загадочной и вряд ли когда-нибудь будет выяснена. Было ли его раскаяние искренним или заказанным ГПУ? Пытался ли он обыграть своих бывших врагов? Не действовал ли он под влиянием М. Захарченко, с которой как будто состоял в интимных отношениях? Как бы то ни было, но в июне 1927 года, почти сразу после разрыва дипломатических отношений между Кремлем и Англией, произошел, отчасти преднамеренно, отчасти случайно, ряд синхронных покушений. 7 июля в Варшаве был застрелен посол СССР Петр Лазаревич Войков и в тот же день в Белоруссии убит видный чекист И. Опанский. В Россию были посланы две группы из трех человек: одна, возглавляемая Опперпуттом, в Москву, другая, под руководством Ларионова, в Ленинград. Московская должна была пе-

рейти к действию первой. Но она медлила, и ларионовская группа не стала дожидаться: 6 июня ручными гранатами закидала собрание Центрального партклуба на Мойке, ранив 26 человек. Благодаря создавшейся суматохе всей ларионовской группе удалось перейти финскую границу и спастись. В Москве, по официальным данным, поджог общежития работников ОГПУ на Малой Лубянке был вовремя обезврежен. Террористы бежали, но были настигнуты в Смоленской области и пристрелены (или застрелились). Относительно судьбы Опперпута сразу же возникло сомнение, погиб ли он. По некоторым сведениям, он продолжал работать в ОГПУ, участвовал в провокации против троцкистско-зиновьевской оппозиции, был еще агентом МВД в Киеве во время немецкой оккупации...

Несмотря на гибель московской группы, на желание Врангеля, чтобы Кутепов свою «работу» прекратил, Кутепов не дрогнул. В августе 1927 года три новые группы были посланы в Россию: две из Финляндии, третья из Латвии, всего восемь человек. И на этот раз они были вскоре раскрыты, двое боевиков погибли в перестрелке, пятерым был устроен публичный процесс, закончившийся для четырех смертным приговором. Даже этот печальный исход не обескуражил сторонников Кутепова: муж Марии Захарченко, желая отомстить большевикам за гибель жены, перешел границу и метнул бомбу в одно из зданий ОГПУ. Он и его товарищи были задержаны милицией, и Радкович застрелился. Еще один доброволец был послан с заданием убить Бухарина, но поняв, что убийство важного советского деятеля малорезультативно без серьезной предварительной подготовки, благополучно вернулся в Финляндию. Это была, пожалуй, последняя вылазка, организованная Кутеповым.

Со своей стороны, ГПУ не переставало с успехом проникать в эмигрантские политические и военные круги. Однако новая попытка убедить на этот раз не только Кутепова, но и С. Мельгунова в существовании оппозиционной организации уже успеха не имела. Смерть генерала Врангеля в 1928 году, а через несколько месяцев и великого князя Николая Николаевича развязывала руки Кутепову, ставшему единственным бесспорным лидером боевой фракции в эмиграции. Тогда же РОВС получил немалую сумму денег из

фонда правительства Колчака, депонированного в Японии, что позволяло мечтать об усилении боевых действий. В середине января 1930 года де Роберти, в прошлом начальник генштаба Кутепова, ныне приехавший из СССР в качестве тайного эмиссара ОГПУ, очевидно, проникся чувством раскаяния и под большим секретом объявил Кутепову, что никакой контрреволюционной организации в СССР не существует, а что против него, Кутепова, готовится покушение.

Кутепов же не обратил на предостережение своего бывшего подчиненного должного внимания. Накануне рокового дня он провел непринужденный семейный вечер с двумя своими сотрудниками. Домой его отвез шофер, который по мере надобности служил ему и личной охраной. Кутепов его отпустил, сказав ему, что на следующий день он свободен. В воскресенье 26 января в 10:30 утра Кутепов вышел из своей квартиры один по обычному для него направлению в церковь Галлиполийцев, находящуюся в четверти часа пешего хода. Судя по всему, ему была назначена по дороге «конфиденциальная» встреча, о которой он никому не сказал. На месте свидания никого не было, но вскоре двое штатских, объявивших себя членами префектуры, предложили ему сесть в их машину. Присутствие поблизости полицейского в форме должно было внушить доверие Кутепову насчет двух незнакомцев. (Последующее расследование показало, что это был переодетый сотрудник, предусмотрительно поставленный ОГПУ.) Кутепов бесследно исчез. Более чем через полувека кое-какие сведения о его судьбе стали известны. Из допроса его похитителей, арестованных в 1937 году, мы узнаем, что Кутепов, захлороформированный, был немедленно отвезен в Марсель и под видом пьяного матроса погружен на советское судно, отправляющееся в Новороссийск. Если верить этим показаниям, до Новороссийска Кутепов не доехал и умер на корабле от разрыва сердца (но имеются и другие, мало достоверные версии, согласно которым Кутепов, оказав сопротивление, был ликвидирован еще в Париже).

Похищение Кутепова наделало во Франции много шума. Требования некоторых депутатов, чтобы Франция порвала дипломатические сношения с СССР, не были услышаны. Полиция без труда установила виновность советских агентов, но дело возбуждено не было.

Исчезновение председателя РОВСа было тяжелым ударом для боевых кругов эмиграции, но и убедило их в значении борьбы. Не стали бы советские власти похищать генерала, рискуя международным скандалом, если бы он не представлял для них объективной опасности. Преемником во главе РОВСа был назначен всеми уважаемый генерал Евгений Карлович Миллер. Между 1898 и 1907 годами он служил военным атташе в разных западных странах, был произведен в генералы в 1909 году, проделал всю войну 1914 года, проявив недюжинные стратегические способности. Во время Гражданской войны состоял сначала генерал-губернатором, а потом военным министром правительств северной области. От Кутепова он отличался более уравновешенным, осторожным, мягким характером. Последователи Кутепова решили восполнить то, что им казалось серьезным недостатком в генерале Миллере, создав внутри РОВСа так называемую «внутреннюю линию», которой были поручены разведка и подготовка боевых действий. Неудивительно, что усилия ОГПУ были направлены на разложение именно этой внутренней линии путем инфильтрации и разжигания личных разногласий и трений.

На основании ныне опубликованных документов мы знаем до мельчайших подробностей, как ОГПУ удалось завербовать в свои ряды в сентябре 1930 года генерала Скоблина. Блестящий офицер легендарного корниловского полка, Скоблин казался вне подозрений. Роковую роль в его жизни сыграла широко известная еще до революции эстрадная певица Надежда Плевицкая. Ее поведение во время Гражданской войны было двусмысленным: сначала она находилась в лагере красных, потом переметнулась к белым и покорила сердце (вполне ли невинно?) молодого полковника Николая Скоблина, последовала за ним в эмиграцию, где ее слава народной певицы еще возросла. Но зарабатывать большие деньги, к которым она привыкла, в эмиграции было нелегко. Продолжая жить на широкую ногу, Скоблины нуждались. ОГПУ подослал к ним бывшего боевого товарища, который без большого труда убедил своего друга, пообещав полную амнистию за белогвардейское прошлое и немалые деньги, работать отныне на Красную армию, защитницу вечной России. Поначалу Скоблин «работал» осторожно,

не нанося слишком большого вреда своим друзьям, но уже 21 января 1931 года подписал обязательство «выполнять все распоряжения связанных с ним представителей разведки Красной армии безотносительно территории». В случае невыполнения данного обязательства он признавал себя «подлежащим военным законам СССР».

В течение семи лет Скоблин, прекрасно владеющий собой, с успехом вел двойную игру. Он добился своего назначения во главе «внутренней линии», той самой, которой были поручены боевые действия, умело разжигал трения между генералом Шатиловым и генералом Миллером, а также между старыми членами РОВСа и молодым поколением, недовольным пассивностью стариков и создавшим свой параллельный Национальный трудовой союз. Как в дальнейшем определила расследовательная комиссия РОВСа, «в воинскую среду вносились чуждые ей начала, интриги, слезки и разложение. Вокруг генерала Миллера искусственно создавалась атмосфера пустоты и общего недоброжелательства, невольно толкнувшая его ближе к Скоблину, искавшему войти в его доверие». У некоторых эти интриги, да и заметные признаки роскошной жизни Скоблина, вызывали подозрения, но за неимением улик и доказательств они быстро подавлялись мыслью, что слухи о его сотрудничестве с органами распространялись самим ОГПУ. В субботу 18-го и 19 ноября 1937 года по случаю 20-летней годовщины образования корниловского полка РОВС устроил торжественное празднество. На фотографиях, помещенных в тогдашней эмигрантской прессе, во время речей по левую руку генерала Миллера виден Скоблин, а на паперти кафедрального собора на улице Дарю после молебна Скоблин стоит между двумя знаменами. Двумя днями позже, 22 ноября, генерал Миллер вышел в 9 часов утра из своей квартиры, чтобы больше уже в нее не вернуться. Сначала он зашел в штаб-квартиру РОВСа, где оставил своему сотруднику, генералу Кусонскому, письмо в запечатанном конверте, как делал это обыкновенно, когда шел на тайные свидания. В нем он писал, что в сопровождении генерала Скоблина идет на свидание с двумя немецкими эмиссарами, быть может, добавлял он, «это ловушка, поэтому оставляю это письмо на всякий случай». Вечером встревоженная его невозвращением семья обратилась в РОВС:

письмо было вскрыто только в 11 часов ночи, тут же поехали к Скоблину за разъяснениями. Но, воспользовавшись минутой невнимания к нему пришедших, Скоблин от них ловко улизнул... Он был переправлен в Испанию, где находился в полном бездействии и тревоге за жену, подведенную его бегством, о чем он писал в НКВД (но после ноября месяца след его теряется: вероятно, он, как уже ненужный агент, был ликвидирован). Плевицкая, как соучастница, была на следующий день после похищения арестована.

Анкета французской полиции, более тщательно проведенная, чем в деле Кутепова, выяснила, что Миллер был увезен в Гавр, погружен на судно «Мария Ульянова», которое немедленно отчалило, не испросив даже разрешения портовых властей. Однако корабль не попытались задержать и уж тем более никакой дипломатической акции не было предпринято. Французское правительство отыгралось только на аресте, а затем и осуждении Плевицкой: она была приговорена к 20 годам каторги и умерла в тюрьме города Ренн в июле 1940 года. Семья же Миллера (жена, трое детей) так никогда ничего до своей смерти не узнали о судьбе мужа и отца. И только через полвека были обнародованы следственные документы, которые позволили восстановить его трагический конец. Как писал он из тюрьмы наркомму Ежову, «предательски завлеченный в чужую квартиру, я был схвачен злоумышленниками в предместье Парижа; будучи тотчас связан — рот, глаза, руки и ноги — и захлороформирован, я в бессознательном сознании был отвезен на советский пароход, где очнулся лишь 44 часа спустя — на полпути между Францией и Ленинградом...» Из Лубянки, куда он был привезен, Миллер неоднократно писал тюремщикам с просьбой оповестить семью о его судьбе, просил митрополита Московского Сергия прислать ему для чтения книги религиозного содержания, еще наивнее просил Ежова дать ему возможность инкогнито побывать на православной службе, но, разумеется, письма на волю не передавались, а просьбы оставались не рассмотренными. Миллер, под фамилией-кличкой Иванов, пробыл в заключении целых полтора года: 11 марта 1939 года он был Военной коллегией Верховного суда приговорен к расстрелу, который был в тот же день при-

веден в исполнение в самой тюрьме, а тело тут же сожжено в крематорном отделении.

Показания, данные Е.К. Миллером, и пространные записки, им составленные в тюрьме, по тону и по манере изложения совершенно искренне подтверждают, что он с самого начала, следуя в этом завету генерала Врангеля, относился «определенно отрицательно» к вооруженным выступлениям авантюристического характера. На разные предложения из Румынии, с Дальнего Востока, из Белграда, Берлина помочь разжигать возможное повстанческое движение в России он отвечал отказом. Более того, отрицательно он отнесся и к деятельности Национального трудового союза нового поколения, который возник в 1930 году в Белграде в составе РОВСа, чтобы противопоставить традиционным воззрениям старших более современную политическую идеологию и оживить борьбу с большевизмом... К середине 30-х годов, как пишет Миллер, «отношения между НТСНП и РОВС обострились, и кончилось тем, что мне пришлось воспретить членам РОВСа входить в этот Союз... Новый Белградский Центр — председатель Байдалаков — стал работать под сильным влиянием г. Георгиевского... Причиной порчи взаимоотношений было стремление говорунов из НТСНП хаять РОВС за то, что мы “ничего не делаем”, а потому — идите в наш Союз, где работа кипит, т.е. переманивали чинов РОВСа к себе...» Парижский же центр «Нового поколения» Миллер хвалил за его просветительно-политическую работу...

Помимо Скоблина и почти в те же годы ОГПУ удалось завербовать еще и крупнейшего до революции финансиста и предпринимателя, члена Временного правительства Сергея Николаевича Третьякова (внука создателя Третьяковской галереи), нам уже знакомого по Зарубежному съезду. В начале 20-х годов Третьяков субсидировал разные начинания, в том числе и террористические действия Савинкова... Однако семейные нелады — он жил врозь от жены и детей, злоупотребление алкоголем, нужда в деньгах, разочарование в эмиграции привели и его к сотрудничеству с советской разведкой. Первые его отчеты были скорее информационного, чем осведомительного характера. Но в 1934 году советским органам пришла блестящая мысль: убедить Третьякова устроиться на квартиру, расположенную над штабом РОВСа (весь особняк

на улице Колизея принадлежал Третьякову), и наspiговать ее микрофонами, позволяющими слушать и записывать все разговоры сотрудников РОВСа. Таким образом, все их намерения, все их планы стали доступны советской разведке и, в частности, позволили им уничтожить целый ряд вылазок, проделанных из Румынии. Предательские действия Третьякова были раскрыты лишь в 1942 году на основании архива НКВД, захваченного немцами в Смоленске. Третьяков был арестован, увезен в Германию, судим и расстрелян.

Если с западной стороны боевые действия были нейтрализованы умелой и успешной деятельностью советской разведки, то на Дальнем Востоке они столкнулись с не меньшими трудностями, хотя и другого порядка. Маньчжурия имела общую границу с Сибирью, экстра-территориальную Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), в 1924 году уступленную советским властям, в ней сосредоточилась стотысячная масса эмигрантов с не вполне расформированными отрядами Белой армии и потому казалась идеальной базой для партизанских вылазок на русскую территорию. Но организованные в частном порядке, за свой страх и риск, эти вылазки кончались обыкновенно провалами. Многие надеялись воспользоваться обострениями советско-китайских отношений во второй половине 20-х годов и опереться на китайские военные силы. Дальневосточный отдел РОВСа рвался в бой. Но его пыл умерял генерал Кутепов. В письме к генералу А.С. Лукомскому он считал, что «русским нужно воздерживаться от участия в войне между Китаем и СССР», чтобы «не бить по национальным интересам России», разве что на этот счет будут получены соответствующие «гарантии» от китайского правительства... Но Китай намеревался разрешить конфликт на КВЖД именно в свою пользу, без помощи эмигрантов. А японская оккупация Маньчжурии в 1931 году положила конец всем эмигрантским мечтаниям.

(Продолжение следует)

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Российский Зарубежный съезд 1926 г.: Документы и материалы / Предисл. А. Солженицына. М.: Русский путь, 2006. — 848 с.

Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М.: Владос, 1999. — 775 с.

ХРОНИКА

Паломничество в Равенсбрюк

С 1 ноября по 4 ноября группа РСХД (Русского студенческого христианского движения), священников и прихожан из разных православных французских приходов (помимо парижских, из Бордо, Виши и Рэна) совершила паломничество в Равенсбрюк, место одного из немецких концлагерей. В этом лагере с 1938 по 1945 год было заключено свыше 132 тысяч женщин, из которых свыше 100 тысяч погибли, включая мать Марию (Скобцову), удушенную в газовой камере 30 апреля 1945 года, в Страстную Пятницу, за три дня до освобождения французских заключенных швейцарским Красным Крестом и до прихода Советской армии.

2 ноября, вокруг которого сосредоточились основные события паломничества, началось с литургии, в заключение которой владыка архиепископ Гавриил напомнил, что окончание литургии лишь вводит нас в ту ее часть, что совершается в миру сообразно призванию и одаренности каждого. Именно этому учат нас новомученики, в частности, пример матери Марии.

Дальнейший путь был последовательным раскрытием и углублением этих слов.

Осмотр места бывшего концлагеря оказался тяжелым испытанием для всех. В лагере мало что сохранилось, но о прошлом вопиет само пространство, некогда заполненное бараками, ныне оставленное открытым под тяжелым серым небом, едва отличимым от земли, засыпанной грубыми камнями. По этому покрытию ходили заключенные в деревянных ботах, сбивая ноги; стояли во время многочасовых

перекличек под непрекращающимся дождем и снегом (погода в этом месте северной Германии, кажется, не знает просветов: зимой и осенью — снег и дождь; летом — полчища гнуса). Среди редких оставшихся строений того времени видны остатки оградной стены, камерная тюрьма и крематорий — крестный путь мучениц, по которому мы следовали.

Стена давала ощущение безнадежности и бесполезности сопротивления. На ее фоне еще более чудовищно возвышалась камерная тюрьма (целленбау) — тюрьма в лагере-тюрьме, место пыток и наказаний, которые заключенные отбывали в случае проявленного протеста или непослушания. Существовало изобилие неформальных предписаний, нарушение которых могло привести к самым тяжелым испытаниям, выражавшимся в форме ареста (на воду и на хлеб, в темной камере, на деревянные нары или без возможности сидения и лежания) и в прямых телесных наказаниях, орудия пыток которых сохранены в одной из камер. В первые годы существования концлагеря смертные приговоры были не столь явны, и направление в камерную тюрьму нередко означало исполнение такого скрытого приговора.

Подпись?

В этом новом круге ада по призыву владыки архиепископа Гавриила все присутствующие спели «Христос воскрес из мертвых». Слова пасхального тропаря поразительно звучали в этих стенах, свидетелях страданий тысяч заключенных. После пасхальной молитвы даже посещение крематория, оставленного во всей своей ужасающей наготе, с тремя печами посередине и реквизитом для уничтожения останков человека, обретало иной смысл.

Этот смысл прояснился окончательно во второй половине дня: ужас пережитого сменяло медленное, но набирающее силу просветление. При участии официальных представителей мемориального комплекса Равенсбрюк была установлена мемориальная доска, выполненная парижским священником Владиславом Трёмбовельским. На бронзовой доске на русском, французском и немецком языках написано: «Мать Мария Скобцова (1891–1945) пережила здесь мученическую смерть. Канонизирована Православной Церковью». В центре изображено Распятие, выполненное в раннехристиан-

Подпись?

ском стиле, в своей устремленности напоминающее и о «радости креста», по выражению отца Сергия Булгакова.

Эта весть о воскресении получила словесное выражение в совместном пении канона новомученикам, составленного Даниилом Лосским (правнуком богослова Владимира Лосского) перед самым отъездом. Совместными усилиями паломников по пути в Равенсбрюк текст принял окончательную форму (печатали по очереди на кстати оказавшихся с собой ноутбуках) и был распечатан и размножен перед открытием мемориальной доски. Так паломники, и среди них в первую очередь молодые движенцы, приняли творческое участие в почитании наших поместных святых.

Общую панихиду отслужили вблизи озера, в двух шагах от места расстрела и крематория. В это озеро ссыпался пепел сожженных. Незабываемо каждое владыки Гавриила над озером, этой гробницей умученных, «смерть которых принесла много плода». Сама природа, казалось, влилась в церковное действо: дождь перестал, и тучи расступились, озеро же высвечивалось светлым пятном и усиливало ощущение всепобеждающего света. Впечатление усиливалось от отражающейся в воде церквушки города Фюрстенберг, расположенной на противоположном берегу. Свидетельница выстрелов, которые доносились с этого конца озера, но и утешительница заключенных, которые могли различать звон ее колоколов, она словно поднималась из воды подобно невидимому граду-Китежу в ожидании преображения. Так рождалось и укрупнялось чувство преображенной реальности, которым мать Мария делилась с окружающими в разные минуты своей жизни. Здесь, в Равенсбрюке, глядя на дым, извергаемый из труб крематория, она говорила соузникам: «Только здесь, над самой трубой, клубы дыма мрачны, а поднявшись ввысь, они превращаются в легкое облако, чтобы затем развеяться в беспредельном пространстве. Так и души наши, оторвавшись от грешной земли, в легком неземном полете уходят в вечность для этой радостной жизни»^{*}.

^{*} *Мать Мария*. Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Париж, 1947. С. 7.

За панихидой последовало собрание, посвященное векам земной жизни матери Марии. Точкой отсчета для разговора послужили два сообщения. В первом «Судьба Матери Марии» была представлена по ее стихам, следуя совету близкой сотрудницы матери Марии, матери Елизаветы (Медведевой): «Если хотите понять мать Марию, читайте ее стихи. В них она вся». Прочтенные совместно поэмы рождали ощущение соприсутствия матери Марии, ее реального голоса, произносящего пророческие слова о ее призвании и гибели. С 1912 года Елизавета Пиленко, поэт-символист эпохи серебряного века, различает «незримый зов», «взывает к чуду», обращая этот дар к людям, «принимая всякий груз», «чтоб гибнущей душе помочь». Это различие собственной миссии сопровождается четким осознанием своей гибели: «Вы слышите, друзья мои и братья, / Моя душа, моя стогорит» (из цикла «Вестники», кн. «Руфь»).

Далее Елена Клепинина-Аржаковская рассказала о последних этапах крестного пути матери Марии по концлагерю

Архиепископ Гавриил и Николай Шатен

ям и его завершении в Равенсбрюк. Поразительны свидетельства союзниц, донесших до нас из этих условий предельного унижения человека образ матери, которая «никогда не жаловалась, был веселой, действительно веселой», «была человеком, который не делал различия между людьми» (Соланж Пейришон), «где могла и как могла поддерживала еще не совсем потухший огонь человечности, как бы он не выражался» (С.В. Носович). «Она заменяла нам семью. Мать Марию обожали все», — вспоминает Розан Ласкру.

Совершенно неожиданным было появление госпожи Дюкюре, союзницы матери Марии по Равенсбрюку, которая помнила ее все годы после освобождения и, узнав о паломничестве, приехала в Равенсбрюк и присоединилась к нашей группе в сопровождении дочери. По ее рассказу, во время многочасовых переключек она пыталась стоять рядом с матерью Марией: «С ней всегда было интересно. Меня поразила ее интеллектуальный и рукодельный дар».

В этих скупых и точных словах о матери Марии предельно ясно выражено ее отношение к человеку, обоснованное в ее богословском творчестве («О мистике человекообщения», «О второй евангельской заповеди») и реализованное в разных условиях — Гражданской войны, эмигрантского эфемерного существования или быта концлагеря. Известно, что за каждое произнесенное слово заключенные рисковали минимум плетью, — не говоря о вышивании, которое мать Мария продолжала в часы переключек, скрывая его под одеждой. Однако одна из этих вышивок, «Высадка войск в Нормандии», сохранилась благодаря Розан Ласкру. Свидетельство неугасимой силы духа и красоты, рожденное в обезображенном мире, эта вышивка сопровождала паломников как святыня, как весть о надежде, рожденная в условиях сопротивления.

Вечер закончился просмотром фильмов «Ночи и туманы» (*Nuits et Brouillards*) Алена Рене (Alain Resnais) о немецких концлагерях и двух фильмов о матери Марии. Оба фильма о матери Марии интересны своим документальным характером. Первый составлен при участии о. Сергия Гаккеля в 70-е годы, во время работы над книгой о матери Марии, в сотрудничестве с сопровождающей его в парижской поездке немецкой

телекомпанией VDR. Отцу Сергию удалось заснять до разрушения Лурмельскую церковь, в которой видны иконы матери Марии, побеседовать со многими свидетелями (мать Евдокия Мещерякова, София Зернова, Даниил Скобцов...). Второй фильм – запись о Николае Озолиным вечера памяти матери Марии в Париже в 1985 году – воспроизводит прозвучавшие на нем свидетельства Елизабет Бер-Сижель, познакомившейся с матерью Марией в Страсбурге, а также двух ее соузниц – Розан Ласкру, спасшей вышивку «Высадка войск в Нормандии», и Женевьев де Голль, племянницы известного генерала, рассказавшей, как мать Мария поддерживала соузниц не поддаваясь бездне отчаяния и украшала бараки на Пасху. Любимые матерью Марией слова Достоевского о красоте, спасающей мир, обретают здесь экзистенциальное измерение.

Так дар «все собой преобразать», о котором мать Мария не только писала, но и посильно осуществляла в своей жизни, передавался всем присутствующим и в итоге определил основную тональность паломничества.

В час отъезда отец Андрей Фортунато, священник прихода в Виши (Центральный Массив), заключил: «Мы прикоснулись здесь к вратам ада, – но стали и свидетелями его разрушения». Всеторжествующее «Христос воскрес!» увозили мы с собой – прочувствованное и понятое через конкретную судьбу нашей современницы, святой нашего времени.

Благодаря мудрому и живому руководству владыки Гавриила паломничество прошло на редкой духовной высоте. Рождалось и укреплялось осознание того, что мы становимся участниками большого и важного дела, продолжателями «евлогийской» линии русской эмиграции, просиявшей в жертвенном подвиге таких ее представителей, как мать Мария, отец Димитрий Клепинин, отец Алексей Медведков, Илья Фондаминский и Юра Скобцов.

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

О паломничестве в Равенсбрюк

Беседа с отцом Владиславом
и Юлией Трёмбовельскими

Отец Владислав: Паломничество навело меня на мысли о некоторых параллелях между Евангелием, иконой и паломничеством. Подобно Евангелию, икона обращается к человеку с определенным посланием, для чтения которого необходимы некоторые определенные, пусть и самые минимальные, познания. Наше паломничество – это тоже своего рода послание, которое к нам приходит через жизнь матери Марии. Однако в данном случае для его понимания не нужно иметь какую-то особую подготовку – понимаешь просто и прямо, стоит только поехать: то дело, которое мать Мария начала, продолжается, и все мельчает через это свидетельство. Это совершенно меняет взгляд на нашу повседневную жизнь.

Юлия: Тут понимаешь, что они преодолевали и для чего. Это опыт Преображения, того чуда на горе Фаворской, которое происходит каждый раз, когда ты соприкасаешься со святостью. И это кажется очень простым и естественным – подобно тому, когда ты читаешь Евангелие. Святость матери Марии в полноте оценивается именно здесь, видя конец ее земного пути. Понимаешь, что она следовала тому, к чему стремилась, как мы видели из чтения ее стихов. Удивительно при этом то, как она умудрялась передавать другим благовестие, как умела создавать сопричастие другой реальности – самым простым и неожиданным способом: украсить окошки барака вырезанными бумажечками на Пасху. Люди это запомнили, вынесли из концлагеря не только ужасы пережитого, но и эти маленькие мгновенья радости, как мы снова сегодня услышали из нового неожиданного свидетельства соузницы матери Марии.

Татьяна Викторова: Замечательно, что Женевьев де Голль в просмотренном документальном фильме начинает с этого свое свидетельство о матери Марии. Первое слово, которое она произнесла, говоря о концлагере, – красота.

Отец Владислав: В этой ужасной ситуации, когда люди были лишены всего, когда, казалось бы, человек перестает быть личностью, мать Мария вдруг смогла вычленив нечто, что даёт людям радость, минуты счастья. После этого паломничества известное выражение, что Церковь строится на крови мучеников, обретает очень реальный смысл. Такие свидетельства, когда человек отдаёт себя полностью, до последнего — ничего не оставляет для себя, ничего не желает для себя лично, — это свидетельство воли Божьей. В матери Марии была эта сила и способность понести Крест Христов. Я думаю, что мы ещё не поняли, насколько удивительна эта святая, жившая среди нас, действительно наша современница, — ведь мы ещё знаем людей, которые знали её лично.

Мне иногда приходит параллель с Елизаветой Федоровной, служение которой тоже вызывало множество препятствий и сопротивлений. Ей очень трудно пришлось, прежде чем она получила разрешение и смогла действовать. Но с тех пор мы знаем, что Марфо-Мариинская обитель восстановлена. Так и пример матери Марии должен быть изучен более глубоко, он может и должен иметь продолжение. В монашестве этого типа есть пророческий момент: служение в миру не закончилось с матерью Марией, через неё оно должно начаться. Это монашество открывает новый путь, в котором отдаётся и служение Богу реализуется в полноте через отдаётся и служение человеку. Иначе говоря, в этом понимании монашество — молитва о мире, но оно должно молиться и служить в мире, ничего не оставляя для себя. Это особый путь, но это и не «узкий» путь: он был реализован Елизаветой Федоровной и матерью Марией, он остаётся открытым для других.

Татьяна Викторова: Путь для нашего времени?

Отец Владислав: Безусловно. Мир нуждается в таких людях во все времена, — но сейчас особенно. Мать Мария даёт очень живой пример церковности, человека, который остаётся в послушании Церкви, но вместе с тем проявляет инициативу и свободу как дар.

Юлия: Господь человеку даёт свободу. Это первое. Часто об этом мы забываем, поскольку боимся этой свободы: не все за тебя решили или не потому, что «так надо». Господь каждому

дал свободу, каждый может принять решение. В этом опыт матери Марии — опыт церковного человека, который эту свободу принимает как «страшный дар», с полным осознанием её творческих возможностей, — но и несомной ответственности. У меня возникают параллели с отцом Александром Менем, которого тоже много в чём упрекали. Человек, живущий перед Богом, не может совершить ничего плохого, ибо во всем, что он делает и говорит, присутствует эта наполненность присутствием Божиим.

Отец Владислав: Гарантия, что ты на правильном пути, — остаться в послушании Церкви. Поскольку, с одной стороны, у человека есть определенные идеи, но история показывает, что часто такие люди отходят от Церкви и в какой-то момент человек может делать вещи, несоответствующие духу Евангелия. Свобода — это свобода быть чадом Божиим, а быть чадом Божиим невозможно, не будучи человеком церковным.

То, что это не приняло массовый характер, также понятно. На этом пути требуется полная отдаётся человека, такое движение не может быть массовым, — но оно и не единичное. Это именно *новая* форма монашества, которая берет, на мой взгляд, начало от Елизаветы Федоровны, и важно, что мать Мария на этот опыт ссылалась. Однако и Елизавета Федоровна, и мать Мария приняли мученический венец.

Юлия: Как мать Мария, Елизавета Федоровна до последних минут помогала людям, когда, казалось бы, уже ничем не могла помочь. В шахте обнаружили раненого члена царской семьи, которого она перевязала своей вуалью: даже когда не было уже никакой надежды на спасение, все было отдано ближнему, до полного забвения себя. Это заставляет пересмотреть собственное отношение к людям. В человеке много эгоистичного. Елизавета Федоровна в шахте, мать Мария в последние месяцы в концлагере переживали те же физические страдания, что и другие, но умели даже в самые последние минуты умудриться не заметить своего страдания — точнее, заметить страдания других. Их сила — в этой отдаётся до конца: другой важнее, чем я, его страдания сильнее, чем мои. Это страдание ими преображено. Это и даёт ощущение Преображения, когда мы пытаемся понять, соизмеряться с их опытом.

Собственное страдание растворяется, исчезает, кажется ничтожным по сравнению с тем, что прошли такие люди, как Елизавета Федоровна и мать Мария, — а сколько таких!

Татьяна Викторова: Благодаря неожиданному появлению мадам Дюкюре, мы получили новое свидетельство такого преображения: она-то была в этом аду — и вернулась.

Отец Владислав: Поразительно, что среди многих соизниц — их были тысячи на переключках — она помнит мать Марию. Какая должна была быть у нее натура, чтоб через 60 лет люди помнили, что это была она.

Владимир Викторов: Она все выразила в нескольких словах: она стремилась стоять рядом с ней, потому что «с ней было интересно разговаривать». Мать Мария приносила не только радость — трудно говорить о радости в этих условиях, — но с ней «было интересно».

Отец Владислав: Мы это по-своему почувствовали, пройдя наш паломнический путь. Странно, что при соприкосновении с этим страданием остается такое светлое чувство, которое не соответствует той атмосфере, в которой мы побывали, действительно атмосфере ада. Мы пережили здесь с матерью Марией Пасху. Это очень чувствовалось, когда мы пели пасхальный тропарь в лагерной тюрьме, это соответствовало месту.

Юлия: Очень важно было побывать на этом месте. Пройти этот путь, помолчать. Много из того, что мы слышали и увидели в фильмах, мы уже знали. По-настоящему же трогает то, что мы вступили на эту землю.

Отец Владислав: Я надеюсь, что этот опыт паломничества матери Марии будет продолжаться — он должен продолжаться.

Татьяна Викторова: Мы были здесь два года назад с Еленой Дмитриевной Клепининой-Аржаковской, когда только зародилась мысль о паломничестве и установлении мемориальной доски. В этот раз возникло совершенно особое ощущение, поскольку мы побывали здесь общиной. Нужно быть

вместе, чтоб ощутить в полноте и этот ужас, и это преображение. Так осознается смысл паломничества: это продвижение вместе, пространственное и духовное.

Отец Владислав: Это очень важно. Приход становится общиной, когда прихожан связывает опыт пережитого совместно, — прихожане переживают и реагируют потом совсем иначе, чем в обычной жизни.

Татьяна Викторова: Организация такого паломничества вполне реальна, и не только для западных, но и для русских приходов. Такая встреча с матерью Марией могла бы стать откровением для многих, этот опыт не может не отозваться.

Юлия: Это должно жить, это не должно остаться на уровне только нашей личной памяти. Пока еще трудно это сформулировать — этот опыт открывается, осознается постепенно, но, несомненно, он должен быть продолжен.

Отец Владислав: То, что мы получили, должно прорасти и дать плоды, нужно лишь дать этому возможность развиваться, чтоб это стало достоянием других людей. Речь идет не о популяризации — это принизило бы событие. Нужно, чтоб это паломничество дало нам и окружающим необходимое духовное размышление, — подобно тому как в поисках такого размышления мы обращаемся к Евангелию в поисках полноты жизни.

Татьяна Викторова: Поразительно то, что все это время мы говорим с вами о лагере смерти — в итоге как о источнике жизни. Продолжая Вашу параллель, можно сказать, что, побывав там, мы как бы прикоснулись к иконе — церковный, духовный жест, который дает нам ориентиры в жизни.

Отец Владислав: Удивительно при этом и то, что язык этой иконы понятен и открыт всем. Страдания не чужды никому: любой человек, переживший страдание, понимает другого страдающего. Не нужно быть подготовленным церковно, чтобы понять, что значит отдать другому, когда ты лишен всего.

Беседу записала Т. Викторова

*Первая международная конференция,
посвященная
осмыслению наследия митрополита
Антония Сурожского*

Конференция прошла 28–30 сентября 2007 года в Москве, в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье». Организаторами конференции стали фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского» (при деятельном участии Е. Майданович и Е. Садовниковой) и Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». В рамках конференции работала также выставка фотографий и публикаций митрополита Антония.

Хотелось бы сразу отметить слово «осмысление», вошедшее в название и обусловившее вектор работы: конференция задумывалась не просто как дайджест реплик и свидетельств о выдающемся пастыре, а как попытка понять особенности его богословской мысли и жизненного делания. В программном обращении к участникам и гостям конференции, вывешенном на сайте фонда еще до ее начала, можно было прочесть: «Итак, перед неопределенно большим кругом людей, считающих себя учениками, последователями, почитателями или духовными детьми владыки Антония, стоят три необычайно сложные задачи: 1) определить, в чем положительно состоит то учение, которому мы учимся и пытаемся учить; 2) каковы жизненные последствия этого учения в жизни и деятельности самого владыки Антония, иными словами, в чем состояло дело его жизни; 3) как оно может быть продолжено каждым из нас и нами вместе. ...Мы не можем и не должны пытаться назвать словами тайну личности владыки Антония, но попытаться назвать, в чем состоит его дело, необходимо, потому что без этого мы не можем перейти к решению третьей задачи, самой насущной: что нам делать без него и чего он ждет от нас». Эта обращенность конференции к каждому участнику и слушателю, возможность для каждого соотнести услышанное со своим внутренним миром, открытость и непредвзятость выводов и стали залогом успешности конференции.

Началась конференция вступительным словом директора Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» В.А. Москвина, приветствовавшего собравшихся, отметившего значительность личности митрополита Антония и высказавшего надежду на успешность проведения конференции. Затем были зачитаны приветственные послания, поступившие в адрес конференции: Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия (зачитал о. Сергей Овсянников) и Приветствие митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, Председателя Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви (зачитал сотрудник Богословской комиссии А. Кырлежев).

Первый день конференции был посвящен теме «Богословие. Пастырство». Выступления докладчиков начались

Е.Л. Майданович

с полемически острого, поднявшего важные вопросы и никого в зале не оставившего равнодушным доклада игумена Петра (Мещеринова), сотрудника Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Даниловом монастыре (см. его доклад на с. 56 «Вестника»).

Доклад следующего участника, протоиерея Корсунской епархии МП (Франция) Стефана Хедли, был озаглавлен как «Митрополит Антоний: проповедь евангельской простоты». Отец Стефан обратил внимание слушателей на бесконечную открытость, характеризующую личные отношения Христа с каждым человеком, и предложил рассмотреть грани такой открытости у владыки Антония. Многих, знавших митрополита Антония, поражала его способность «устанавливать общение», входить в жизнь другого человека, помогать ему и отходить в сторону, чтобы уберечь себя от благодарности. При этом, как заметил докладчик, владыка Антоний оставался довольно одиноким человеком, поскольку стремился создать пространство общения не на почве дружбы, но именно как церковное пространство. Владыка потому мог помочь, что он отождествлял себя с каждым пришедшим к нему человеком в его положении, разделял с людьми «трудности их собственной личности», не подсказывая, что нужно сделать, но помогая встать перед Богом и стать самими собой. Отец Стефан подробно остановился на способе владыки Антония принимать исповедь, привел примеры его отношения к трудным духовным случаям, вплоть до сумасшествия и самоубийства. Открытость владыки характеризуют такие качества, как глубокое внимание к тому, что происходит в реальной жизни, и внутренняя честность. Они же нашли отражение и в его проповедническом даре. «Митрополит Антоний был подлинным епископом в том, что он шел в ногу с временем, ничего притом не изменяя в Христовом учении», — заметил отец Стефан.

Затем Александр Кырлежев (член редакции журнала «Континент», член Синодальной богословской комиссии) выступил с докладом «Митрополит Антоний: контекст жизни и служения». А.И. Кырлежев охарактеризовал богословие владыки Антония как «керигматическое», сочетающее в себе университетскую образованность с даром прямого слова, направленное к человеку в его душевно-телесной це-

лостности. Докладчик обратил внимание на значимость для понимания богословского наследия владыки Антония проблемы реально пережитого им духовного опыта, его реального прорыва в духовную сферу, и на способы передачи этого опыта другим людям, поскольку только такой реальный опыт встречи с Богом спасает от «религиозного идеологизма». Именно поэтому опыт митрополита Антония уникален, его нельзя «воспроизвести и транслировать», но можно сделать образцом духовной жизни для всех нас.

Затем выступил ученик и последователь владыки Антония, настоятель Свято-Никольского храма в Амстердаме протоиерей Сергей Овсянников (когда-то он был рукоположен в сан именно митрополитом Антонием). Тема его доклада звучала так: «Быть здесь и сейчас...». Вначале отец Сергей отметил удивительную способность владыки Антония к сосредоточению, к вниманию, его способность к полной погруженности в данный момент бытия и предложил взглянуть на эту способность с точки зрения аскетической практики Православной Церкви. В обыденном сознании аскетика часто связывается с опытом воздержания, с постом и молитвой. Однако жизнь показывает, что если поститься мы еще хоть как-то можем, то с молитвой дело обстоит сложнее: мы намереваемся молиться, но, несмотря на наше искреннее желание, мысли наши уходят в сторону, вместо них появляются посторонние мыслишки, то, что в греческом языке называется словом «логисмой» и противопоставлено «логосу». Это и есть помыслы, а аскетика — упражнение, задача которого эти помыслы остановить (вторая ее задача связана с остановкой влечения, желания). Решение этой задачи связано с вопросом, где пребывает наша молитва — в разуме или в сердце, где пребываем мы сами? Владыка Антоний не раз приводил в пример человека, опаздывающего на автобус: этот человек уже не здесь, он уже либо в автобусе, либо в опоздавшем состоянии. Отец Сергей привел также свой собственный пример: по прилете он стоял в очереди на паспортном контроле в аэропорту и заметил, что все присутствующие мысленно находятся уже за чертой контроля, уже встречаются с родными и близкими, никто не пребывает здесь и сейчас. «Вспоминая владыку Антония, я могу сказать, что его присутствие точно отвечает смыслу этого слова. Он

был всегда *при сути*. Быть по существу и в существе, в целостности, а не в фрагментарности или же пребывать в разобщенности с настоящим — вот в чем, собственно, вопрос аскетики, вот тот вопрос, который владыка старался по крайней мере разбудить в нас», — сказал отец Сергей. Он привел также характерную цитату из интервью владыки отцу Сергию Гаккелю: «Я думаю, что надо иметь одно правило через всю жизнь: что единственный миг, которым ты обладаешь, — теперешний миг. Ты никогда не можешь рассчитывать на то, что через мгновение успеешь еще что-нибудь сделать. Священник, опытный или неопытный, должен знать: он сейчас стоит в вечности, в которой время не течет, но время течет на земле, и поэтому он может стать и, не считаясь со временем, делать то, что нужно». Способ такого достижения настоящего — молчание, исихия, которое не есть пассивное состояние, но взлет, теплота, свет. Пребывание в настоящем сводится в итоге к библейскому «Я есмь», которое есть имя Божие. Студентам Московской Духовной академии митрополит Антоний советовал упражняться и хотя бы пять минут в день пытаться *быть*. Тем же студентам владыка приводил в пример образ витража, рисунок на котором виден лишь когда есть свет по другую сторону. Сам владыка Антоний и был таким витражом, пропускавшим свет Божественного присутствия.

Со следующим докладом (см. его на с. 68 «Вестника») выступила библеист Анна Шмаина-Великанова, предложив в начале помянуть тех, кто хотел, но не смог принять участие в этой конференции: скончавшихся этим летом отца Георгия Чистякова и отца Александра Геронимуса.

После с докладом «Богословие дружбы» выступил минский поэт Дмитрий Строцев. От знакомого всем читателям книг владыки Антония чувства, что владыка не просто автор, но друг, докладчик перешел к фундаментальной для богословской мысли митрополита Антония категории дружбы, характеризующей «таинственную глубину открытости и взаимной устремленности всего ко всему: Творца и творения, человека и человека, человека и всей твари, таинственную значимость и неизбежность всего для всего».

Затем был зачитан текст доклада участницы из Ливана, профессора Бейрутского университета Амал Дибо, которая,

к сожалению, не смогла приехать. Тема ее доклада: «Митрополит Антоний: наследие к обновлению». Среди характерных черт этого наследия докладчица выделила: 1) наследие духовного гостеприимства, той открытости и внимательности, с которой владыка подходил к каждому, видя в каждом неповторимость и особенность именно его личной встречи со Христом; 2) живую веру, выражающуюся в свободе и ответственности; 3) обязанность примирения на многих уровнях: личностном, внутрицерковном, между Церковью и миром и между различными Церквями, примирения, не совпадающего с компромиссом, но означающего «соединение лучшего во всем и во всех». Этос оставленного владыкой наследия — это открытость, свобода и творчество.

В докладе-свидетельстве духовной дочери владыки Антония и члена епархиального совета, православной англичанки писательницы Джиллиан Кроу была представлена деятельность митрополита Антония как своеобразного апостола Англии, несущего людям свет Христов, но остерегающегося какого бы то ни было прозелитизма: Джиллиан Кроу, перешедшая в Православие из Англиканской Церкви, рассказала, как тщательно проверял владыка зрелость и взвешенность ее решения, как остерегался даже собственной своей харизматичности, стараясь, чтобы люди шли не за ним, а за Христом. Докладчица свидетельствовала о беззаветном служении владыки Антония, епископа, служившего сторожем в своем храме и расставлявшего стулья после собраний («Он готов был мыть посуду после родительских собраний (этого мы не допустили!)») и требовавшего, чтобы епископы его епархии, включая его самого, получали меньшую плату, чем женатые священники, которые должны были содержать семью. Владыка не просто призывал жить по-христиански, но являл собою такую жизнь и давал необходимые для нее поддержку и вдохновение.

Историк Елена Белякова глубоко и содержательно проанализировала, как экклезиология митрополита Антония отразилась на «Уставе Сурожской епархии», особенности которого она выявила, сравнив его с «Уставом Русской Православной Церкви», принятом в 2000 году. Первое отличие это то, что Сурожский устав стал плодом подлинно соборной работы (о чем свидетельствовали потом и присутствующие

щие члены епархии), продлившейся с 1979 по 1985 год (и только в 1995-м, после испытательного срока и внесения дополнений, устав был принят епархиальным собранием). Причем при такой соборности работы документ был не безымянным, а авторским. Другой особенностью является то, что авторы устава учли в нем юридические традиции Великобритании, что отразилось, например, в полной прозрачности финансовой деятельности епархии. Устав стал наследником традиций Собора 1917–1918 годов. Докладчица особенно подчеркнула не административную, а ехаристическую основу сурожского устава, делающую центром управления епархией ехаристическую общину с выборным епископом во главе и при активном участии мирян.

В завершение первого дня конференции прошел круглый стол «Контуры учения митрополита Антония», в котором приняли участие отец Сергей Овсянников, протодиакон Петр Скорер, А.И. Шмаина-Великанова, поэт Ольга Седакова, режиссер Валентина Матвеева, Дмитрий Строцев, Елена Садовникова, художник А.А. Мелик-Пашаев. Участники согласились, что речь стоит вести не столько о каком-то «пионерском» учении, оставленном владыкой, сколько о его способе являть собой христианство, говорить о нем каждому человеку на понятном ему и созвучном времени языке.

Следующий день, 29 сентября, был посвящен вкладу владыки Антония в науку, в такие сферы знания, как философия, психология, педагогика, филология и медицина, а также практическому применению его наследия в различных областях научной и социальной работы. Первым здесь прозвучал доклад переводчика и библеиста М.Г. Селезнева «Царство Небесное в Евангелии от Матвея. Евангельский текст, народная интерпретация и муки переводчиков. “Царство Божие — это не место, это состояние” (митрополит Антоний)», поделившегося своими размышлениями о трудном для перевода евангельском выражении «Царство Небесное» и о попытках передать его смысл в контексте богословской мысли митрополита Антония. Доклад вызвал оживленную реакцию зала и многочисленные отклики, касающиеся сформулированной докладчиком проблемы. После этого прозвучал доклад философа, преподавателя Свято-Филаретовского института Г.Б. Гутнера «Образ Церкви с точки зре-

ния философии общения». Григорий Борисович рассмотрел центральную в экклесиологии митрополита Антония мысль о встрече, об общении человека с Богом и с человеком, о необходимой для этого открытости в контексте понятия «отчуждения», глубоко продуманного философией XX века (начиная с концепции отчуждения К. Маркса).

Затем выступила духовная дочь владыки Антония, основательница Фонда св. Григория, созданного по благословению владыки и оказывающего социальную помощь в России, И.Я. фон Шлиппе. О деятельности этого фонда, о его реальной работе и рассказала Ирина Яновна в своем докладе «Владыка Антоний и секулярное общество». Ирина Яновна нарисовала живой облик митрополита Антония, рассказала, как более сорока лет он был ее духовным отцом, о том, как она восприняла от него и стала воплощать в жизнь его завет: «оцерковлять мир, а не нести обмирщение в церковь», «нести в мир то радостное аскетическое усилие, которое мы обычно проявляем только в Церкви». Затем докладчица поделилась опытом работы Фонда св. Григория (в России — «Поможем друг другу»), задача которого — не просто

Слева направо: В. Матвеева, А.И. Шмаина-Великанова, О.А. Седакова

оказать временную материальную помощь неимущим, но организовать людей на местах, помочь им самим научиться организовывать свою жизнь. Докладчица также рассказала о программе фонда по борьбе с абортными и о результатах этой программы. Этот доклад был удивителен тем, что явственно показывал, как мысль и пример владыки Антония действует в других людях и в их конкретной работе, приносящей конкретные плоды. Следующим докладчиком стал англичанин, психолог, прихожанин владыки Антония Роберт Холдсворт. В своем докладе «Бог или мамона: выбор бизнесмена» он поделился своими мыслями о том, как внести свет христианства в профессиональную деятельность человека, как он пытается реализовать эту связь в своей собственной профессиональной деятельности — так, как научил его этому митрополит Антоний. После этого выступила доцент кафедры теории и истории культуры филиала Государственной академии славянской культуры в Твери А.А. Журавская с докладом «Проповеди владыки Антония Сурожского и курс “История религий”», поделившись своими наблюдениями над тем, как помогают проповеди и мысли владыки при построении курса истории религий, при попытках говорить студентам о христианстве.

Священник Христофор Хилл, настоятель домового храма Святой Троицы при I Московском хосписе, зачитал двойной доклад об опыте работы с умирающими в хосписе: свой (вторым) и (первым) доклад Федерики де Грааф, голландки, чью жизнь когда-то перевернула встреча с владыкой Антонием. Она долгое время жила в Лондоне и была прихожанкой владыки. Около пяти лет назад она переехала в Москву, где и работает сейчас волонтером в хосписе. Федерика не смогла присутствовать на конференции, и отец Христофор зачитал ее доклад «Наследие владыки Антония. Опыт работы с умирающими». Докладчица попыталась сформулировать, в чем заключается влияние владыки Антония на ее работу «как рефлексотерапевта-психолога с терминальными онкологическими больными в I Московском хосписе. Работа касается не только умирающих, но также их родственников, близких и медперсонала». Самым важным здесь является учение владыки о молитве. Часто, начиная свою работу в хосписе, Федерика по его совету молится такими слова-

ми: «Будь моими глазами, видящими ближнего, будь моим слухом, воспринимающим его зов, мольбу, крик; будь моими ногами, спешащими к нему на помощь, будь руками моими, дающими ему то, что нужно...» Именно вера митрополита Антония в человека, в то, что его призвание превосходит рамки болезни и смерти, помогает в этой нелегкой работе. Основным здесь становится стяжание внутреннего молчания, о чем пишет владыка, для которого «понятия сострадания и молчания тесно связаны». Ведь только имея личный опыт вечности, можно делиться им с умирающими, можно научиться отказываться ставить себя в центр событий, владеть собой, чтобы отдавать себя другому — тому, кто страдает. «Сострадание для владыки — это творческий подход к горе человека», состоящий в том, чтобы «так глубоко молчать при человеке, раскрыв свое сердце, чтобы принимать его и его горе в самой глубине, и так молча побыть с ним для того, чтобы он мог заговорить и не был один со своим страхом, и в этой глубине собственного сердца предстать с ним перед Богом». Непростую тему опыта работы с умирающими продолжил в своем собственном докладе «О хосписе» отец Христофор Хилл. Он также остановился на теме молитвенного молчания, важного в хосписе, где «слова не помогают», где надо развивать в себе умение слышать — так, как слышал людей митрополит Антоний. Отец Христофор также поделился опытом принятия боли другого человека, умением видеть эту боль за ее проявлениями, даже если она проявляется в обиде или агрессии. Он рассказал также о важности для работы в хосписе мыслей владыки об исцелении, которое не обязательно совпадает с выздоровлением человека, но всегда — с обретением цельности, связи человека с Богом. Оба доклада вызвали горячую реакцию слушателей, потому что отвечали на насущные вопросы многих: как помочь людям, находящимся в безнадежном состоянии, в самой глубине болезни, горя, беды.

Психиатр Борис Воскресенский в докладе «Духовная жизнь и душевная болезнь (из опыта работы психиатра в общине и в больнице)» поделился тем, как антропология митрополита Антония помогает ему в его работе — соотнести духовную жизнь и душевную болезнь. Докладчик поделился используемой им в психотерапевтической практике «трихо-

томической концепцией личности», показал диаграммы соотношенности психических болезней с духовной и душевной сферами человеческой личности, выявляющие различные аспекты взаимоотношения веры и болезни, поставил в пример единство пастырского и врачебного служения митрополита Антония, позволяющее находить подходы и оказывать духовную помощь даже тем людям, у которых целостность личности нарушена душевной болезнью. Медицинскую тему продолжил и доклад известного психолога Федора Василюка «Категория понимания у митрополита Антония». Докладчик поделился психологическими аспектами проблемы понимания, риска, всегда необходимого для сближения человека с человеком. Ведь мы очень не любим быть кому-то ближними, гораздо удобнее быть «дальними», или лучше — «средними». Владыка Антоний вполне обладал этим даром — быть человеку ближним, даром не объяснения, а именно понимания — понимания человека «всей душой, всем собой». Он шел всегда на риск встречи с ближним, поскольку в основе его понимания лежал опыт встречи с живым Христом.

Филолог, преподаватель Библейско-богословского института св. апостола Андрея Светлана Панич рассказала о «другом языке» митрополита Антония. Выражение «другой язык» заимствовано из лексикона владыки: в одной из бесед, опубликованных в 2000 году в «Русской мысли», митрополит Антоний сказал, что, не отходя «от духа Церкви, от духа святоотеческого», он тем не менее говорит «на другом языке и другим людям». Докладчица проанализировала особенности этого «другого языка». Он «другой» не столько в историческом смысле, как перевод древних понятий на язык, понятный современному человеку, но в том смысле, что это язык, свободный от двусмысленности и идеологических перевертышей, от выхолощенности современной речи, возвращающий понятиям их изначальный смысл — смысл, утрачиваемый «стилизированным Православием» или «идеологическим христианством», которое часто выражается в появлении своеобразного «религиозного новояза». Это «взрослый язык», обращенный к зрелому человеку, противоположный как детскому лепету, так и старческому брюзжанию. Это язык, свидетельствующий о подлинном духовном пути как движении от велеречивой бессловесности к «рас-

суждающему» молчанию, тому молчанию, из которого только и может родиться живое слово. Только на таком живом и осмысленном языке человек и может беседовать с людьми и Богом.

Завершающим стал доклад профессора юридического факультета Военного университета Константина Харабета с несколько неожиданным заглавием: «Проблемы борьбы с грехом в контексте предупреждения девиантного поведения человека в трудах митрополита Антония». Ученый поделился своими наблюдениями над тем, как духовные болезни человека влияют на формирование мотива преступления. Труды митрополита Антония, с точки зрения докладчика, позволяют подойти к профилактике девиантного, а следовательно и греховного, поведения. Причем к разновидностям девиантного поведения военный юрист отнес не только наркоманию и алкоголизм, но также и бюрократию, заметив, что владыка Антоний был «убежденным обличителем бюрократизма». Докладчик признал вклад владыки в развитие такой науки, как конфликтология, и предложил включить его проповеди в программу учебной дисциплины «юридическая конфликтология». В завершение второго дня конференции была отслужена вечерня.

Третий день конференции, воскресный, начался с литургии, после которой все участники вновь собрались в здании БФРЗ. Тема дня звучала как: «Литература. Искусство. Личные свидетельства». Первым прозвучал доклад известного британского слависта, духовной дочери владыки Антония Аврил Пайман «Анализ подхода митрополита Антония к литературному произведению». Докладчица остановилась на подходе владыки Антония к литературному произведению, отметив, что это был прежде всего подход читателя, а не ученого теоретика-теолога, читателя, «бескорыстно» читающего интересующую его литературу, не ради самообразования, а потому, что это «кровно нужно». В докладе прослеживается формирование литературных пристрастий владыки Антония и критерии выбора, обусловившие, что именно те или иные авторы (например, поэт Боратынский) особенно близки или интересны владыке. К таким критериям относятся «чистота, прозрачность, простота, мужество и правдивость». Далее докладчица подробно остановилась

на восприятии митрополитом Антонием красоты, которую стремится выразить искусство, как напоминания о недостижимой одним разумом глубине, на концепции человеческого творчества как продолжения творения Божия. В многочисленных литературных примерах, используемых владыкой во время его бесед или проповедей, интересно не только внимательное отношение к аудитории, с которой митрополит Антоний всегда говорит не свысока, а на равных, на понятном ей языке, интересно еще и отношение к цитируемым литературным персонажам как к живым людям, как к хорошим знакомым. И во взгляде на авторов произведений владыке важна их правдивость, способность раскрыть стороны своего опыта, будь то даже опыт борения или сомнения, как у Достоевского. В этой уловленной Достоевским способности искусства приобщать к совершенной Красоте, то есть к Богу, и есть призвание человеческого искусства, вторичное по отношению к первичному молчанию Божьего присутствия и все же весьма высоко ценимое владыкой — поскольку подлинное искусство черпает из глубин того же самого молчания.

Доклад известного поэта Ольги Седаковой «Язык проповеди, язык проповедника: кризис наших дней и речь владыки Антония» начался с проблемы кризиса проповеди в наше время, поскольку «современный человек противится прямой дидактике и учительству». О.А. Седакова предложила вернуться к изначальному смыслу слова «проповедь» как «сообщение, извещение» — о небывалом и новом, о чуде спасения, известие, снимающее с человека бремя. Так, первыми проповедниками были ангелы с пастухами и сама Вифлеемская звезда. В новое время такое воздействие чаще оказывает вдохновенное искусство, чем церковная проповедь. Гете писал о том, что поэзия освобождает нас «от тяготеющего над нами бремени», поднимая нас вверх, «вместе с висящим на нас балластом». Владыка Антоний возвращает проповеди эту освобождающую функцию. Это связано прежде всего с его правдолюбием, с тем, что первичным условием духовной жизни как для себя, так и для слушателя он ставит правду. Он говорит «не из той утопической позиции, где “прилично” быть верующему человеку», то есть не из позиции «святошества», а из той точки, где лично он находится,

из точки реальности. И в этом евангеличность его позиции, ведь главные противники слов Христа в Евангелиях не грешники, а «святоши». И еще одно сходство: как Христос не заботился о записи Своих слов, даже Нагорной проповеди, так же и владыка Антоний не стремился к записанному слову, он проповедовал самим фактом своего существования, самим собой, своим неповторимым присутствием. Все это и становилось той самой проповедью в изначальном смысле этого слова — вестью, несущей освобождение. «Словами передать ее трудно, — но что-то такое: “Не будем ничего бояться”. И: “Мы здесь не одни”. И: “Мы уже не совсем на земле и в эту тяжесть не вернемся”. И: “Как все удивительно”. И какие-то еще ближе касающиеся твоей жизни и подтверждающие и приподнимающие ее несловесные слова. “Вместе с висящим на нас балластом”, как точно заметил Гете. Не *вопреки* твоим несовершенствам, грехам и т.п., — а *вместе* с ними. Вот что чудесно», — сказала докладчица, заметив в конце, что для нее «самым истинным, самым великим словом владыки Антония о Боге» был сам владыка.

После этого состоялся круглый стол «Опыт встреч», участники которого (О.А. Седакова, А.И. Шмайна-Великанова, о. Сергей Овсянников, о. Петр Скорер, Е.Л. Майданович, И.Я. фон Шлиппе, Д. Строцев, В.И. Матвеева и другие) поделились опытом своих личных встреч с владыкой. Со свидетельствами выступали и люди из зала. Выкристаллизовывалось то пространство встречи, которое нарастало всю конференцию, той встречи, которой была посвящена вся жизнь митрополита Антония.

Уместным аккордом в выстраивании такого пространства стал завершающий конференцию доклад архимандрита Виктора (Мамонтова) «Пастырь любви». Это было удивительное свидетельство о святости владыки — живое и неоспоримое, как всякое подлинное свидетельство, рассказ о личной встрече с ним в 1998 году в лондонском приходе. Переполненный зал слушал тихий голос отца Виктора, затаив дыхание: «Меня удивило то, как молится владыка. Было впечатление, что он обращается к Тому, Кто находится перед ним и молится всеми силами жизни, которые в нем были. Молитва в нем жила, горела. Я почувствовал, что он близок Богу, что он умеет творить молитву предстательства о всех

тех, кого Бог ему дал. Он был поистине человеком молитвы». В ту встречу отец Виктор попросил владыку сказать несколько слов его прихожанам. Эти слова были записаны на магнитофон. Умножая эффект присутствия, отец Виктор сначала зачитал их сам, а в конце была включена запись с неповторимым голосом митрополита Антония, доверительно обращающегося к каждому в этом зале: «Что вам пожелать? Пожелаю вам радости о Боге, о том, чтобы вы научились молиться, как святые молились. Но святой — это не какой-нибудь незаурядный человек. Это человек, который в простоте своего сердца может встать перед Богом. Мне вспоминается один образ молитвы, который у меня давным-давно в сердце. Это рассказ о том, как один священник приходил к себе в храм и заставал всегда старика, который сидел и смотрел прямо перед собой. Он к нему однажды обратился и спросил: “Дедушка, что же ты тут сидишь? Губами ты не шевелишь, значит, устно не молишься. Пальцы твои не бегут по четкам, видно, у тебя их нет. Что же ты делаешь часами?” И он ответил: “Я на Него смотрю. Он смотрит на меня, и нам так счастливо вместе!” И вот этого я вам всем желаю». Отец Виктор говорил о жизни и смерти владыки так, что этот его рассказ обязательно возьмут за основу будущие авторы жития митрополита Антония, — как о свете, любви, тишине, проводниками которых был владыка, о их росте, которого не могла остановить и его смерть. Вот свидетельство о похоронах владыки Фредерики де Граф, приведенное отцом Виктором: «Еще до перенесения гроба в собор, во время многих панихид, чувство жизни и просветленности постепенно усиливалось, подготавливая нас к встрече с ним. И теперь мне казалось, что перед нами лежит не он, а икона того незримого мира, который он так ясно видит теперь. И у меня тоже была возможность “увидеть”, убедиться, что ныне владыка со Христом, со святыми, что он достиг своей Субботы, и это смягчало мою боль. В душе звучали слова, совсем недавно услышанные мною из его уст: “Я знаю одно, что после моей смерти я не разлучусь ни с вами, ни с епархией”. Он произнес это, как бы говоря с самим собой, будто повторяя всем известный факт, а не свою личную веру выражая. И глядя на него теперь, я недоумевала: разве можно, чтобы он или любой из нас умер? Ибо владыка был так полон жизни, жизни Христовой, что

умереть не мог. И мы тоже не умрем. Это казалось таким очевидным». «Он был поистине апостолом любви», «печать апостольского духа была в нем», — завершил архимандрит Виктор свой рассказ о митрополите Антонии.

После этого прошел небольшой завершительный круглый стол по подведению итогов конференции. Все выразили надежду, что эта конференция стала первой из многих будущих конференций по осмыслению наследия владыки. А.И. Шмаина-Великанова предложила организовать своего рода постоянный семинар, на котором в ходе работы с конкретными текстами можно было бы ближе подойти к улавливанию особенностей богословской мысли владыки. Директор БФРЗ В.А. Москвин сказал, что двери Библиотеки-фонда открыты как для такого семинара, так и для последующих конференций, которые мы всегда рады будем принять в наших стенах.

После премьеры третьего фильма-свидетельства о владыке Антонии «Апостол любви» питерского режиссера В.И. Матвеевой отцом Сергием Овсянниковым была отслужена панихида по митрополиту Антонию. По завершении панихиды — само собой, но по внятной всем присутствующим логике возникло другое пение: участники конференции пропели стихиры Пасхи, как знак победы любви над смертью.

НАТАЛЬЯ ЛИКВИНЦЕВА

«Зарубежье» в Нижнем Новгороде

Прошлым летом мне посчастливилось впервые побывать на родине моих отцовских предков, в Нижнем Новгороде. Попала я туда в связи с двойным событием, связанным с деятельностью Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ) и комитетом «Книги для России», который я возглавляю в Америке.

Первым было открытие коллекции работ выдающегося русско-американского художника Сергея Львовича Голлербаха, пожертвованной для Художественного музея Нижнего

Новгорода бывшим нижегородцем Юрием Виссарионовичем Зориним, который уже много лет живет в США. Параллельным событием была передача крупного книжного дара Нижегородской областной библиотеке. Комитет «Книги для России» участвовал в обоих мероприятиях — через него были доставлены в Россию картины Голлербаха, и среди 2400 экземпляров книг, поступивших от БФРЗ на средства Русского Общественного Фонда Солженицына и от YMCA-Press, было также немало произведений авторов-эмигрантов, собранных нами по Америке.

Для меня было приятной неожиданностью, что вместе с директором БФРЗ В.А. Москвиным Комитет по культуре Нижегородской области пригласил по этому случаю приехать и меня. Приглашены были также Ю.В. Зорин и художник Л.С. Голлербах. Ни тот ни другой, к сожалению, приехать не смогли. Зато я с величайшей радостью приняла приглашение; рассказы о Нижнем я с детства слышала от бабушки. Более того, отец ее А.С. Голованов служил в той самой Общественной библиотеке, куда мы сейчас доставили книги. (В те времена она помещалась в другом здании и, конечно, не называлась именем Ленина.) Как было не поехать!

Подпись?

В отличие от дарителя Ю.В. Зорина, который родился в г. Горьком и получил здесь образование инженера, С.Л. Голлербах — уроженец других мест; он родился в 1923 году в Царском Селе (тогда Детское). Во время войны попал в Германию. По окончании войны учился в Академии художеств в Мюнхене. В 1950 году Голлербах приехал в США, поступил в Лигу студентов-художников в Нью-Йорке, занимался в Американской художественной школе. Впоследствии был избран в члены Американской национальной академии художеств и Общества акварелистов. Картины его находятся в четырнадцати коллекциях американских музеев и галерей, а в России — в Третьяковской галерее, Русском музее, в Воронежском, а теперь и в Нижегородском. С коллекционером Зориним их связывает многолетняя дружба и любовь к искусству. С самого приезда в Америку Зорин стал в силу своих скромных возможностей приобретать художественные произведения и продолжал заниматься этим после поступления в русский отдел радиостанции «Голос Америки», где проработал много лет, до самого выхода на пенсию. 12 картин, отданных им в Нижегородский музей, были подарены ему самим художником и поступили в музей с разрешения Голлербаха. Многолюдное открытие выставки Голлербаха в Нижнем Новгороде прошло в торжественной обстановке; его работы, выполненные в присущей Голлербаху смелой индивидуальной манере, вызвали у публики и прессы большой интерес.

Церемония передачи книг состоялась в тот же день после обеда. Программа передач книг, связанных с русской и зарубежной историей, включая литературу и философию, осуществляется БФРЗ уже более десяти лет. По этой программе, к моменту передачи книг в Нижнем Новгороде, было распределено более 400 тысяч книг среди 2000 библиотек. Многие из них — книги, вышедшие в издательстве YMCA-Press и «Русский путь» при БФРЗ. Дар от комитета «Книги для России» состоит из книг самых разных издательств, включая издательство имени Чехова, выпустившего много ценных произведений в 1950-х годах в Нью-Йорке, канадское издательство «Заря», франкфуртское «Посев», книги, изданные на средства самих авторов, университетские публикации и пр. Комитет наш был основан в США в 1997 году для пополнения книжных фондов и архивов

БФРЗ. За эти годы из разных концов Америки поступило для отправки в Россию около 100 тысяч экземпляров книг и множество периодических изданий разных лет. Большая часть пожертвований – от частных лиц, нередко от людей, унаследовавших библиотеки от своих близких. Так, в частности, нами были получены архивы и собрания книг покойного профессора русской истории и философии Н.П. Полторацкого, исследователя Русской Православной Церкви В.А. Алексева, недавно скончавшегося в Калифорнии протоиерея Виктора Соколова и др. В последнее время комитет распространил свою деятельность и на произведения искусства с целью передачи их в Россию.

Возвращаясь к Нижнему Новгороду, хочу сказать, что принявшие нас хозяева не остались в долгу. Нам устроили экскурсию по городу, нас поили и кормили с чисто русским гостеприимством. Такой же радушный прием с обильным застольем мы встретили в городе Лысково, куда на следующий день передали в дар районной библиотеке партию книг. И совершенно исключительной была поездка по Волге в древний Макарьев монастырь, расположенный за неприступной каменной стеной над самой рекой. Великолепный вид монастыря с его многими куполами, его зеркальное отражение в воде производит незабываемое впечатление. Устроителям спасибо!

Людмила Оболенская-Флам

Вашингтон

УМСА-Press и «Русский путь» в Оренбурге

27–28 сентября 2007 года по приглашению Благотворительного общества «Евразия» с программой дарения книг представители УМСА-Press (Н.А. Струве) и «Русского пути» (А.С. Федотов) посетили Оренбург. Оренбург – город не маленький (600 тысяч жителей), но стоящий как бы на окраине

России, вне основных путей, как дорожных, так и водяных, – производит крайне приятное впечатление города опрятного, не бедного, одновременно спокойного и живого. Благополучию он в значительной мере обязан газоперерабатывающим комбинатам, но не забыт и промысел знаменитого оренбургского пухового платка – ручного изделия, которому осталось верно татарское население, и более современного машинного производства. Современность сочетается с пристрастием к прошлому, ко всем уроженцам или посетителям города, оставившим какой-нибудь след в истории, науке или общественности. Скромн, изящен совместный памятник Пушкину и Далю, встречавшимся в Оренбурге; излишне посоветски монументальна статуя герою Арктики Челюскину (да и Пушкину перед краеведческим музеем); не менее монументален будет воздвигающийся памятник казачеству в центре города (в образе казака на лошади). Скромна стела в память архиепископа Леонтия Бондаря в сквере его имени:

На открытии выставки в Областной библиотеке им. Н.К. Крупской (слева направо): председатель попечительского совета фонда «Евразия» Г.П. Донковцев, директор библиотеки Л.П. Сквородко, Н.А. Струве, А.С. Федотов, президент фонда «Евразия» И.В. Храмов, директор Департамента по культуре и искусству Оренбургской области В.В. Ренев

владыка, умерший в 1999 году, пользуется народным почитанием. С гордостью показывают на одной из главных улиц города дуб, посаженный еще при Дале. Культура в городе дружна с наукой и с административными должностями: директор Федоровской «Микрохирургии глаза» заслуженный врач России В. Каниюков пишет и издает стихи (его клиника, в саду которой возвышается новопостроенная часовня, предоставила гостям комнаты); директор издательства «Оренбургская книга» Г. Донковцев был мэром Оренбурга с 1985 по 1999 годы; президент общества «Евразия» Игорь Храмов, на редкость радушно нас принимавший, чтит память выходца из Оренбурга Александра Шмореля, сына эмигрантов, создавшего в 1943 году в Мюнхене противонацистское движение «Белая роза», за что был расстрелян, и посвятил ему книгу, озаглавленную «Русская душа “Белой розы”» (готовится канонизация мученика Александра, в Мюнхенском храме уже имеется на стене его изображение). Прочитанные нами лекции и проведенные собеседования в университете и в пединституте, как часто и в других городах России, дали почувствовать, насколько молодое поколение свободно от остатков «советского» менталитета, насколько оно любознательно и мыслит не по старым штампам.

Естественно, главным героем Оренбурга остается Пушкин, его поездка в Оренбургский край для сбора материалов для «Истории пугачевского бунта» и «Капитанской дочки». Кстати, в дни нашего пребывания в городском театре шло представление пьесы по повести Пушкина. Следует сказать, что режиссер и труппа прекрасно справились с инсценировкой повести, непревзойденной по своей исторической и поэтической глубине. Эпоха, война, схватки были показаны балетными приемами, что позволило сохранить рассказ и диалоги в их художественной простоте и ясности.

Так не каждый город, в России и на Западе, бережет свое прошлое. Быть может, этому способствует граница с Азией, с Казахстаном: Оренбург себя сознает последней юго-западной точкой европейской России.

Н. СТРУВЕ

YMCA-Press и Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» в Словакии

Презентация Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и открытие книжной выставки состоялись в Государственной научной библиотеке г. Банска Быстрица.

В фонд библиотеки – второй по величине в Словакии – были переданы книги современных российских издательств, коллекция учебных и справочных пособий по русскому языку, а также собрание русскоязычных эмигрантских изданий, включая издания YMCA-Press. Часть подаренных книг была размещена на выставке в читальном зале универсальной литературы. Представленные на выставке книги вызвали живой интерес учащихся и преподавателей Университета им. Матея Бела (второго в стране после братислав-

ского университета), в котором свыше 150 студентов изучают русский язык и культуру. Книги, посвященные культуре русского народа, истории России и Москвы, были особенно интересны для тех, кто только начинает изучать русский язык. Для многих студентов и аспирантов оказались актуальны более специальные издания по истории русского зарубежья, русской философии. Читатели постарше, посещающие русский культурный центр, нашли новые и интересные для них издания мемуаров и жизнеописаний.

На встрече был показан документальный фильм о деятельности Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье». Заведующая отделом международного и межрегионального сотрудничества *С.Н. Дубровина* представила Библиотеку-фонд и ее издательскую деятельность. *Н.А. Струве* рассказал об издательстве YMCA-Press, его вкладе в сохранение русской философской, особенно религиозно-философской, мысли во времена существования Советского Союза, о своем участии в создании Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» и формировании архива, посвященного русской эмиграции. На презентации выступили также директор научной библиотеки *Ольга Лаукова*, директор Русского информационного центра *Душан Ярина* и заведующая кафедрой исследований европейского культурного наследия Университета им. Маттея Бела *Елена Балинтова*.

Заместитель директора *Ольга Докторова* провела экскурсию по зданию библиотеки – крупного культурного центра, в состав которого входят книгохранилища и читальные залы, несколько иностранных информационных центров, научный отдел, музей, выставочные залы и даже театр. В библиотеке имеется собрание редких книг, в том числе переданных на хранение епископатам округа; часть книжного дара Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» будет размещена в этом фонде.

Т. БОРОВИНСКАЯ

В МИРЕ КНИГ

Антуан Нивьер. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе, 1920–1995 (Биографический справочник).

Москва; Париж: Русский путь; YMCA-Press, 2007. – 575 с.

Этот справочник – огромный вклад в историю русской эмиграции, в которой Православная Церковь играла столь значительную роль. Он содержит более 1060 имен священнослужителей и церковных деятелей с подробными биографическими данными. Ее автор – француз, профессор славистики в университете города Нанси, автор диссертации об имяславии, церковный деятель Архиепископии Западно-Православных Церквей русской традиции. Книга скромно посвящена «моему отцу». Можно добавить, что, ныне покойный, отец Антуана Нивьера не только перешел из католичества в Православие, но и стал православным священником. В справочнике он не упомянут, как, впрочем, и все священники нерусского происхождения, даже если они служили в русских юрисдикциях. Об этом можно пожалеть, так как их имена и биографии свидетельствовали бы о распространении Православия на Западе благодаря эмиграции.

Можно только удивляться тому колоссальному труду, который проделал автор, многие годы тщательно собирая сведения по многочисленным архивам, находящимся в разных странах (Франции, России, США) и у опрошенных более 30 лиц, коим выражена благодарность. В обстоятельном предисловии Нивьер намечает основные вехи Церкви в эмиграции; все три эмигрантские юрисдикции представлены им объективно, в том числе фотодокументами, многие из которых печатаются впервые.

Подвижность русской эмиграции вынудила автора иной раз выйти за пределы намеченной географической области, чтобы не упустить значительных церковных деятелей (так, например, известный публицист Кирилл Зайцев, в начале эмиграции живший во Франции, принял сан в Шанхае, а затем служил в США). А вот Илья Фондаминский, причисленный к лику святых, отсутствует, поскольку не входит в категорию священнослужителей и церковных деятелей. Не до конца соблюдены хронологические рамки, ограниченные на обложке 1995 годом: включены некоторые имена лиц, скончавшихся и позже. Есть и несколько — очень немного — ошибок и опечаток (так, под одной групповой фотографией прот. Евгений Амбарцумов, священник из Ленинграда, перепутан с владыкой Антонием (Блумом)). Но эти недочеты — пустяки по сравнению с объемом и полнотой этого даже не справочника, а словаря, энциклопедии русского духовенства, монашествующих и церковных деятелей, живших и трудившихся в эмиграции, прежде всего в Европе. А поскольку русская эмиграция перекочевала из Европы (да из Азии тоже) в Америку, то фактически учтены почти все страны мира.

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию Февраля и Октября — *Никита Струве*. 3

БОГОСЛОВИЕ

Плюрализм и Православие — *прот. Александр Шмеман* 6
 Дневник духовный (1928–1935) (*Окончание*) —

Ю.Н. Рейтлингер. 13

Перевод Псалтири (*Псалмы 118–127*) — *Георгий Федотов* 42

Памяти митрополита Антония (Сурожского)

Жизнь православного христианина в современном мире —

игумен Петр (Мещеринов). 56

Хесед: о повседневной святости в учении митрополита

Антония — А.И. Шмагина-Великанова. 68

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Альтернатива (Трудовой договор или крепостная
 зависимость) — *свящ. Павел Адельгейм*. 77

Сжитие со свету настоятеля храма Святых Жен-Мироносиц
 священника Павла Адельгейма — *Виктор Яковлев*. 94

Письма Н.П. Хирьякова митрополиту Евлогию (Георгиев-
 скому) (1924) — *Публ. и коммент. А. Гуревич*. 107

Стояние за веру в эпоху хрущевских гонений —
мать Магдалина (Некрасова). 116

ХРИСТИАНСТВО НА ЗАПАДЕ

Памяти кардинала Иоанна Люстиже (1926–2007) —
Н.А. Струве. 124

Страсти Христовы в истории — *кард. Ж.М. Люстиже* 127

К 90-летию русской революции

Пореволюционные мысли (1918) — *Н. Бердяев* 130

Происхождение великой смуты (1923) — *Г. Ландау* 139

ЛИТЕРАТУРА

- Все только начинается — *М. Бузник* 180
- Памяти К.В. Мочульского: к 60-летию со дня смерти*
- К.В. Мочульский: Жизненный и творческий путь —
Т. Викторова 182
- Слово на собрании друзей К.В. Мочульского в Париже
в связи с его кончиной в 1947 году — *Р.С. Клячкина* 198
- Переписка К.В. Мочульского и Д.И. Лаури 207
- Письма К.В. Мочульского А.М. Ремизову 212
- Письма К.В. Мочульского Н.А. Бердяеву 220
- К 125-летию со дня рождения Б.К. Зайцева*
- О «Дальнем крае», «Путниках» и их «Голубой звезде».
Переписка Бориса Зайцева, Наталии Соллогуб
и о. Павла Грибановского (1965–1982) (*Окончание*) 226

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

- Из книги «70 лет русской эмиграции» — *Н. Струве* 278

ХРОНИКА

- Паломничество в Равенсбрюк — *Т. Викторова* 300
- О паломничестве в Равенсбрюк. Беседа с о. Владиславом
и Юлией Трёмбовельскими 307
- Первая международная конференция, посвященная
осмыслению наследия митрополита Антония
Сурожского — *Наталья Ликвинцева* 312
- «Зарубежье» в Нижнем Новгороде —
Людмила Оболенская-Флам 327
- УМСА-Press и «Русский путь» в Оренбурге — *Н. Струве* 330
- УМСА-Press и Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»
в Словакии — *Т. Боровинская* 333

В МИРЕ КНИГ

- Аантуан Нивьер. Православные священнослужители, бого-
словы и церковные деятели русской эмиграции в За-
падной и Центральной Европе (1920–1995)» 335

SOMMAIRE

- Pour le 90e anniversaire des révolutions de février
et d'octobre 1917 — *Nikita Struve* 3

THEOLOGIE

- Pluralisme et Orthodoxie — *P. Alexandre Schemann* 6
- Journal spirituel (suite et fin, 1928–1935) —
sœur Jeanne Reitlinger 13
- Psaumes traduits par *Georges Fédotov* 42
- In memoriam métropolitain Antoine*
- La vie du chrétien dans le monde moderne —
higoumène Pierre (Metcherinov) 56
- Ytsed: l'enseignement du métrop. Antoine sur la sainteté
dans la vie quotidienne — *A. Schmaïn-Velikanova* 68

LES DESTINÉES DE L'EGLISE

- L'alternative — *P. Paul Adelheim* 77
- La traque du Père Paul Adelheim — *Victor Iakovlev* 94
- Lettre de N. Khiriakov au métrop. Euloge (1924) —
publication et commentaire d'A. Gourevitch 107
- Le combat pour la foi (1960) — un témoignage de *mère*
Marie-Madeleine (Nekrassov) 116

LE CHRISTIANISME EN OCCIDENT

- In memoriam cardinal Jean-Marie Lustiger (1926–2007) —
Nikita Struve 124
- La passion du Christ dans l'histoire — *Mgr J.M. Lustiger* 127
- Le 90e anniversaire de la Révolution Russe*
- Réflexions post-révolutionnaires (1918) — *Nicolas Berdiaev* 130
- L'origine de la grande époque des troubles (1923) —
Grégoire Landau 139

LITTERATURE

- Poème — *Michel Bouzник* 180
Pour le 60è anniversaire de la mort de C.Motchoulski
Constantin Motchoulski: vie et oeuvre — *Tatiana Victoroff* . . . 182
Ma dernière rencontre avec C. Motchoulski —
R. Kliatchkina 198
Echange de lettres entre C. Motchoulski et D. Lowrie 207
Lettres de C. Motchoulski à A. Remizov 212
Lettres de C. Motchoulski à N. Berdiaev 220

Pour le 125 anniversaire de la naissance de Boris Zaïtsev
Correspondance ente B.Zaïtsev et P.Gribanovski
(1965–1992, suite et fin) 226

HISTOIRE DE L'EMIGRATION RUSSE

- La vie politique de l'émigration — *Nikita Struve* 278

CHRONIQUE

- Pèlerinage à Ravensbrück — *T. Victoroff* 300
Impressions sur le pèlerinage — interview avec le p. Vladislav
et Julie Trembovelski 307
Conférence à la Maison de l'émigration russe à Moscou
consacrée au métrop. Antoine Bloom — *N. Likvintsva* . . . 312
L'Association «Books for Russia» à Nijny-Novgorod —
L. Obolenski-Flam 327
YMCA-Press et «La voie russe» à Orenbourg — *N. Struve* . . . 330
YMCA-Press et «La voie russe» en Slovaquie —
T. Borovinskaïa 333

LE MONDE DES LIVRES

- Antoine Nivière. Dictionnaire du clergé, des théologiens
et des hommes d'Eglise de l'émigration russe
en Europe centrale et occidentale (1920–1995) —
N. Struve 335

Представители «Вестника»

в США

Alexander Lisenko
PO BOX 439 Manton,
CA, 96059, USA

в ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Olga Pattison,
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 BD, UK

в ЛАТВИИ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 6
LV, 1013, Riga, Latvia
phone/fax: (371) 7361769
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

в ИТАЛИИ

Dott. Vladimir Keidan,
via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

в РОССИИ

в Санкт-Петербурге

Александр и Светлана Буровы
197110, СПб, Большая Разночинная д. 9, кв. 19
Тел. (812) 230 77 12 8, 921-3477-66-88,
aburov05@rambler.ru

Ковалевская Ольга Тимофеевна
Храм Новомучеников и Исповедников Российских
193036, Санкт-Петербург, Товарный пер., 16
тел. (812) 7130982
e-mail: dk-8888@peterlink.ru

в Екатеринбурге
Иванова Оксана Витальевна
620034, г. Екатеринбург,
ул. Черепанова, д. 18, кв. 83
тел. (3432) 45-36-45

в Воронеже
Корденко Сергей Николаевич
394000, г. Воронеж,
ул. Среднемаковская, д. 1, кв. 60
тел. (4732) 52-22-55
e-mail: mail@skord.vrn.ru

в Чувашской республике
Игумен Василий (Паскье)
83531, г. Алатырь, ул. Конгородок, д. 11
e-mail: ig-basile@cbx.ru

в БЕЛОРУСИИ
Дмитрий Строцев
220030, г. Минск, ул. Карла Маркса, 20-13
le_messenger@tut.by

на УКРАИНЕ
в Киеве
Вадим Залевский, изд. «Дух и литера»
04070, Киев, ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
тел. (044) 416-60-20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

в Николаеве
Шполянский Илья Михайлович
54001, г. Николаев, ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

в УЗБЕКИСТАНЕ
Валерий Александрович Германов
700052, Ташкент-52, ул. Коры-Ниязова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Цена отдельного номера – 5 €

в ВЕНГРИИ
Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

в ЧЕХИИ
Julia Jančárkova
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
e-mail: julia-prague@volny.cz

в ПОЛЬШЕ
Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego 9
01-574 Warszawa
Polska/Poland

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 193

Подписано в печать 07.27.2007
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 2000 экз.